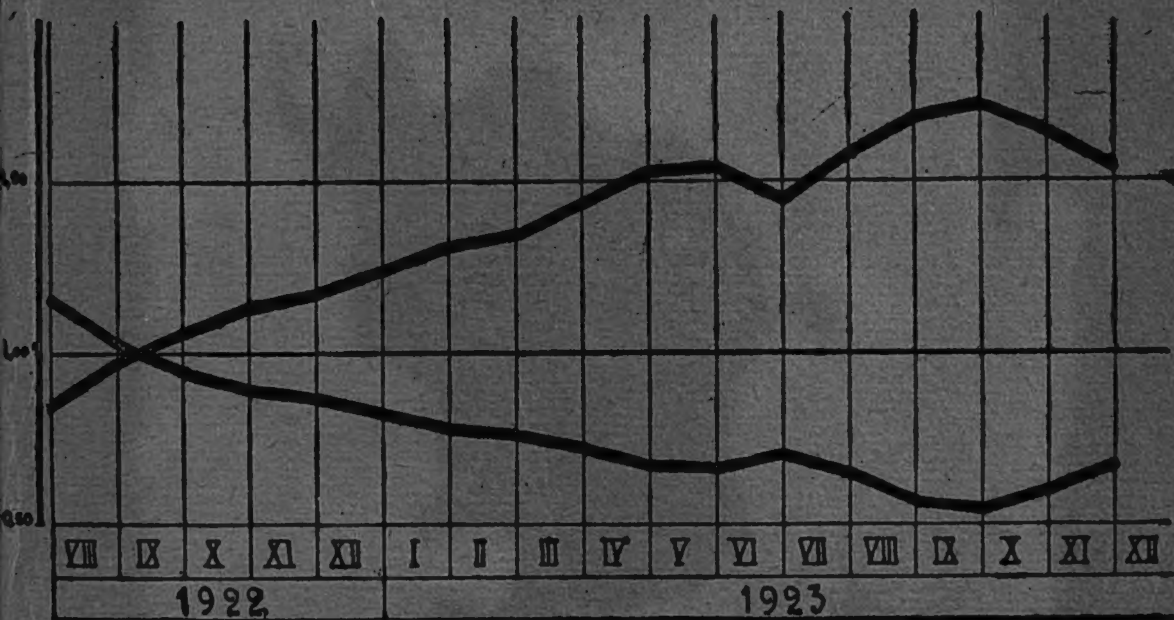
...политика

А. Essential Кактынь

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И „НОЖНИЦЫ“

(ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◆ МОСКВА ◆ 1924

А. Кактынь

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И „НОЖНИЦЫ"

(ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◆ МОСКВА ◆ 1924

Главлит № 16.862. Тираж 10.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ Изд-ва „Красная Новь“. Пименовская, д. 1/16.

ВВЕДЕНИЕ.

Когда на XII съезде РКП тов. Троцкий демонстрировал в первый раз „ножницы“, нельзя было еще ясно представить себе, что в недалеком будущем мы самое название их будем склонять во всех падежах, что рисунок их станет известным и знакомым каждому гражданину Советского Союза, хоть сколько-нибудь интересующемуся хозяйственными судьбами республики.

„Ножницы“ стали на ближайший послесъездовский период тем внешним критерием, барометром, показателем, по которому определялись общее состояние и динамика нашего народного хозяйства. По ним же мы следили за состоянием „смычки“ между городом и деревней. „Ножницы“, быть-может, тем и приобрели свою известность, что в *наглядной форме* отражают *на основании движения цен соотношение между двумя основными разделениями нашей экономики — промышленностью и сельским хозяйством*, что они этот момент *особенно четко* выражают и выдвигают на передний план.

Особенно сильное изменение этих взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством летом и осенью истекшего года, грозившее временами чуть ли не катастрофой для „смычки“, привлекло в соответствующие месяцы к „ножницам“ самое пристальное внимание всего рабоче-крестьянского общества и высших органов республики. После сентябрьского пленума ЦК РКП специальная комиссия под председательством тов. Рыкова занялась с помощью Госплана вплотную изучением тех экономических явлений, которые вызывали столь сильное раздвижение „ножниц“. Комиссия одновременно намечала и проводила самые неотложные меры к смягчению остроты кризиса сбыта промышленных изделий, разразившегося как раз в эти месяцы на почве общих причин, вызвавших самые „ножницы“.

Надо, однако, признать, что этот первый более общий и глубокий кризис, охвативший наше хозяйство уже на подъеме после агонии в первые годы революции и во время гражданской войны, оказался в значительной мере не предвиденным нашими плановыми и регулирующими органами. Мало того, у многих хозяйственных работников сохранилось, несмотря на переход без малого три года тому назад к новой экономической политике, представление о нашем хозяйстве, как настолько уже организованном, что ему подобные кризисы вообще не свойственны. Если такие иллюзии имели до последнего времени место, то действительность жестокой рукой разбила их, показав, что мы еще весьма далеки от того единства в организации и управлении даже огосударствленной, наиболее крупной и концентрированной частью хозяйства, не говоря уже о регулировании мелкого частного хозяйства, при котором становится вообще возможным предвидеть и предупреждать кризисы, а, следовательно, в конечном счете, при максимуме организованности и плановости, даже устранять их. Процесс воспроизводства в целом оказался на деле далеко еще нам не подчиненным. Вся почти область потребления и мелкого промышленного и сельского производства оказалась вне сферы сознательного воздействия государственного капитала, еле охватившего и сорганизовавшего крупную промышленность, торговлю, кредит, транспорт и примыкающие к ним отрасли хозяйства. Не то, чтобы приводить, согласно известной формуле кризисов, в соответствие производство средств производства и производство средств потребления, но и просто, чтобы как-нибудь в основном увязать и согласовать эти две стороны общего процесса воспроизводства (производство и потребление), чтобы привести в соответствие размеры производства городской промышленности и деревенской (кустарной, ремесленной, домашней), промышленности в целом и сельского хозяйства, — и на то нехватало у нас реальных возможностей и соответствующих средств воздействия. Жизнь показала, насколько далека от иллюзий времен „военного коммунизма“ реальная наша экономическая действительность, реальное соотношение производительных сил, состояние их развития и организации. Это один из наиболее полезных уроков последнего кризиса.

Но в то же время углубление в анализ причин, вызвавших

кризис, показало, что значительная часть этих причин носит явно „субъективный“ характер, что они происходят от нашего неумения, непонимания, невнимательности, беспечности, поверхностности. При более основательном и вдумчивом подходе к различным частям хозяйственного механизма, при более умелом и внимательном пользовании теми рычагами, которые уже с развитием нэп'а и товарно-денежного обращения оказались в наших руках, кризис мог быть хотя и не предупрежден, но значительно смягчен. И в самом деле, стоило под давлением „ножниц“ приналечь на аппараты регулирования цен, кредита, валюты, жел.-дор. тарифов и т. п., чтобы „ножницы“ стали энергично сжиматься вместо дальнейшего расхождения. Мы, конечно, не желаем этим сказать, что самое это сжатие является всецело результатом нашего планового воздействия, вообще следствием нашего волеизъявления: напротив, в основе его лежат такие же стихийные силы, как и те, которые в свое время вызывали широкий раствор „ножниц“. Но, тем не менее, даже поверхностное наблюдение над происходящими за последнее время в нашем хозяйстве явлениями показывает где и насколько оказала свое воздействие сознательная воля рабоче-крестьянского государства, его планово-регулирующих, оперативных, промышленных, транспортных, кредитных и прочих органов. Усиление за последние месяцы экспорта хлеба, увеличение сбыта мануфактуры, соли, керосина и т. п. товаров есть в значительной мере результат сознательно к тому направленных государственных мероприятий. Государство, владея крупной промышленностью, торговлей, кредитом, транспортом и др. „командными высотами“ или регуляторами хозяйства, может уже на нынешней ступени их восстановления и развития, благодаря полному огосударствлению их и включению в общую систему государственного капитализма, оказать известное, не столь уже слабое воздействие на всю экономику страны. Этот положительный вывод надо сопоставить с вышеизложенными выводами из самого факта кризиса в советском государстве.

Необходимо тут же указать на два момента, сильно искажающих наши представления о сущности происходящих явлений и тем самым мешающих их настоящему уразумению и осознанию и, следовательно, также и правильным выводам из

делаемых наблюдений. Моменты эти статистико-методологического порядка. Первое — это то, что мы, учитывая и подытоживая по индексам, показателям, процентам и т. п. протекающие перед нашими глазами явления, забываем часто о том, что все наше хозяйство претерпевает постоянные изо дня в день изменения, колебания, потрясения, являющиеся в сущности отзвуками прошедших над ним военных бурь и невзгод. Хозяйство в то же время энергично восстанавливается и растет. Вот почему его динамику нельзя рассматривать по старым шаблонам и методам статистики, когда мы имели известные нормальные уровни, средние разрезы, вообще нормали, в отношении к которым мы могли измерять и расценивать частичные уклонения и вообще отдельные явления. Сейчас мы этого не имеем. Хозяйственная жизнь еще не сложилась, не уравновесилась настолько, чтобы вообще была к тому возможность. Поэтому, рассматривая то или иное явление, нельзя увлекаться средними уровнями и индексами, нельзя без ряда оговорок сопоставлять соседние годы, четверти, месяцы и т. д. То, что для одного года было естественным и понятным, может для другого оказаться совершенно необъяснимым, неприменимым, поскольку за этот промежуток времени хозяйственная жизнь далеко шагнула вперед в своем развитии. Мы за год теперь проделываем эволюцию, равноценную эволюции целых десятилетий в прошлом. Если этого не учесть, то можно при оценке иных явлений притти к сногсшибательным выводам, вплоть до представления о нарушении основных экономических законов, тогда как на деле ничего такого нет, и в оценке данного явления просто не учтены происходящие явления общего и притом непропорционального в различных отраслях роста, искажающие подчас до неузнаваемости изучаемый нами отдельный процесс.

По этим же соображениям не следует увлекаться также и упрощенными сопоставлениями явлений нынешнего времени с явлениями довоенными (обычно 1913 годом). Нет достаточных оснований для того, чтобы считать этот год и вообще довоенные соотношения в народном хозяйстве прежней довоенной России „нормальными“, тем более примерными или образцовыми для нынешнего времени. Те решительные ломки и перетряски, которые пережило наше хозяйство, не могут не

повлечь за собой совершенно иной структуры его, иных соотношений между его составными частями, иной взаимосвязи их. Наконец, задачи и цели, которые ставит хозяйственной деятельности Советская власть, во многом прямо противоположны тем целям и задачам, какие ставили царская власть и потворствуемая и покрываемая ею наша буржуазия. А между тем, индексы цен и многие другие показатели, на которых основано большинство наших статистических исчислений, основаны на уровнях 1913 года, исходят от них, как нормалей, берутся в отношении к ним. Благодаря этому современные экономические соотношения получают искаженный вид, поскольку они рассматриваются не на ровном экране каких-либо теоретически нормальных отношений, а на экране реальных отношений 1913 года. Этого не следует ни на минуту забывать при пользовании современными статистическими показателями, индексами, сопоставлениями и т. д. Поскольку мы не рассматриваем абсолютных величин, а имеем дело с величинами относительными (в отношении 1913 г.), постольку и выводы из их рассмотрения и сопоставления будут весьма относительными и подчас далекими от абсолютного среднего. Однако, не следует думать, что мы можем от этих данных отказаться: пока у нас не сложилась новая нормальная хозяйственная обстановка, пока не создались новые прочные измерители и показатели (в роде червонного рубля, сложившегося всего год тому назад, и то еще далеко не устойчивого, как и отражаемое им золото), до тех пор мы ничего лучшего вместо имеющихся индексов и показателей создать не в состоянии.

Второе—это то, что самая взаимосвязь и взаимоотношения между различными частями хозяйства и различными хозяйственными процессами настолько изменчивы, настолько еще подвержены в их упрочении различным влияниям и воздействиям, даже, казалось бы, незначительным, что иногда в краткий срок резко изменяется вся экономическая картина. Поэтому при пользовании средними данными приходится учитывать то, что они слишком зависимы от тех или иных выпячиваний, выростов и т. п. явлений в хозяйстве, почему простое безоговорочное сопоставление таких средних может дать совершенно неверные выводы.

Тем не менее, уже нынешнее состояние нашей статистики

(а она во многом имеет большие достижения по сравнению с довоенным временем, хотя во многом и отстает от тогдашнего уровня,—особенно в отношении сел. хоз. статистики) дает все же возможность установить с достаточной определенностью и ясностью настоящие причины тех явлений, которые содействовали столь широкому раствору „ножниц", и рассмотреть самые эти явления, как они есть. Большая работа в этом отношении проделана была Госпланом за октябрь—ноябрь месяцы истекшего года, при содействии ЦСУ, Конъюнктурного Института и многих других наших статистических и экономических органов, а также и печати. Широкое освещение всех сопряженных с „ножницами" явлений в повседневной прессе и в журналах, а также на собраниях и т. п. дает богатый материал для изучения и осознания причин и следствий последнего кризиса.

Поскольку „ножницы" отражают отношения средних цен на промышленные и сельскохозяйственные изделия к среднему уровню цен на все обращающиеся на рынке товары, поскольку цены, в свою очередь, отражают все те явления, изменения и сдвиги, какие происходят не только в сфере обращения, но и в сфере производства товаров, постольку изучение „ножниц" и первопричин, вызывающих эти расхождения цен, приводит нас, в конечном счете, к охвату всего народного хозяйства в целом, всей экономики страны, всей совокупности явлений, в ней происходящих. А следовательно, и выводы из этого анализа намечают в сущности всю программу очередных хозяйственных мероприятий и задач в ее целом. Рассмотрение „ножниц" стало, таким образом, оценкой и рассмотрением всей практики нэп'а и развитием в отдельных частностях его политики. Мы говорим „развитием в частностях", поскольку из анализа „ножниц" для нас не вытекает необходимости в каком-либо коренном, решительном пересмотре всей системы. Но отдельные дополнения к ней в частностях оказываются сами по себе достаточно существенными.

Новая экономическая политика просуществовала уже без малого три года. Срок в революционное время достаточно крупный для того, чтобы подвести итоги и наметить дальнейшие перспективы нэп'а. „Ножницы" в известной мере содействовали этому делу; конечно, оно пока лишь начато и далеко еще

не закончено. Постольку и сделанный нами набросок следует рассматривать пока лишь как первый, грубый черновой подход к этой теме. Появление его в свет в значительной мере ускорено той остротой, с какой наша партия и все рабоче-крестьянское общество воспринимает последний кризис, и той оживленностью и страстностью, доходящей подчас до невероятных извращений, с какими оцениваются в широких массах самое явление и роль в нем партии и советского аппарата. Будем надеяться, что этот набросок даст кое-какие основания для более спокойного и беспристрастного восприятия и усвоения „уроков кризиса“.

Автор.

Москва,
январь 1924 г.

I. Общие итоги новой экономической политики.

Перелом в динамике хозяйственного развития.

Новая экономическая политика, новый курс в хозяйственном строительстве совпал с общим переходом страны от войны к миру. Перекопский эпизод осенью 1920 г. является, собственно, окончанием гражданской войны в смысле широких боевых действий. Рижский мир с Польшей—формальное окончание ее. Страна вполне настроилась по-мирному к весне 1921 года, когда крестьянин, засевая свои поля, не чувствовал уже за спиной прямой угрозы урожаю со стороны помещика, когда рабочий мог выпрямить спину от упорного, тревожно-напряженного труда по обеспечению всем необходимым, по снаряжению и вооружению непосильной по своим размерам для обнищавшей страны пятимиллионной армии. Началась вслед за этим массовая демобилизация, введенная в свое организационное русло и частично начатая еще год тому назад с создания так-называемых трудовых армий. Процесс демобилизации прошел легче, свободнее, чем перед тем можно было ожидать, хотя и вызывая местами заторы.

Когда мы теперь, на исходе трех лет широкого хозяйственного строительства, говорим об итогах нэп'а, необходимо учесть это совпадение. Ясно, что основной итог получился не от нэп'а, как системы, как политической линии, а от мира, от достигнутой, наконец, столь желанной, столь необходимой для изнуренной страны передышки. Самый нэп является прямым следствием, результатом, итогом этой передышки. Последняя лежит, конечно, в основе наших дальнейших экономических успехов и достижений.

Но в то же время не следует умалять значения и нэп'а. Без этой системы экономическое восстановление и развитие

страны вообще было бы немыслимо. „Военный коммунизм“, как система „организации голода“, как политика упрощенного военного питания армии и города за счет крестьянина, как система одностороннего, не соответствующего трудовым усилиям той и другой стороны распределения производимых материальных благ, мог оправдываться лишь условиями войны и блокады, режимом „осажденной крепости“. Вся идеология, сложившаяся вокруг этой системы „потребительского социализма“, была в значительной мере пустым звуком, ибо не имела под собой реального основания. Она прикрывала собой лишь то, что вызывалось военной обстановкой, что войной и оправдывалось, поскольку война эта велась ради защиты завоеваний Октября. То была взаимная поддержка городом деревни и обратно в общей борьбе за свои кровные интересы: за землю, за условия труда, за справедливое разделение прибавочной стоимости и т. д. Город со своей разрушенной промышленностью и транспортом являлся, тем не менее, единственным организующим началом, единственным стержнем для скопления вокруг себя деревенской разрыхленной в революционном процессе массы; он создавал минимальные технические условия для ведения войны с европейски организованным и снаряженным противником. Деревня, менее относительно пострадавшая от империалистической войны (благодаря своему экстенсивному, мелкому, неорганизованному хозяйству), оказалась главным источником материальной и человеческой силы. Союз города и деревни был обеспечен общностью целей войны—защитить свои завоевания.

Стоило с окончанием войны этой объединяющей обе стороны цели, угрозе, задаче и т. п. отпасть, как встал во весь рост труднейший вопрос о создании дальнейшей *общей платформы* для продолжения революционного процесса и его закрепления. Где она вообще могла бы быть найдена? Конечно, только в экономике. Отсюда и неизбежность коренного пересмотра прежней военно-хозяйственной системы, односторонне распределявшей тяготы войны и восстановительного труда, в сторону *большего согласования интересов той и другой стороны*. Возможность такого согласования вытекала из экономических взаимоотношений и взаимосвязи рабочего и крестьянина, города и деревни, промышленности и

сельского хозяйства. При правильном распределении трудовых усилий и их результатов они друг-друга непосредственно дополняют в общем процессе воспроизводства; мало того, в наших условиях вообще не могут друг без друга существовать. Экономический процесс развития сельского хозяйства и благосостояния крестьянства немыслим без развития крупной промышленности; эта последняя, со своей стороны, заинтересована в сельском хозяйстве, как рынке сбыта и источнике сырья; она заинтересована непосредственно в интенсификации сельского хозяйства, увеличении товарности его продукции, в его выходе на рынок как в качестве потребителя, так и в качестве производителя. Промышленность, находящаяся в руках пролетариата, и рабочий город вообще не имеют тенденции занять место помещика и продолжить насильственную пролетаризацию крестьянства в своих интересах. Рабочий город без всякого для себя ущерба может согласиться на естественный технический прогресс сельского хозяйства, на его интенсификацию, механизацию, укрупнение и объединение через кооперацию, руководимую рабочим-организатором. Следовательно, экономические основания для общей платформы были: они заключались в самой экономической природе и жизненных интересах сельского хозяйства и промышленности.

Но чтобы эту платформу найти, нужны были значительные экономические уступки со стороны более привилегированного, благодаря своей организованности, города. Нэп и явился выражением и оформлением этих уступок в приемлемой для обеих сторон форме. Основная уступка заключалась отнюдь не в отказе от самой системы продразверстки, как таковой, и связанной с нею, даже более — вытекающей из нее непосредственно системы централизованного распределения (снабжения). Суть была не в этом: суть в том, что при рыночном обмене продуктами-товарами деревня имела возможность и шансы получить более справедливый, более соответствующий затраченным ею трудовым усилиям эквивалент в виде городского товара. В этом и была основная уступка города: живший до того, хотя и работая на армию, в основном за счет деревни, он теперь стал перед необходимостью производить соответствующие блага для деревни, в обмен на ее продукты. Восстановление же рынка было экономически неизбежно даже

без этой основной уступки, если вообще было необходимо вернуться к нормальным отношениям: неизбежность рыночного способа распределения вызывалась самым характером нашего сельского хозяйства и значительной части промышленности, недостаточно организованных и развитых для другого, более высокого и организованного способа обмена и распределения. Полунатуральное хозяйство деревни только еще приучалось до войны к рыночным способам обмена, и то в отношении внешнего для деревни мира—города; внутри деревни на многих окраинах или сохранялось натуральное хозяйство, или применялись самые примитивные формы товарообмена; за время войны, и в особенности за время гражданской войны, натурализация хозяйства достигла небывалых размеров, а с ней и общий упадок сельского хозяйства, возвратившегося к самым примитивным формам производства. „Военный коммунизм" был коммунизмом лишь в самой узкой области наиболее организованной, концентрированной промышленности и транспорта, и то только внутри этой области, поскольку ее вообще можно мыслить изолированною от всего остального. Во всех же остальных областях, не только во всем сельском хозяйстве, но и в значительной части городского хозяйства, „военный коммунизм" явился выражением той же всеобщей дезорганизации, регрессивной натурализации, упадка, развала, разрыва связей, распада всего хозяйственного организма на свои составные части. Хозяйство каждого района, города, волости, села, двора, наконец, все больше и больше замыкалось в себе, отрываясь от общего целого, выходя из организационной связи с остальными частями хозяйства. Рыночный способ распределения и товарное производство являлись для этой части хозяйства крупным шагом вперед по сравнению с натуральной системой „военного коммунизма".

Итак, нэп, созданный передышкой, вместе с нею и как следствие ее, явился в то же время причиной резкого поворота от распада к собиранию хозяйства, к восстановлению его производственной мощи и организации, к общему его подъему и новому развитию. Если не считать стихийного влияния в обратную сторону на сельское хозяйство катастрофы неурожая 1921 г., временно приостановившей восстановление сельского хозяйства

и косвенно ударившей сильнейшим образом и по промышленности (полоса „разбазаривания“ в 1921—22 хоз. году), то общая картина динамики народного хозяйства ясно и определенно это показывает. Приведем лишь самые общие цифры,— показатели этого перелома:

	В 1920—21 опер. году.	В 1921—22 опер. году.	В 1922—23 опер. году.
Валовая продукция (по довоен. ценам):			
сельского хозяйства	—	3.500	4.500
промышленности	—	1.400	1.900
Чистая продукция (по довоен. ценам):			
сельского хозяйства	—	3.200	4.200
промышленности	—	520	700
Погрузка на жел.-дор. сети (ваг. в средн. в сутки)	10.942	9.740	11.822
Стоимость всей обращающейся в стране денежной массы (в милл. дов. руб. в среднем за год) . .	55,7	59,6	120,0 [1]
Средний уровень заработной платы промышл. рабоч. (тов. рублей в месяц) [2]	3,02	6,96	11,53
Производительность труда (в процентах от 1913 г.) [3]	29,7	51,0	59,9

Одного взгляда на эти цифры достаточно, чтобы видеть явный перелом к лучшему во всем народном хозяйстве. Во всем наблюдается интенсивный, здоровый рост и восстановление разрушенного войной и революцией. Этого нельзя не

---

[1]) Дензнаков и банкнот.

[2]) Сравнение условное.

[3]) Данные весьма приблизительные, относятся к соответствующим гражданским годам.

видеть даже самому предубежденному человеку. Особенно сильный поворот к прогрессу и восстановлению наблюдается на протяжении последнего операционного года, с изживанием последствий голода.

Но не только в этих количественных достижениях весь положительный итог нэповского периода. В основе их лежат коренные качественные изменения во всем хозяйственном организме. Разрозненные части его вновь спаялись и связались между собою, благодаря интенсивному развитию товарного и вслед за ним денежного обращения (что наглядно видно из вышеприведенных показателей). По мере их восстановления и роста явилась возможность произвести первую часть коренной денежной реформы, а именно: осуществить относительно твердую, обеспеченную золотом денежную единицу—червонец, пока, впрочем, на-ряду с падающим совзнаком, в порядке двухвалютной системы; в последнее время намечаются возможности и пути к постепенному переходу к единой твердой валюте. Это, в свою очередь, обусловливается тем, что государственный бюджет, несмотря на крупнейшие дотации убыточным до последнего времени транспорту и тяжелой индустрии, несмотря на нежелательные для Советской власти, но неизбежные крупные расходы на оборону страны,—все более и более оздоровляется как в смысле сокращения бюджетного дефицита, так и в отношении источников доходов, в которых все большее и большее место занимают доходы от государственных имуществ и предприятий (промышленность, транспорт, леса, различные другие неналоговые доходы) и государственных кредитных операций, тогда как налоговые поступления, не сокращаясь в своей сумме, занимают относительно меньшее место в доходной части бюджета.

Растет также и кредит. Развитие из ничего (после полного уничтожения кредита и кредитных органов в период „военного коммунизма") Государственного и филиальных по отношению к нему банков (Торгово-Промышленного, Всекооперативного, отчасти Коммерческого), коммунальных и сельских обществ мелкого кредита и т. д.—обусловливает дальнейшее расширение и упорядочение торговли, промышленности, сельского хозяйства и т. д. Восстановление кредита видно из следующего ряда цифр:

	В тысячах червонцев.	
	На 1/I 1923 г.	На 1/X 1923 г.
Балансы Госбанка:		
отдельно Правления	12.278,9	59.429,7
сводный (вместе с отделениями)	15.905,7	83.655,6
Баланс Всекобанка	146,3	3.458,3
„ Промбанка	341,9	8.460,3

Развитие кредитной системы отмечается в самое последнее время созданием общесоюзных Экспортного и Сельскохозяйственного банков. Не отрицая того, что сельское хозяйство пока еще слабо обслуживается кредитом, необходимо отметить, что промышленность, по некоторым подсчетам, пользуется кредитом уже на 25—30% от потребности в нем для своего нормального функционирования. В значительной мере обслуживается также кредитом и торговля как в области сбыта промышленных изделий, так и в области заготовок (сбыта, реализации) продукции сельского хозяйства (хлеба, сырья).

Для характеристики роста **торгового оборота** наша статистика до сих пор не дает, к сожалению, исчерпывающих данных. Косвенно на это указывает приведенные выше в сводной таблице стоимость обращающейся в стране денежной массы и состояние жел.-дор. погрузки. Некоторое прямое представление о росте товарооборота дают данные об оборотах по кварталам 1922—23 оп. года, взятые в % от I квартала и в абсол. данных (см. табл. на стран. 17).

На-ряду с этими качественными и вызванными ими количественными изменениями в сфере обращения, наблюдаются значительные качественные изменения и в сфере производства. **Промышленность**, крупная и средняя после окончания процесса ее национализации, после сдачи мелкой промышленности в аренду (в сентябре 1923 г. числилось сданных в аренду 6220 предприятий с 80 тыс. прибл. рабочих), получила в основных своих чертах слаженную и согласованную организацию, хотя и страдающую еще многими дефектами. Одновре-

Рост торговых оборотов в течение 1922—23 отч. г. [1]).

НАЗВАНИЕ.	I квартал (окт.—дек.)	II квартал (янв.—март).	III квартал (апр.—июнь).	IV квартал (июль—сент.)
Государственных торговых органов (81 орг.) в тыс. товарн. руб.	40,1	50,8	58,8	68,3
В %% к I кварт.	100,0	127,0	147,0	170,0
Отделов главной конторы Центросоюза в тыс. черв. руб. . . .	18,9	23,9	35,1	70,8
В %% к I кварт.	100,0	126,5	186,0	375,0
Московской тов. биржи (бирж. и внебирж.) в тыс. тов. руб.	86,2	216,4	230,4	279,5
В %% к I кварт.	100,0	251,0	267,3	324,3
Провинциальных бирж (34-х), только внутрибирж., в тыс. тов. руб.	12,7	16,9	34,8	43,9
В %% к I кварт.	100,0	133,0	274,0	345,5

менно с пересмотром состава и числа созданных в первый год нэп'а трестов, а теперь и синдикатов, производится постепенная рациональная концентрация производства (доведенная по числу занятых на действующих предприятиях рабочих до 70% довоенного). Она непосредственно вызывается стремлением к большей загрузке слабо работающих заводов и фабрик и в этой части является, собственно говоря, лишь временным сжатием производства, сосредоточением его на меньшем числе заводов и фабрик, с большей нагрузкой их; но в то же время преследуется цель сознательного отбора для работы лучших предприятий, с тем, что худшие подлежат или ликвидации или, до их включения вновь в работу, полному или частичному

[1]) Нам приходится довольствоваться сравнимыми, хотя и далеко не полными данными о торговом обороте; они могут поэтому быть рассматриваемы лишь как иллюстрация общего роста товарооборота.

переоборудованию. В то же время усиливается **комбинация** производственных предприятий, как параллельно работающих (укрепление их путем объединения рядом стоящих или близлежащих предприятий, с соединением их силовых станций и т. п., что стало возможным лишь с упразднением частной собственности на эти предприятия), так и последовательно работающих (уголь, кокс, руда, чугун, сталь, металлический полупродукт и т. п.). Наконец, всячески улучшается техническая организация производства, усиливается процент использования станков, машин, источников энергии, человеческой рабочей силы и т. д. Электрификация, дальнейшая механизация и рационализация производства, с достижением в некоторых случаях результатов, превышающих даже довоенные,—все это отличает новую советскую организацию производства. С каждым годом и месяцем растет также и производительность, и интенсивность труда, по мере роста уровня заработной платы и под непосредственным влиянием этого роста.

В сельском хозяйстве за последнее время наблюдается не менее крутой перелом. Захват помещичьих, царских, монастырских и пр. земель значительно расширил наделы, что при общей натурализации и деградации сельского хозяйства в годы гражданской войны содействовало его **экстенсификации** (переходу к менее трудоемким культурам, упрощенным формам землепользования и т. д.). Голод оказался жестоким учителем крестьянина, снесшим последние устои прежней полунатуральной системы хозяйства в его экстенсивных формах, с его традиционным трехпольем и т. д. Нэп, начавшийся с того же времени и совпавший в этом отношении в первый год, в смысле своего влияния на деревню, с воздействием голода, содействовал потом решительному, местами прямо-таки бурному, полустихийному переходу крестьянства к новым, более рациональным формам землеустройства и землепользования (хутора, наделы, округленные участки вместо прежних общин с их чресполосицей; личное пользование землей вместо общественного). Вместе с тем решительно изменяется к новому, революционизируется вся техника сельского хозяйства. Трехполье заменяется многопольем; вводятся пропашные культуры, травосеяние, засухоустойчивые культуры и т. п. Развиваются и быстро восстанавливаются технические и вообще более трудо-

емкие культуры (экспортные хлеба, сырьевые и т. п.), животноводство, садоводство и пр. Вследствие сильного сокращения живой силы (лошадей) деревня склонна перейти к механическому двигателю (трактору). Хотя и медленно (поскольку есть еще в деревне избыток дешовой рабочей силы, не взятый обратно городом,—главные кадры деревенской бедноты), но широко намечается общая машинизация и механизация сельскохозяйственного производства. Кое-где с успехом производится электрификация местных торфяных болот, речек и т. п.

Этот всеобщий процесс интенсификации сельского хозяйства и ломки старых форм землепользования крайне характерен для периода нэп'а. Он быстро помог залечить раны, нанесенные сельскому хозяйству небывалым неурожаем 1921 г., и теперь энергично содействует общему процессу восстановления сельского хозяйства, доведенного по количеству посевов местами до размеров 1913 г., широко уже до 1916 г., а по количеству собираемого урожая до 70—75% от 1913 года. Перемена в деревне настолько разительная, что бросается в глаза даже самому поверхностному наблюдателю.

Итак, общие итоги нэп'а в основном грубо намечены. Пойдем дальше и глубже в их оценку и анализ.

Рост и усиление частного хозяйства и частного капитала.

Статистика наша, к сожалению, не способна дать точного исчерпывающего ответа на вопрос о том, как и в какую сторону развивается у нас при нэп'е частное хозяйство и частный капитал. Общее представление, создающееся на основании ряда поверхностных наблюдений и частичных цифр и данных, таково, что частная торговля и промышленность, не говоря уже о господствующей в сельском хозяйстве форме частного хозяйства, с каждым днем развивается все больше и больше.

Это явление, на-ряду с общим ростом всего народного хозяйства, рассматривается обычно, как отрицательная сторона как главное зло, происходящее от нэп'а. В известной мере это, конечно, так. Рост частного хозяйства на-ряду с государственным, а в некоторых местах и на его месте, есть, конечно, отдаление от социализма, а не приближение к нему. Но если расценивать это явление в общей связи с нашим хозяйственным

развитием и характером нашего сельского хозяйства, представляющего из себя совокупность до 16 миллионов отдельных хозяйственных единиц—крестьянских дворов, то станет ясно, что зло это неизбежно,—неизбежно до того, пока будет вообще существовать и развиваться на началах товарного производства, распыленное по безграничным пространствам наших республик мелкое крестьянское хозяйство, до того, пока оно не начнет широко охватываться и организовываться в одно целое кооперацией, пока рост последней не преодолеет роста частно-хозяйственных форм.

Частная торговля и промышленность в известных пределах станет даже объективно полезной и нужной для развития самого государственного хозяйства, если мы оценим его связующую роль между городом и деревней. В самом деле, стоит вспомнить период „военного коммунизма“, когда в силу вещей, вследствие неизбежности тогда установления системы централизованного планового распределения продуктов (Комиссия Использования, Главпродукт, Центроснаб и т. д.), частная торговля, и не только частная, но и кооперативная и вообще торговля, была закрыта и преследовалась законом, когда исключение было допущено лишь для продажи на базарах продукции известной части кустарной промышленности и в городах коекаких предметов роскоши, искусства и т. п. (хотя на тех же базарах под тем или иным видом нелегально торговали самым бойким образом чем угодно). В это время, благодаря исключительной слабости главкизированного государственно-кооперативного распределительного аппарата и преследованию частного торговца и промышленника (кроме самого мелкого кустаря и ремесленника, устраивавшихся под боком у крестьянина, там же в деревне), всякая почти продуктообменная или товарообменная связь между городом и деревней порвалась, если не считать принудительного выкачивания из деревни хлеба, мяса и других продуктов питания и кое-какого „товорообмена“ с ней на то сырье, которое у нее еще сохранялось. Такой разрыв связей не мог не парализовать всего хозяйственного организма в целом: нормальный обмен веществ в нем приостанавливался, сельское хозяйство и промышленность стали хиреть и свертываться; тогда как первое, благодаря своему мелкому характеру, легко приспособливалось к формам натурального

хозяйства, промышленность, потерявшая рынки сбыта, явно погибала, сохраняясь лишь постольку, поскольку она из старых запасов сырья и топлива работала на оборону и на городские потребности. Главная угроза, стоявшая перед ней, заключалась в том, что крестьянин, не получая должного эквивалента за свои продукты от города, сознательно забрасывал и сводил на-нет все трудоемкие культуры, в первую очередь, сырьевые, что означало в недалеком будущем лишение промышленности основного сырья.

Поскольку с введением нэп'а частный торговец, скупщик, посредник заняли место этой отмиравшей связи между промышленностью и сельским хозяйством, постольку они безсознательно послужили на пользу государственной промышленности и всему государственному хозяйству; они оживили умирающий, разлагающийся хозяйственный организм страны, восстановив в нем вновь столь необходимый для всякого организма обмен веществ. В этом их объективно положительная роль, полезная, необходимая в известный, очевидно, довольно длительный период. Безусловно лучше допустить меньшее зло — частную торговлю, чем подвергнуть большему злу—полной гибели и разложению—все хозяйство в целом. Утопией и непростительной близорукостью было и является еще и теперь думать, что можно все эти мельчайшие волосные (капиллярные) сосуды, через которые происходит непосредственный обмен веществ между городом и деревней, немедленно заменить грубым до-нельзя, громоздким и неразветвленным государственно-кооперативным торговым аппаратом. Попытки времен „военного коммунизма“ показали со всей наглядностью, насколько это реально неосуществимо.

Известную положительную роль сыграла, как в период военного коммунизма, так и в переходное время к нэп'у'и в некоторых отраслях вплоть до последнего времени, и частная промышленность, в первую очередь, кустарная и ремесленная, при нэп'е еще и мелкая арендная (сданная в аренду частным предпринимателям государственная промышленность в той части, в которой государство само не в силах ее использовать). Разрешение кустарям, в отступление от всех правил, декретом ВЦИК'а еще в 1919 г. продавать свои изделия на базарах тем и мотивировалось тогда, что кустари

осуществляют положительную функцию по снабжению деревни самым необходимым, вообще многим таким, чего город ей дать не в состоянии. Эту свою роль кустарная и вообще мелкая промышленность продолжает осуществлять до последнего времени, доставляя крестьянину с большим для него удобством и, главное, дешевле самые нужные для него изделия и предметы потребления. Сильное развитие кустарной промышленности на-ряду с домашним производством, за время войны и революции объясняются, в первую очередь, этой ее ролью. Вообще это развитие, являясь также меньшим злом, чем полное прекращение всякого снабжения деревни со стороны промышленности, в то же время есть, конечно, с точки зрения крупной промышленности, зло, есть прямой признак развала, деградации, натурализации всего народного хозяйства, распада и разрушения в частности крупной и средней промышленности.

Нечего после всего сказанного говорить о частно-хозяйственных формах в самом сельском хозяйстве. Здесь они исторически неизбежны, неустранимы и даже в высшей степени прогрессивны по сравнению с теми отсталыми натурально-коллективными формами хозяйства, какие сохранились у нас во многих местах, где мы имеем еще родовое устройство (кочевье), общину и т. п. Никакие сельскохозяйственные „коммуны“, ни другие им подобные формы не могут заменить собою эту исторически-неизбежную ступень в развитии нашего сельского хозяйства. Через нее перепрыгнуть невозможно; ее можно лишь ускоренно изживать путем усиленного (но не принудительного) кооперирования мелких сельскохозяйственных производителей и потребителей, путем втягивания их в общий товарооборот страны, путем интенсификации и технического революционизирования форм их хозяйства. Всякие принудительные коллективные формы могут оказаться в итоге лишь прикрытием, ширмой для той же общины, тормозом, задержкой ее разложения, вообще содействием консервации старых отмирающих форм хозяйства.

Но все вышесказанное может являться оправданием для существования частно-хозяйственных форм рядом с государственно- и кооперативно-хозяйственными лишь в известных границах и до известной поры. Если в сельском хозяйстве они окажутся неизбежными еще в продолжение очень долгого

времени, то безграничное распространение их в области торговли и промышленности не может быть допустимо. Тут раньше всего должны утвердиться государственно-кооперативные формы хозяйства, чтобы отсюда содействовать постепенной коллективизации и сельского хозяйства. Если частные формы неизбежны и даже полезны на первое время, пока крупная и средняя промышленность и государственно-кооперативная торговля становятся на ноги после военного надлома и разрухи, то по мере их восстановления, они должны постепенно ограничивать роль и поле действия для честного промышленника и торговца жизненно необходимыми для их деятельности пределами, отвоевывая остальное место для себя.

Между тем, все данные и наблюдения последнего времени, когда государственная промышленность более или менее уже оправилась, и сложился кое-какой государственно- и кооперативно-торговый аппарат, показывают, что частная (кустарно-ремесленная и арендная) промышленность продолжают успешно развиваться и вытеснять на рынке, особенно крестьянском, государственную промышленность; то же наблюдается с ростом частного капитала в области торговли, как сбыта промышленных изделий в деревне, так и заготовок сельскохозяйственных продуктов. Для характеристики роли кустарной и вообще мелкой (преимущественно частной, в небольшой части кооперированной (кустарной) или кооперативной (арендной) промышленности укажем на то, что, по подсчетам Госплана, из всей потребности деревни в промышленных изделиях (в предметах массового потребления), исчисленной в 1922—23 хоз. годах в размере 700 милл. тов. рублей (или примерно 7 руб. на человека в год), 400 милл. тов. рублей, или 57%, получено ею от мелкой промышленности и лишь 300 милл., или 43%, от крупной и средней (городской) промышленности. Тут, между прочим, не учтена роль (она вообще пока не поддается учету) домашнего производства, дающего не столь уж малое количество предметов потребления (главным образом, тканей), изготовляемых чисто-домашним способом.

Более подробное представление о значении мелкой промышленности получается из следующей таблицы Н. Воробьева, сопоставляющей производство горных продуктов в мелкой и

крупной промышленностях в абсолютных цифрах (в милл. руб.) и в %% от продукции 1913 года:

Название отраслей.	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Крупная промышленн. в милл. рублей	3.721,0	669,0	1.056,2	1.293,5
В %%	100,0	18,0	28,4	34,8
Мелкая промышленн. в милл. рублей	730,0	260,0	415,0	500,0
В %%	100,0	35,6	56,8	68,5
Общий итог в милл. рубл.	4.451,0	929,0	1.471.2	1.793,5
В %%	100,0	20,9	33,1	40,3
Процент прод. мелкой пром. от всей продукции	19,6	38,9	39,3	38,7

Из таблицы видно, что мелкая промышленность дает до $^2/_5$ всей продукции готовых изделий. Особенно интенсивно она растет в течение 1922 г. (голодный год). Относительное значение ее мало пока изменилось.

Что же касается торговли, то в области розничной торговли в деревне роль частного торговца определяется 80—90 процентами; меньше, но все же весьма значительна, она в городской розничной торговле и уже более или менее умеренна, хотя достаточно влиятельна, в оптовой торговле, особенно в деревне. За последнее время выяснилась исключительная роль частных заготовщиков на сырьевом и хлебном рынках, где почти вся связь непосредственно с производителем-крестьянином находится в руках частного торговца. Мы не станем особенно подробно останавливаться на давно всем набившей оскомину вредной роли частного торговца в качестве посредника в крупной оптовой торговле между государственными же органами или государственными и кооперативными или внутри кооперативных органов. Благодаря воз-

действию, как со стороны советской судебной власти и контроля, так и со стороны общественного мнения, благодаря развитию бирж и техники оптовой торговли и т. д., роль эта значительно ограничилась, хотя и в недостаточной мере; невероятное обогащение частных контр-агентов и посредников здесь все еще имеет место.

Все это говорит с полной очевидностью и ясностью об одном и том же. А именно о том, что в процессе развития нэп'а государственно кооперативный капитал упустил в свое время известные позиции, и если тогда их и не был в состоянии занять, то слишком оказался пассивным в их занятии теперь, когда эти позиции, судя по его развитию и силам, бесспорно должны были бы принадлежать ему. Не забегая вперед в анализ причин „ножниц", отметим уже здесь, что судя по всему, сверх тех объективно неизбежных и неустранимых причин (слабое развитие сельского хозяйства, его мелкий, полунатуральный характер, упадок промышленности и торговли во время войны и т. д. и т. п.), которые делают частный торговый капитал в известных пределах объективно неустранимым и даже полезным, существуют какие-то существенные причины субъективного характера, какие-то крупные слабости государственно-кооперативного капитала, которые дают возможность частному капиталу переходить объективно ему начертанную границу и с успехом вытеснять государственно-кооперативный капитал из его области и сферы действия. Эти слабости, эти субъективные причины и надлежит раскрыть при рассмотрении „ножниц".

Прежде, однако, чем перейти к рассмотрению роста и развития государственно-торгового капитала, обрисуем главную угрозу, какую представляет чрезмерное развитие и укрепление частного капитала. Главная опасность не в том, что частный капитал всеми средствами, всеми правдами и неправдами высасывает из государственного кармана накопляемые в нем капиталы, пользуясь своей исключительной подвижностью, изворотливостью, гибкостью, способностью быстро использовать в своих интересах малейшую нашу ошибку, заполнить все поры в нашем хозяйственном организме, через которые это просачивание государственно-кооперативного капитала в частно-капиталистическую сферу вообще возможно. Эта опасность ве-

лика, но против нее есть и противодействия в виде налогового пресса, выжимающего из частного капиталиста часть того, что он перехватил у нас, а главное, что пока еще в зародыше, это возможность для развитого государственного капитала держать мелкого частного капиталиста в полной экономической зависимости от себя и высасывать из него тарифами, ценами, кредитом и сотней других способов все то лишнее, что он перехватит сверх того законного процента прибыли, какой ему будет разрешен. Гораздо более опасно в нынешний момент для нас то, что смычка между городом и деревней попадает в сильнейшей мере в зависимость от частного капитала, что этот последний становится орудием этой смычки, но орудием не пассивным, а активным, с выгодой для себя, но с невыгодой для рабочих и крестьян, использующим свое почти монопольное (80—90%) положение в этой области. Но еще опаснее для нас то, что частный торговец готов в значительной мере стать полным „контрагентом" крестьянина и в этом смысле в определенной части вытеснить вообще государственный торговый капитал из сферы „смычки". Это сказывается пока слабо, но симптомы этого налицо: это—попытки частного торгового капитала, опасающегося пока залегать в среднюю или даже мелкую механизированную промышленность, стать объединяющим в отношении кустаря органом, скупщиком его изделий, поставщиком ему материалов, орудий производства и т. д. Кустарь уже почувствовал на себе тяжелую руку частного капитала и неоднократно уже обращался по этому поводу к промысловой кооперации и государственным органам, ожидая от них помощи. В этом—основная угроза государственному капитализму в целом; это можно сказать без всякого преувеличения. Это—естественный путь вырастания и накопления нового крупного частного капитала, нарождения и развития новой „отечественной" буржуазии. Если мы вспомним, в какой мере кустарная и мелкая промышленность обслуживает нужды деревни, если мы сопоставим это с общей ролью частного торговца в товарообмене с деревней, то нам станет ясно, что эта угроза вовсе не шуточная и вовсе не столь отдаленная. Здесь развивается и упрочивается та прослойка между городом и деревней, кото-

рая, в конечном счете, может произвести полную размычку между ними и столкнуть тем самым с ее экономической базы крупную промышленность и государственный капитализм вообще. Эта угроза слишком реальная, чтобы не принять энергичных мер, могущих во-время в должной (однако, не преувеличенной) мере ограничить роль и влияние частного капитала. У государственного капитала эти силы и возможности уже есть; он только не научился пока должным образом ими пользоваться.

Рост и усиление государственно-кооперативного капитала.

Что же может, со своей стороны, предъявить государственно-кооперативный капитал? Какие успехи им достигнуты за время нэп'а, какие ресурсы накоплены, какие силы и возможности создались у него? В какой мере обеспечено развитие и укрепление всей системы государственного капитализма?

Оговариваемся, что мы совершенно сознательно употребляем слово „государственно-кооперативный капитал", имея в виду ту тесную связь, какая существует между этими двумя формами хозяйства, и общее их устремление, при правильном в классовом отношении толковании своих целей и задач, к социализму через стадию государственного капитализма. Поэтому, хотя это и не одно и то же, мы противопоставляем частному капиталу государственный и кооперативный, вместе взятые, поскольку кооперативный в своей работе непосредственно дополняет государственный, поскольку кооперация в руках советского государства является лишь орудием, хотя и важнейшим, для коллективизации мелкого сельского хозяйства и промышленности и для связи, смычки с ними крупной промышленности в процессе товарооборота.

Начнем с государственной п р о м ы ш л е н н о с т и (о кооперативной говорить почти не приходится). Мы отмечали уже выше в самых общих чертах развитие и укрепление промышленности в целом. Темп ее восстановления ярко отражается хотя бы в следующем ряде цифр, абсолютных, в милл. рубл., и процентов от 1913 г., продукции нашей крупной промышленности по годам, начиная с 1920—21 оп. года и кончая 1922—23 оп. го-

дом (цифры [1]) приблизительные, поскольку крайне неточна была в эти годы оценка продукции крупной промышленности).

1921 г.	1922 г.	1923 г.
669,0	1.056,2	1.293,5
18,0	28,4	34,8

Общий рост, притом весьма интенсивный, совершенно очевиден, хотя интенсивность его несколько уменьшается в 1923 г. Больше всего за это время выросла так-называемая легкая индустрия, дающая готовый товар для массового потребления (текстильная, деревообделочная, сахарная, пищевая и др.). Менее интенсивный рост дает промышленность тяжелая и средняя.

По данным Ф. Дубикова [2]) рост продукции в течение 1922 г. выражается в процентах от 1921 и 1920 гг. по отдельным отраслям в следующих цифрах:

Отрасли промышленности.	В процентах.	
	В отн. прод. 1921 г.	В отн. прод. 1920 г.
Горная промышленность на	22,2	9,7
Металлическая промышленность на	23,4	92,1
Переработка нефти „	17,9	136,2
Пищевая (кроме мукомольной) „	1,6	9,9
Кожевенная промышленность „	— 4,4	— 23,4
Хлопчато-бум. „ „	114,2	142,9
Шерстяная „ „	54,0	45,8
Льняная „ „	172,4	136,4
Бумажная „ „	— 3,7	— 24,6
Химическая „ „	51,0	76,8
Обработка дерева „	45,2	45,2
„ минералов „	32,2	85,7

[1]) Цифры Н. Воробьева (Ц. С. У.)
[2]) „Эконом. Обозр.“ 1923., № 9.

За 1923 оп. год значительный рост испытывает кроме текстильной, силикатной, химической, пищевой, бумажной еще и металлическая промышленность. Это объясняется ее наибольшей отсталостью по сравнению с другими отраслями (чугуна в 1922—23 оп. год произведено 7% от 1913 г., мартеновского железа—14%, тогда как добыча угля достигла уже 38%, нефти—52%, производство хлопчато-бумажных изделий—23,5%, шерстяных—39%, льняных—59%).

Если сопоставить за последние годы темп роста промышленной и сельскохозяйственной продукции (см. табл. на стр. 14), то ясно видно, что темп восстановления промышленности за последний год обгоняет темп восстановления сельского хозяйства, хотя уровень его далеко еще отстает от уровня сельского хозяйства (35 и 75%).

Характерно, что за истекший операционный год промышленность не испытала обычных сокращений своего производства весной и летом (из-за недостатка оборотных средств, вкладываемых в этот период в большей мере в товары). Это объясняется непосредственно благотворным влиянием развившегося за это время кредита в червонной валюте, направлявшегося прежде всего и именно в эти месяцы на помощь промышленности, чтобы дать ей накопить и произвести готовых изделий к моменту реализации урожая в осенние месяцы.

Одновременно, как уже указывалось выше, установилась более твердая система организации промышленности, сильно улучшилась внутренняя организация производства, повысилась (до 60% от довоенного) производительность труда, установилась и стала вообще возможной калькуляция и отчетность в твердом реальном измерителе (червонце), что, в свою очередь, дало возможность более правильно планировать производство и сбыт изделий. Промышленность значительно за это время окрепла и оправилась, вообще стала на ноги.

Примерно такую же эволюцию (кроме ухудшения вагонного парка) испытал за эти годы транспорт. Вот основные показатели его работы и состояния (см. таб. на стр. 30).

Значение в общем хозяйственном процессе транспорта слишком очевидно для всякого, чтобы приводить комментарии к этим цифрам. Добавим лишь, что транспорт значительно окреп в финансовом отношении (он свел до минимума дотации

	1920—21 опер. г.	1921—22 опер. г.	1922—23 опер. г.
Общее количество пудо-верст (в мил. в ср. в сутки)	2.157	2.500	3.380
Количество больных паровозов (в $^0/_0$ от общего числа) . . .	60,8	60,9	58,2
Количество больных вагонов (в $^0/_0$ от общего числа) . . .	26,2	30,9	32,2
Эксплоатац. длина сети (верст) .	61,486	63,523	66,959

от государства на покрытие своих убытков), что он создал более или менее гибкую тарифную систему, что он в общем удовлетворительно справлялся с такими боевыми заданиями, как полтора года тому назад переброска семзерна в голодающие районы, как доставка в этом году в порты вывозимого за границу хлеба и сырья, и т. п.

В области торговли мы имеем также ряд бесспорных достижений. Почти из ничего, на пустом месте (после периода „военного коммунизма") сложился государственный и кооперативный торговый капитал, более или менее разветвился и начал обслуживать более значительно если не розничную, то оптовую торговлю, что видно из общего роста торгового оборота общебиржевого и в частности кооперативного:

(См. соотв. таблицу на стр. 17).

Первоначально начавшись в виде простого товарообмена, торговля по мере восстановления и укрепления денежного обращения и кредита переходит к денежно-товарному обороту, притом переходя от базаров и ярмарок к более организованной биржевой торговле. Складываются специальные промышленно-торговые органы (синдикаты), развивается сеть кооперативных оптовых складов и контор, разворачивается государственно-посредническая торговля. Оптовая торговля, в основном, бесспорно находится в руках государства и кооперации и продолжает оставаться в их руках. Частный капитал проникает, главным образом, в область посреднического и мелко-оптового сбыта промышленных изделий и скупки и перекупки на низших ступенях сельскохозяйственного сырья и хлеба.

Хуже обстоит дело, как уже указывалось выше, в области розничной и мелкой торговли. Главную роль тут должна была бы играть потребительская кооперация, которая, однако, на деле проявила себя крайне слабо. Если еще сколько-нибудь удовлетворительно работает транспортная и вообще рабочая кооперация (впрочем, и то с величайшими недостатками), то крестьянская кооперация из рук вон плоха и слаба. О роли кооперации приблизительно можно судить по числу первичных кооперативных лавок, каковых насчитывается во всей стране до 27 тысяч, т.-е. примерно по одной на 5.000 жителей. Но если принять во внимание, что значительная часть их сосредоточена в городах и рабочих районах, а также вдоль путей сообщения, и что многие кооперативные лавки значатся лишь на бумаге, или если и существует в действительности, то ничего почти не делают по части обслуживания своих членов, то получится фактически по одному кооперативу на 10, а может-быть и 20 тысяч жителей, в деревне—на еще больший круг. Ясно, что тут достаточно поля действия для частного торговца.

Особенно заметен за последние два года рост внешнеторгового оборота:

	1920—21 опер. г.	1921—22 опер. г.	1922—23 опер. г.
Ввоз коммерческих грузов в тыс. руб. по ценам 1913 г. . .	201.068	282.394	147.892
Вывоз коммерческих грузов в тыс. руб. по ценам 1913 г. . .	10.191	63.917	133.241
Баланс внешней торговли .	190.877	218.477	14.651

Из пассивного наш внешторговый баланс стал активным в текущем операционном году (если осуществится вся про-

грамма хлебного экспорта)[1]. В то же время внешняя торговля складывается организационно в более постоянные гибкие формы, сохраняя в то же время в полной мере принцип монополии за государством. От простого запрещения ввоза и вывоза (лицензионная система) НКВТ переходит постепенно все больше и больше к регулированию его еще и таможенными тарифами. Все это увязано в единую систему, дающую возможность государству в едином лице выступать в качестве торговца перед внешним капиталистическим миром и почерпнуть из этого монопольного положения все выгоды. Нельзя, впрочем, отрицать, что во внешнеторговой технике есть еще много крупных дефектов, создающих возможность частному капиталу получать известную долю прибылей в свой карман.

В области финансов и кредита, как уже указывалось в предыдущих главах, сделаны крупные завоевания, свидетельствующие об укреплении государственной денежной системы и государственных финансов. Главное достижение—это создание и упрочение червонца и его полная стабилизация (насколько стабильно само золото, его обеспечивающее), далее развитие кредита и кредитной сети, упрочение государственного бюджета, развитие налогового и страхового аппарата и т. д. Все это бесспорные и крупные достижения.

Общая картина такова, что государственный и кооперативный как торговый, так и промышленный и банковый капитал усиленно растет и восстанавливает свое влияние на народное хозяйство. После первого года более или менее развернутого нэп'а (1921/22 оп. г.), прошедшего под влиянием предыдущего неурожая, под знаком сплошного разбазаривания остатков промышленного и торгового капитала, начался с осени 1922 года период интенсивного накопления всех видов государственно-кооперативного капитала. Мы не имеем точных данных, характеризующих степень и размеры этого накопления (различные исчисления в этой области, дающие цифру для одного торгового капитала около 300 мил., не говоря о промышленном, все же сомнительны и опираться на них пока невозможно).

[1]) До 15/XI заготовлено было хлеба для экспорта свыше 100 мил. пуд., запродано ок. 65 мил. пуд. Начало не плохое при общей годовой программе экспорта хлеба в 225 мил. пуд.

Однако, один факт довольно крупных прибылей еще за 1921/3 опер. год у ряда трестов легкой индустрии и не меньших, а гораздо больших прибылей за 1922/3 оп. г. (подсчеты еще не окончены) говорит нам за то, что накопление было, и притом весьма немалое.

В то же время государственно-кооперативный капитал укреплялся организационно, оформлялся, расширялся и приспосабливался к обстановке и условиям работы. Он, бесспорно, значительно укрепился и завоевал ряд „командных" высот, как опорных пунктов для своего дальнейшего развития.

Развитие и укрепление планового начала в нашем народном хозяйстве.

Многие товарищи, в том числе и многие коммунисты, понимали первоначально нэп, как полный отказ от планово-регулирующего воздействия со стороны государства на народное хозяйство, по крайней мере, в тех его частях, где господствуют частно-хозяйственные формы. Им и казалось поэтому, что нэп есть сдача всех позиций, завоеванных пролетариатом, что нэп есть полное подчинение государственного хозяйства рыночной анархии, и т. д.

Первый период нэп'а, период, собственно говоря, перехода к нему от „военного коммунизма", лишь теперь вчерне законченного, как-будто наглядным образом подтверждал эти сомнения и опасения. В самом деле, частный капитал вырастал и укреплялся на наших глазах, спекуляция и хищническая торговля усиленно питались рыночной анархией, особенно в период „разбазаривания" промышленной продукции. Сельское хозяйство, несмотря на голод, интенсивно расширяло посевы и после незначительного урожая 1921 г. (ок. 1.800 мил. пуд.) за один только год поднялось до 3.000 мил. пуд. Промышленность же и транспорт, в особенности последний, и тяжелая индустрия не только прозябали на прежней точке, не только проскакивали с величайшим для себя ущербом через полосы „кризисов" (хлеба для рабочих, топлива, сырья для промышленности и транспорта и т. п.), но и в своей сколько-нибудь успевающей части—в легкой индустрии—стояли перед необходимостью стихийного разбазаривания своих и так скудных

оборотных средств. Последние маневровые запасы в руках государства иссякали; кредита не было; советский рубль падал; в общем казалось, что государственное хозяйство переживает медленную агонию перед своим окончательным распадом. Надежды на быструю помощь иностранного капитала отпали после Генуэзской и Гаагской конференций еще в течение того же 1921 года. Вообще, надо тут же отметить, что расчеты на уступчивость по отношению к нам иностранного капитала при тех условиях, на каких мы соглашались вступить с ним в сделку (без восстановления его прежних имущественных прав) оказались вообще сильно преувеличенными.

Неудивительно, что в то время внутри нашей партии сложилась группировка так-называемой „коммунистической реакции“ (тов. Ларин и некоторые другие), которая цеплялась за остатки прежней системы централизованного снабжения и административного воздействия на всю нашу хозяйственную периферию. Оппозиция эта против нэп'а не хотела упорно понимать той простой вещи, что система учета и распределения по карточкам решительно несовместима с системой рыночного распределения, и что плановое начало нужно проводить в жизнь мерами экономического воздействия, а не в порядке одного лишь административно-бюрократического усмотрения, без достаточного учета реального соотношения сил и интересов в столь разнородном хозяйственном целом, как наше народное хозяйство. Поскольку же экономических способов воздействия тогда почти не существовало,—а не существовало потому, что не сложилась еще самая система рынка и не сформировались такие экономические регуляторы, как, напр., кредит, — постольку в порыве отчаяния ничего и не оставалось, как цепляться за старое.

Но переходный период постепенно заканчивается. И вопреки всем сетованиям пессимистически настроенных товарищей на нэп, система государственного капитализма, основанная на восстановлении товарного производства и рынка начинает постепенно складываться и укрепляться, хотя мы и пребываем все еще на той ступени хозяйственной организации, которую тов. Ленин еще в 1921 г. определял „государственным регулированием торговли“. Переход через полосу, когда старая

система распределения и регулирования производства утратила способность функционирования, и когда в то же время не существовало экономических возможностей воздействия со стороны ослабевшего до крайности государственного капитала на рыночную стихию, в основном завершился, и из недр того же рынка выявились регуляторы, которые при условии государственной собственности на землю, фабрики и заводы, средства транспорта и связи, вообще все на основные средства производства и обмена, оказываются в руках рабочей власти достаточно мощными для ограничения вышедшего за пределы своих естественных границ частного капитала, для систематического планового регулирования всего процесса обращения, а через него и сельскохозяйственного производства, не говоря о крупной и средней промышленности. Эта возможность могла выявиться именно потому, что мы перешли к нэпу. При „военном коммунизме“ эти экономические регуляторы сложиться не могли, ибо для этого не существовало основной предпосылки — товарного производства и рынка. Охватить же все мелкое производство, все сельское хозяйство и все дело снабжения 100 миллионов крестьян одним общим бюрократическим аппаратом в условиях мирного производства, при нормальном течении жизни—было бы величайшей утопией.

За последнее время очень много говорят о необходимости усиления планового начала в нашем хозяйстве, о необходимости ограничения нэп'овской стихии, об усилении регулирующей роли государства. Все это правильно и верно. Но неправы те, кто мотивирует эту необходимость указаниями на то, что до сих пор мы преступно мало обращали внимания на плановое начало, и на тот орган, который призван его проводить, на Госплан, что в нашей субъективной вине лежит причина успехов частного капитала, что это „игнорирование“ планового начала явилось чуть ли не основной причиной кризиса и самых „ножниц“. Субъективной вины партии и советского аппарата прикрывать нам нечего: верно, что здесь было немало упущений, небрежности, бессистемности, неряшливости в работе. Если бы всех этих субъективных недочетов не было, возможно, что кризис был бы предвиден заранее и смягчен, что кое в чем влияние частного капитала было бы ограничено. Все это, конечно, немаловажно.

Но перестают диалектически мыслить те критики, которые, ухватываясь за эти правильные указания, преувеличивают их до крайности, приписывая игнорированию планового воздействия и плановых органов чуть ли не первопричину происходящих в нашем хозяйстве сдвигов и пертурбаций. Это, конечно, неверно. Надо отдавать себе полный отчет, что в такой стране, как наша, где крупная промышленность и кредит до войны в значительной части были еще в руках иностранного капитала, где сельское хозяйство представляет из себя безбрежное море мелких хозяйств, где колоссальные пространства не преодолены еще первоклассными средствами сообщения и связи,—что в такой стране со столь разнородными типами хозяйства (которые умещаются на всей шкале экономических типов от первобытного коммунизма до государственного капитализма и социализма) невозможно сразу, в порядке административного приказа, в порядке „щучьего веленья" создать полную законченную систему государственного капитализма. Надо далее понимать, что и то, что на данной ступени развития можно создать, как подобие такой совершенной и идеальной системы, лежало в начале нэп'а, в 1921 году, в обломках и развалинах перед нами, хотя и прикрытое сверху громко именуемой „системой планового распределения и социалистического производства", комиссий использования и сетью потребительских и производительных „коммун". Ведь, все это было лишь одной видимостью, а не реальностью. На деле же приходилось все здание государственного капитализма, всю систему его сколачивать заново из тех обломков хозяйства, какие перед нами лежали на исходе восьми лет войны и четырех лет революционных ломок и перестроек.

Что же мы имеем теперь, на третьем году нэп'а? Имеем очень много такого, чего не имели в начале нэп'а.

Имеем, во-первых, более или менее восстановленные транспорт и связь, функционирующие хотя и не очень быстро, но зато уже сравнительно аккуратно. А, ведь, это элементарное условие для существования как планового хозяйства, так и просто развитого товарного производства и капитализма в масштабе такой страны, как СССР.

Имеем, далее, развернутые и восстановленные в основных своих частях рынок и товарооборот. И тот, и другой

далеки от довоенных размеров. Но они уже есть, тогда как в начале нэп'а их или не было совсем (оптового товарооборота и крупного рынка), или они представляли из себя пеструю, не связанную ничем цепь отдельных замкнутых в себе частных местных рынков, и то подпольных, нелегальных. Вся страна представляла из себя еще в конце 1921 года что-то в роде Руси удельного периода. Правда, и сейчас мы еще имеем такие замкнутые местные рынки, но это—исключения из общего правила. Правда, и по сейчас наш оптовый рынок имеет уродливую структуру: товарооборот больше чем на половину концентрирован благодаря централизации кредита и товара в одном центре, в Москве. Но все же рынок в основном есть, в основном создался.

Далее, укажем на **кредит** и обеспечивающую и обусловливающую его развитие и функционирование **твердую валюту**. Ни того, ни другого мы еще два года тому назад не имели. Создать кредитную сеть, пусть уродливо централизованную (как и зависящий от нее в известной степени товарооборот), пусть слабо разветвленную, было нелегким делом, особенно если учесть роль в области кредита в царской России иностранного капитала. А между тем, без кредита не только невозможно плановое регулирование товарного хозяйства, но невозможно сколько-нибудь развернутое товарное хозяйство вообще. Роль банковского капитала, как организатора и регулятора производства и обращения в развернутой капиталистической системе достаточно известна всякому. Не следует умалять также роль для планового регулирования, да и просто для денежного и товарного обращения, **устойчивой** валюты. Не будет преувеличением сказать, что от ее наличия в сильной мере зависит **развитие самого денежного обращения**, после того, как оно в предыдущий период было сведено почти на-нет.

Отметим теперь регулирующую роль **внешнего товарооборота**, могущего своими передвижениями товаров из страны и в страну сильнейшим образом влиять на состояние рынка и уровень товарных цен. И вообще подчеркнем роль всякого рода **маневрирования товарными массами** на рынке (путем ли внешних интервенций товаров, или образования внутренних фондов), что при правильном использова-

нии и плановом предначертании может стать сильнейшим средством воздействия на распыленного, неорганизованного или слабо организованного частного торговца или частного производителя.

Не будем останавливаться подробно на целом ряде других экономических средств (не говоря об административных и комбинированных с ними экономических), которыми могут быть искусно и гибко регулируемы цены со стороны государства, держащего в своих руках такие рычаги, как развитый, гибкий, достаточно широкий и мощный кредит, таможенные тарифы, железнодорожные и водные тарифы, валюта, товарные массы и т. д., и т. п., если все эти рычаги сознательно и соответственно плану направляются и приводятся в действие в интересах государственного капитала или той или иной группы производителей и потребителей (как это ухитрялся проделывать у нас даже царский бюрократический аппарат, как это искусно в интересах Стиннесов и подобных им проделывает более тонкий аппарат германского правительства, австрийского правительства и т. п.). Всего этого у нас еще в полном виде не имеется, все это лишь постепенно развертывается и налаживается, все это еще крайне негибко и неорганизованно, но все это вчерне уже сложилось.

Необходимо отметить и особо подчеркнуть, в качестве предпосылки планового хозяйства, наличие определенной, пусть еще грубой и неотделанной системы и организации государственной промышленности, транспорта, торговли и т. д. Без подобной организации плановое регулирование совершенно невозможно. К этому присоединяется общая организация центрального и местного (районирование) планово-регулирующего аппарата. Она еще весьма у нас несовершенна, но вчерне уже сложилась (СТО, Госплан, областные Экосо, плановые органы и т. д.).

К этому всему надо добавить (не выдвигая административного воздействия на передний план) роль и влияние государственного аппарата, направляемого уже не анархической борьбой различных капиталистических группировок, а сознательной, единой в основном волей пролетариата, согласованной с интересами крестьянства. Один авторитет Советской власти и руководящей его партии чего стоит! А подбор ею исполнителей своих предначертаний?!

Все это лишь частные моменты, образующие в целом, при правильном их сочетании, систему государственного капитализма.

Но для функционирования всех этих экономических рычагов необходимо основное—накопление известных маневровых фондов. Есть у нас таковые? На это ответ дан выше: как промышленный, так и торговый, также и банковый капитал значительно развились и сложились на наших глазах за последние два, вернее, за один только последний год. Как сложились, за чей счет,—это другой вопрос, об этом речь впереди. Но факт, что они сложились и являются уже ощутимой реальностью. Таким образом, основная предпосылка налицо.

Но нужно учесть еще одно условие—наличие соответствующих культурных сил, соответствующих исполнителей государственной воли и намерений в такой сложной сфере, как планирование и регулирование государственного хозяйства, да еще такого, как наше, на пространстве одной шестой части земной поверхности. Это требование весьма серьезное. Правда, мы не отличаемся особым искусством в подборе и использовании работников. Но самые основные кадры для этого у нас есть, хотя и недостаточно полные; недостающие формируются в наших вуз'ах и втуз'ах. Как ни плох наш хозяйственный командный состав, но при активной поддержке всей партии, при усиливающейся поддержке со стороны выжидавших до сих пор слоев интеллигенции плановое регулирование хозяйства все же, хотя и плохо вначале, осуществимо. Основные предпосылки теперь уже налицо. Нэп в этом себя оправдал.

Что же мешает нам полностью перейти к такому плановому регулированию хозяйства? А то, что мы находимся в „растворе ножниц“, то, что наше хозяйство переживает кризис, притом самый что ни на есть капиталистический кризис, который вновь потрясает его основы и нарушает его спокойное развитие. В чем причины кризиса, как их устранить, как предвидеть, предупредить и устранить самую возможность таких кризисов? Вот вопросы, от разрешения которых зависит окончательный ответ на поставленный вопрос. Может, мы в самом деле ошиблись с введением нэп'а? Может-быть, кризис заставляет пересмотреть эту систему в корне, как-то предлагал

недавно в „Правде“ тов. Ларин? Если так, то нечего говорить о применении такой плановой системы, какую мы только-что обрисовали.

Перейдем поэтому к рассмотрению кризиса „ножниц“, к анализу его причин и намечению практических выводов для его устранения и предупреждения возможных кризисов в будущем.

Это и даст нам ответ на наши недоуменные вопросы.

II. Основные причины раздвижения „ножниц" и связанного с этим кризиса сбыта.

Общая характеристика „ножниц".

Чтобы разобраться в причинах „ножниц", нужно первым делом представить себе ясно, о чем идет речь. Что из себя изображают эти пресловутые „ножницы"? И почему они называются именно „ножницами"? В чем суть их?

Отметим с самого начала, что название дано им на основании чисто „художественных" эмоций, получающихся от созерцания всем известного чертежа, на котором изображено расхождение врозь от одной точки кривых, изображающих средние промышленные и сельскохозяйственные цены в их динамике, в их изменениях во времени. Действительно, до октября месяца прошлого года сходство этой фигуры с самыми обычными ножницами было достаточно сильное. Но уже с октября 1923 года, когда кончики их резко загнулись во внутрь, они начинают больше походить на клещи или щипцы, чем на ножницы. Наконец, надо сказать, что, не будь кризиса неурожая в 1921 г. и невероятно искаженной конъюнктуры рынка благодаря неурожаю и отчасти благодаря слабому еще тогда восстановлению рынка после „военного коммунизма", не было бы и „ножниц" ибо не было бы обратного расхождения средних цен в 1922 г. и, следовательно, их перекрещивания в августе—сентябре 1922 г., что и образовало тогда „ось" „ножниц". Были бы только две кривые, колеблющиеся линии цен, одна выше средней, другая— ниже ее, то приближающиеся друг к другу, то отдаляющиеся друг от друга.

Но неважно, в конце-концов, как называется эта фигура. Важно то, что она изображает или собою отражает. Если

самое название не заключает в себе экономического смысла [1]), то весьма глубоко то экономическое содержание, которое скрыто в этих „ножницах“.

Что же отражают собою „ножницы“? Взглянем на прилагаемую диаграмму (см. стр. 43).

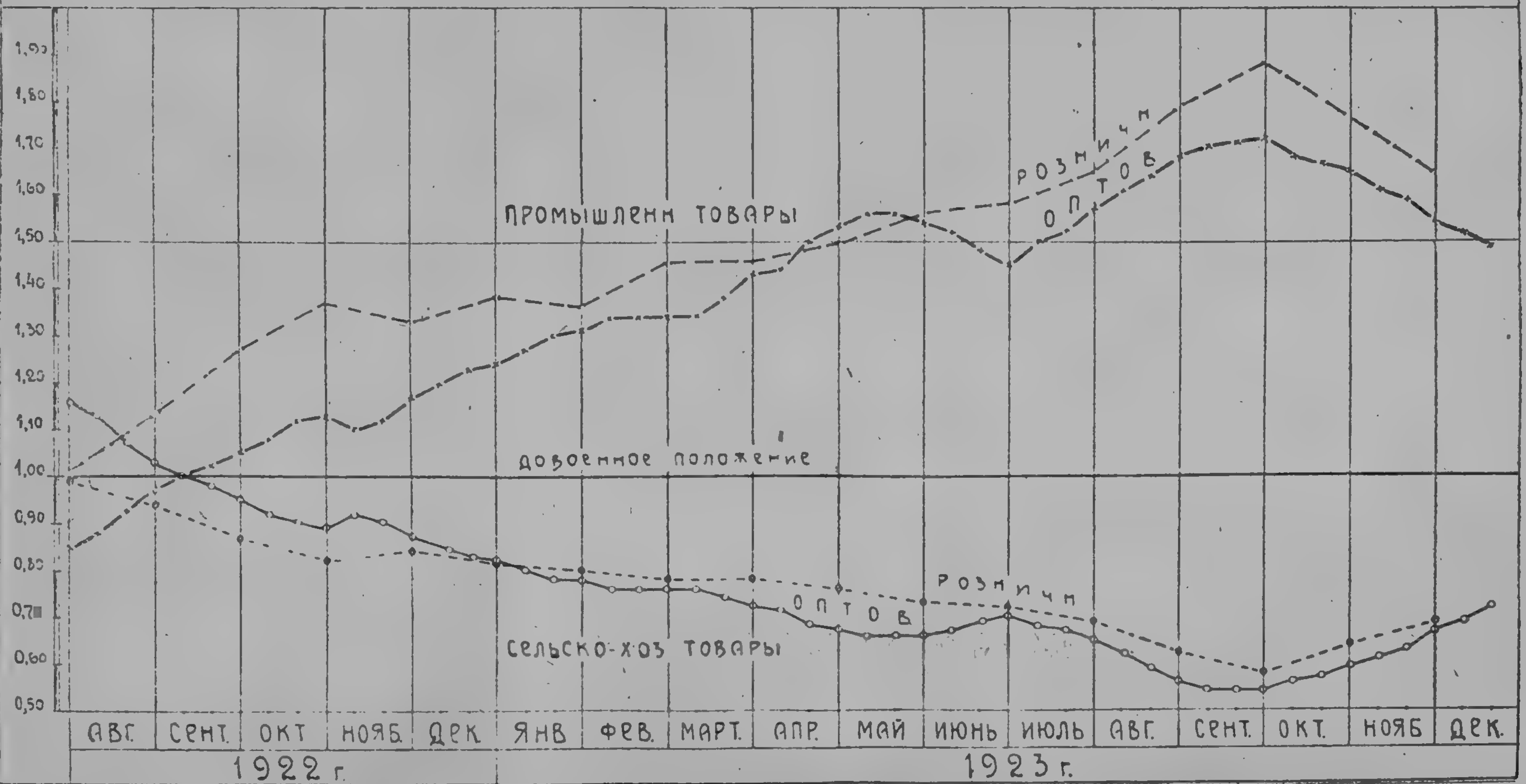
Приложение: диаграмма „ножниц“ с 1/VIII 1922 г. по 1/XII—23 г.

Мы здесь имеем прямую линию — продольную ось или среднюю вдоль обоих лезвей. Это прямая линия изображает **средние цены** на каждый данный момент на все основные товары, обращающиеся на рынке. Эта средняя цена все время принимается за единицу или в процентах за сто. При чем она не зависит от того, в каких единицах исчислены цены: в товарных или довоенных рублях (т.-е. в рублях, основанных на довоенных соотношениях цен, принимаемых при исчислении „товарного рубля“ за нормальные), в современных золотых или почти аналогичных золотым—червонных или каких-нибудь иных рублях или ценностных измерителях. Точно так же все равно, будет ли это средняя цена, как таковая, или средний индекс цен, изображаемых также их отношениями (индексами) к соответствующим довоенным ценам. Это может отразиться уже на лезвеях, которые получают ту или иную форму, в зависимости от того, что принято за среднюю.

Поперечные линии являются делениями времени и равными отрезами отделяют равные промежутки времени (месяцы, десятидневья (декады). По этим поперечинам и отмечается на каждый данный момент (первые числа месяца, декады и т. п.) в процентах или долях единицы средний уровень промышленных цен (одна кривая, идущая в течение всего истекшего года поверх средней линии цен) и средний уровень сельскохозяйственных цен (идущий ниже средней линии). Ясно, что соотношение будет правильным лишь в том случае, если та и другая кривая будут измерены в тех же единицах, что

---

[1]) В самом деле, если ножницы могут быть опасны, как инструмент режущий, то лишь тогда, когда они сжимаются, когда лезвея их сближаются. Но в данном случае нам это как-раз и нужно. „Ножницы“ страшны нам своим раствором; но как-раз в обыденной жизни это не страшно. В этом коренное противоречие, не дающее возможности словами „ножницы“, „зажим лезвей“ и т. п. символизировать ту опасность, которая скрывается в явлении, называемом „ножницами“ по чисто-внешнему сходству.

Соотношение реальных цен на продукты сельского хозяйства и промышленности
промышленн товары
розничн
оптов
довоенное положение
сельско-хоз товары
розничн
оптов
1,80
1,70
1,60
1,50
1,40
1,30
1,20
1,10
1,00
0,90
0,80
0,60
0,50
авг.
сент.
окт
нояб.
дек
янв
фев.
март.
апр.
май
июнь
июль
авг.
сент.
окт.
нояб
дек.
1922 г.
1923 г.

и средняя (в тов. рублях, черв. рублях, индексах или абсолютных ценах и т. п.). Обычно берутся оптовые и розничные индексы (Госплана и Конъюнктурного Ин-та при НКФ) цен. В качестве средней берут или общий индекс всех цен, или курс банкноты (червонца). Но это отнюдь не обязательно. Отметим еще, что средние цены или индексы цен отнюдь не берутся, как арифметические или геометрические средние всех отмечаемых цен на различные товары, обращающиеся на рынке. Средние исчисляются путем довольно сложных взвешиваний индексов различных товаров (долевое участие в общей сумме), в зависимости от их значения на рынке, от их оборота и т. д. Товары, слабо или совсем не выступающие на рынке (напр., кокс, нефть, машины) в том смысле, что они передаются из одного госоргана в другой по плановым ценам, в порядке взаимных расчетов, приходится учитывать в общем индексе или в общей средней, исходя не из случайных рыночных цен на них, а из соответствующим образом взвешиваемых плановых цен. Нечего и говорить, что все эти взвешивания крайне условны, и что столь же условны и относительны их результаты.

Уже из сказанного ясно, насколько общи, грубы и далеки от абсолютной точности кривые „ножниц". Сравнение же „ножниц", исчисляемых по различным средним, дает подчас резкие расхождения между собою отдельных кривых. Но было бы ошибкой и тщетной надеждой искать здесь точных данных. Тут важен не справочник цен, а иллюстрация общего состояния народного хозяйства, отраженного внешне соотношением средних цен на основные группы товаров. Важна тут именно это сторона „ножниц". И какие бы средние ни брать, какие измерители или промежутки ни устанавливать, общая картина соотношений и основная тенденция средних цен (дальнейшее расхождение или сближение их) будут во всех случаях одни и те же, хотя, быть-может, количественно они будут различаться. Важно именно то, что „ножницы" являются попыткой перевода этих количественных понятий на качественные: они вскрывают наглядно те качественные отношения и изменения в народном хозяйстве, какие кроются в количественных данных.

Прежде чем итти дальше, приведем общеизвестные „количе-

ственные" ножницы в двух рядах цифр. Возьмем за среднюю в первом случае общий оптовый индекс, во втором случае—курс банкноты. Время будем измерять по месецам:

Время.	Индексы.		Индексы.	
	Промышлен. в отношен. к общ. индексу = 100.	Сел. хоз. в отношен. к общ. индексу = 100.	Промышлен. в отношен. к курсу червонца = 100.	Сел. хоз. в отношен. к курсу червонца = 100.
1922 год.				
1 августа	0,85	1,16	—	—
1 сентября	0,97	1,03	—	—
1 октября	1,05	0,95	—	—
1 ноября	1,13	0,89	—	—
1 декабря	1,17	0,87	1,21	0,91
1923 год.				
1 января	1,24	0,82	1,12	0,74
1 февраля	1,31	0,78	1,27	0,75
1 марта	1,34	0,76	1,46	0,83
1 апреля	1,43	0,72	1,50	0,75
1 мая	1,53	0,67	1,49	0,66
1 июня	1,54	0,66	1,67	0,72
1 июля	1,45	0,70	1,87	0,91
1 августа	1,57	0,65	2,08	0,86
1 сентября	1,68	0,56	2,26	0,75
1 октября	1,72	0,54	2,31	0,72
1 ноября	1,65	0,59	2,03	0,72
1 декабря	1,54	0,67	1,88	0,82

(Отметим тут же в скобках, что совпадение средних промышленных и сельскохозяйственных цен с средним индексом имело место, по данным исчисления, 11-го сентября 1922 года).

В данной таблице мы имеем дело только с оптовыми индексами. Ясно, что такие же „ножницы“ можно построить и для индексов розничных цен. На приведенной выше диаграмме нарисованы, собственно, две пары „ножниц“—оптовые и розничные. Характерно при этом, что розничные опережают в своем растворе оптовые, и самый раствор их в общем шире, чем у оптовых (хотя не всегда). То же опережение розничными оптовых в смысле более крутого загиба заметно и после октября 1923 г. Это более наглядно явствует из следующей таблицы, составленной Госпланом, берущей не самые кривые, а раствор их, выраженный в процентах, в отношении сельскохозяйственных (см. таб. на стр. 47):

Ведущая роль почти все время находится на стороне розничных цен, что и следовало ожидать, несмотря на то, что государство делало попытки регулирующего нажима на оптовые цены. Подчеркнем тут же, что для нас в „ножницах“ больше всего интересна как-раз величина их раствора, а потом уже динамика отдельных цен. Поэтому нам не раз придется возвращаться к последней таблице. Отметим уже сейчас, что раствор, будучи весьма незначительным осенью прошлого года (сначала даже обратным, в другую сторону) стал интенсивно расти с прошлого октября, т.-е. с момента более широкого развертывания операций по реализации урожая 1922 года (значительно, на 60%, превышавшего урожай предыдущего года); претерпев небольшой излом еще в ноябре того же года, раствор немного сузился в марте в отношении розницы, продолжая все время неуклонно, хотя и в различном темпе, возрастать в отношении оптовых; в июне испытывают некоторые сокращения и оптовые; общий перелом в сторону сжатия лезвей определенно начинается лишь с октября 1923 г., после достигнутого на 1-е октября максимального раствора, розничными „ножницами“ в 315%, оптовыми—320%. Характерно, однако, что если взять частные „ножницы“ для 19 отдельных товаров на 19 рынках (этим исключается выравнивающая роль различных, местами прямо противоположных по своему характеру рынков и товаров в конечной средней), то сближение лезвей,

Время наблюдения.	Расхождение в процентах.	
	Розничных цен.	Оптовых цен.
1922 г.		
1 августа	99	74
1 сентября	119	94
1 октября	138	111
1 ноября	165	127
1 декабря	159	134
1923 г.		
1 января	170	152
1 февраля	171	169
1 марта	187	176
1 апреля	186	199
1 мая	199	227
1 июня	214	232
1 июля	220	206
1 августа	238	242
1 сентября	287	312
1 октября	315	320
1 ноября	224	280
1 декабря	—	230

как розничных, так и оптовых, начинает сказываться на целый месяц раньше, еще с 1-го сентября 1923 г., т.-е. задолго до того, как государство начало в административном порядке понижать оптовые цены на ситец и некоторые другие товары [1]).

[1]) См. Тезисы по вопросу о „ножницах" Госплана, напечатанные в № 12 „Экономического Обозрения".

Этим подтверждается то, что еще до того, как мы полностью осознали угрожающий раствор „ножниц“ этой осенью и оказали на него свое воздействие, рынок сам в своих глубинах начал выявлять тенденцию к сжиманию „ножниц“. Откуда эта тенденция,—об этом скажем впоследствии.

Однако, в чем же собственно суть „ножниц“?

В том, что ими наиболее наглядно отражается ненормальное соотношение на рынке двух основных групп товаров—промышленных, с одной стороны, и сельскохозяйственных—с другой. А товары эти представляют на рынке соответствующие группы производителей: первые—рабочих города, вторые—100-миллионное крестьянское население, представляющие из себя две различных классовых группировки. Мы уже касались в первой главе вопроса о том, насколько важно согласование их интересов в такой стране, как наша, насколько важна между ними должная хозяйственная „смычка“. Вот состояние этой смычки, степень согласования интересов обоих классов и показывают нам наглядно „ножницы“. Когда раствор их доходил до угрожающих размеров, до 300 с лишним процентов, это означало, что промышленные изделия в среднем (т.-е. со включением также изделий, потребляемых по более низким ценам государством) стоят на рынке в три с лишним раза дороже, чем сельскохозяйственные. А это значит, что крестьянин не в силах при таком соотношении цен получить за свой дешовый хлеб даже части тех сумм, какие ему необходимы, чтобы купить дорогие изделия промышленности для удовлетворения даже самых элементарных своих потребностей (ситец, соль, обувь, железо и т. п.). Какая же при этом может быть „смычка“? „Ножницы“ таким образом в самом упрощенном, но зато в самом наглядном виде иллюстрируют нам состояние этой „смычки“, соотношение интересов города и деревни. Для ближайшего же периода это для нас, для всей Советской власти, для самого существования ее—основной вопрос. Вот чем и объясняется особый интерес к „ножницам“ со стороны всего нашего общества.

„Ножницы“ и последний кризис сбыта.

Даже при самом беглом взгляде на „ножницы“ бросается в глаза одна их особенность, а именно то, что нижняя поло-

винка их или нижнее лезвее в своих изгибах и поворотах является как бы **зеркальным** отображением верхнего лезвея и наоборот, при чем зеркальной плоскостью служит средняя цена всех товаров или общий индекс. Эта особенность наших „ножниц“ отнюдь не случайная и вовсе не вытекает из каких-либо статистических или даже математических особенностей их [1]). Она отражает в себе ту особенность нашей экономики, что город и деревня участвуют во внутреннем товарообороте страны в более или менее равных долях, что количество продаваемых одной стороной товаров по их ценности равно приблизительно количеству покупаемых другой стороной и обратно. В этом заключается одна из наиболее характерных черт нашей экономики. Мы имеем на одной и той же территории, в пределах одного и того же государственного целого, и крупную фабрично-заводскую промышленность, и сырьевую базу для нее, и многочисленного, не втянутого еще полностью в розничный оборот крестьянского потребителя, имеем, таким образом, широкий и глубокий внутренний рынок для нашей промышленности. Индустриальная метрополия и сельскохозяйственная „колония“ (окраина) соединены у нас в **одном целостном** хозяйственном организме. Если мы и вывозили значительные излишки сырья и хлеба (до 1500 милл. пуд. и более одного хлеба) и ввозили извне машины, некоторые виды сырья и полуфабрикатов и значительный ассортимент готовых изделий, то все же основной обмен товарами происходил у нас между городом и деревней, на внутреннем рынке. Деревня до войны потребляла до 50% всей нашей промышленной продукции и отдавала городу примерно такую же долю товарной части своей продукции (не считая собственного потребления самой деревней). Поскольку это так и поскольку в первые годы нэп'а внешняя торговля оказала весьма незначительное влияние на наш внутренний товарооборот, постольку эти массы товаров в **ценностном** их выражении должны быть и теперь близкими к равенству,

---

[1]) Так, если построить таким же образом „ножницы“, но разбить цены на две группы по другому признаку, напр., по товарам массового потребления и товарам промышленного потребления (статистический метод будет один и тот же), то результат получится совершенно не тот, что в наших обычных „ножницах“.

что и видно из приводимой ниже таблички В. Г. Громана. А раз так, то в „ножницах“, где средние индексы цен взвешиваются в зависимости от количественного участия тех и других товаров в общем товарообороте, соотношения цен к средней и расхождение их от средины должны быть примерно весьма приблизительно одинаковыми, что и видно на „ножницах“.

Тут-то и приходится искать основной причины, вызывающей кризисы, подобные только-что происшедшему кризису сбыта, с их последствиями для промышленности и сельского хозяйства (какими именно, это пока еще рано сказать, так как они только еще начинают выявляться, но что не может остаться без всяких последствий для сферы производства такая встряска и пертурбация в сфере обращения, как последний кризис,—это совершенно ясно, несмотря на все смягчающие кризис обстоятельства (плановое воздействие государства, наличие крупной потребности деревни в изделиях промышленности и т. д.).

Дело в том, что выравнивание на таком замкнутом рынке в ценностном выражении товарных масс, выбрасываемых промышленностью и сельским хозяйством на рынок, происходит не столько путем выравнивания количеств самых товаров, сколько путем соответствующих изменений их цен: промышленных в сторону увеличения, сельскохозяйственных—в сторону понижения. Благодаря неестественным извращениям одних множителей (цен), произведения, при совершенно неравных вторых множителях (количествах товаров с той и другой стороны), получаются более или менее одинаковые, равные между собою. Симметричность „ножниц“ покупается в данном случае очень дорогой ценой—их раствором.

Чтобы получить представление о том, насколько ценностное выражение товарных масс промышленного и сельскохозяйственного происхождения отличается от их количественного выражения (для получения представления о нем мы берем измерение ценности тех же масс товаров в довоенных ценах; ввоз и вывоз для истекшего хозяйственного года не играют столь крупной роли, чтобы сколько-нибудь значительно изменить всю картину), сопоставить исчисленную В. Г. Громаном

чистую продукцию промышленности и сельского хозяйства за 1922/3 хоз. год (для сравнения взят и довоенный период)[1] в милл. товарных рублей:

Чистая продукция. Отрасль производства.	До войны (по довоен. ценам).		В 1922—23 операц. году. По довоен. ценам.		По соврем. ценам.	
Сельское хозяйство	5.600	71	4.200	86	3.100	77
Промышленность	2.300	29	700	14	950	23
Итого	7.900	100	4.900	100	4.050	100

и то же сопоставление отдельно для валовой:

Валовая продукция. Отрасль производства.	До войны (по довоен. ценам).		В 1922—23 операц. году. По довоен. ценам.		По современ ценам.	
Сельское хозяйство	6.120	52	4.590	71	3.440	57
Промышленность	5.620	48	1.900	29	2.625	43
Итого	11.740	100	6.490	100	6.065	100

Как та, так и другая таблички дают лишь косвенное представление о товарных массах, выступающих на рынке навстречу друг-другу. Хотя и в чистую продукцию не входит собственное производственное потребление промышленности и сельского хозяйства, но здесь далеко не исключено потребление городом и деревней своей продукции в чисто-потребительском смысле, что в деревне в значительной части происходит вне рынка. В довоенные цифры входит также экспортируемая

[1]) Процентные отношения прибавлены к таблице В. Г. Громана нами (авт.).

часть хлеба и сырья, в наши же современные цифры, кроме того, и та часть промышленной продукции, которая обращается в натуральном или полунатуральном порядке внутри государственного хозяйства, в сельскохозяйственные же цифры—часть сельскохозяйственной продукции, которая в натуральном виде передается государству в порядке прод- или сельхозналога. Но, тем не менее, как ни далеки эти данные о валовой и чистой продукции от данных, изображающих товарную массу, выступающую с той и другой стороны навстречу друг-другу на рынке, все же эти данные в достаточно ярком виде показывают ту уравнительную тенденцию, какую проявляют в отношении товарных масс современные цены. Ясно, что на рынке эта уравнительная роль их значительно больше.

Отсюда уже и понятна основная причина кризиса сбыта промышленных товаров. Он происходит не от абсолютного перепроизводства промышленных товаров или от недопроизводства сельскохозяйственных, а от невыносимого для массового крестьянского потребителя соотношения цен на те и другие товары. Если и можно тут говорить о каком-либо „перепроизводстве“ промышленных товаров, то лишь относительном: перепроизведено дорогих промышленных товаров сверх того платежеспособного спроса на них, какой выявляют при дешовых ценах на хлеб крестьянские массы. Другое дело с сельскохозяйственной продукцией: тут мы имеем явное перепроизводство хлеба сверх потребностей внутреннего рынка. Это, если угодно, и утешительно, и в то же время крайне неутешительно: утешительно постольку, поскольку кризис не имеет, таким образом, столь глубоких корней в экономике страны, как то можно было бы предположить,—неутешительно постольку, поскольку тут тем ярче выявляется отсутствие планового воздействия, рационального регулирования цен и торговли, вообще предвидения и предупреждения таких естественных последствий от несоответствия на рынке тех и других товарных масс, как настоящий кризис.

Отсюда ясна и связь между явлением „ножниц“ и явлением кризиса. „Ножницы“ и кризис сбыта сами по себе явления различного порядка, но находящиеся в причинной связи между собой. „Ножницы“—это расхождение промышленных и сельско-

хозяйственных цен до крайних пределов, отражающее в себе те глубокие сдвиги и перемены, какие за последние восемь лет произошли во всем нашем хозяйстве, отчасти даже и довоенные ненормальности в этом отношении. Кризис сбыта — это следствие этого расхождения, особенно остро выявившееся в тот момент, когда раствор „ножниц" достиг предельной черты, когда он дошел до прямо-таки катастрофических размеров. Кризис этот мог бы иметь место и без наличия „ножниц", но тогда он, внешне походя, быть-может, на настоящий кризис, имел бы совершенно иные причины и основания. „Ножницы" же сами по себе ни в какой мере не являются следствием кризиса и от него не зависят. Они имеют более глубокие причины, к рассмотрению которых мы и перейдем.

Но еще несколько слов о самом кризисе, как таковом. Мы выше определяли его, как обычный капиталистический кризис. Это можно сказать в отношении основных причин, выявивших его, общего характера его и той стихийности, с какой он выявился. Однако, в то же время он совершенно отличен от обычных кризисов в капиталистических странах, от обычных кризисов перепроизводства, что мы только-что показали. Если подобные нашему кризису и могут иметь место после войны в чисто-капиталистических странах (как последствия именно войны и вызванной ею диспропорциональности во всем мировом хозяйстве), то у нас в основе кризиса и вызвавшего его явления „ножниц" лежат, кроме общих для всех пострадавших от войны стран, целый ряд „специфических" причин, кроющихся в самой системе советского государственного капитализма, в том, как он складывается, развивается и т. д. На этом и остановимся в дальнейшем изложении.

Основные причины, вызвавшие раствор „ножниц".

Вышеприведенные таблицы, дающие общие итоги промышленной и сельскохозяйственной продукции, как валовой, так и чистой, дают тем самым ключ к объяснению причин „ножниц". В самом деле, в валовой продукции, измеряемой в довоенных ценностных единицах, мы имеем в 1922/3 оп. году отношение 71 к 29 против довоенных 52 к 48. В чистой продукции приблизительно такое же расхождение: в 1922/3 оп. г. 86 к 14, до войны—71 к 29. То же резкое несоответствие

видно из сопоставления цифр, указывающих, какой процент от довоенной продукции дают промышленность и сельское хозяйство. Тогда как промышленность показывает 30—35% (пока еще нет точных подсчетов), сельское хозяйство дает 70—75%. Хотя и промышленность в своем восстановлении за последнее время несколько нагнала сельское хозяйство, все же отставание ее разительное.

Все эти данные, несмотря на свою грубую приближенность, говорят слишком красноречиво о той диспропорциональности, какая существует в нашем народном хозяйстве между основными его производственными частями. Если же взять товарную часть промышленной и сельскохозяйственной продукции на рынке, то диспропорция еще более увеличивается, особенно на рынке деревенском. Это и вызывает непосредственно расхождение обоих лезвей „ножниц".

Но нет ли тут противоречия? С одной стороны, мы видим, что промышленность в темпе своего роста заметно обгоняет сельское хозяйство, что в количественном отношении его продукция ближе подошла к продукции сельскохозяйственной, и, следовательно, диспропорциональность должна уменьшиться. Почему же тогда раздвигаются „ножницы"? Тут надо учесть несколько моментов: во-первых, „субъективные причины раствора „ножниц", на которых мы остановимся в дальнейшем; они играют немаловажную роль; во-вторых, то, что осенью и зимою прошлого года, при крайне слабом еще экспорте, сельскохозяйственная продукция по своему количеству сразу развернулась на целых 60% (3000 мил. пудов против 1800 мил. пудов в предыдущем голодном году), в то время, как количество промышленной продукции увеличилось всего на каких-нибудь 5—10%; промышленность тогда только еще выходила из полосы „разбазаривания" и, естественно, с лихвой стремилась в новых условиях наверстать потерянное за предыдущее время, тем более, что эта высокая конъюнктура казалась промышленникам кратковременной, сезонной; в-третьих, наконец, надо учесть, что этой осенью, после крайне высокого раствора „ножниц" в последние месяцы истекшего операционного года, лезвея их начинают усиленно сближаться, что и объясняется тем, что при урожае, не более высоком, чем прошлогодний (даже по некоторым подсчетам

на 5% меньшем), при развивающемся довольно интенсивно экспорте и т. д., промышленная продукция поднялась за год с 25 до 30—35% от довоенного. Если зажим „ножниц“, совершенно неизбежный при этих соотношениях, не начался раньше, то мешали этому, главным образом, те же субъективные причины.

В чем же основные причины самой этой диспропорциональности, явно лежащей в основе „ножниц“? Их искать приходится не далеко. Основная диспропорциональность, несоответствие в уровнях производства промышленности и сельскохозяйственного вызвана, бесспорно, войной и усугублена в значительной мере разрушительным процессом революции. Мировая война, столь сильно задевшая Россию, втянувшая ее с головой в свой кровавый круговорот, не могла, конечно, не расшатать и не разрушить до основания всего хозяйства страны. Но, как и в прочих воюющих странах, она сильнее всего разрушила промышленность, транспорт, крупную торговлю, финансы и кредит, т.-е. как-раз те части народного хозяйства, которые наиболее организованы, наиболее сложны по своему составу и структуре, в которых основной капитал достиг наивысшей ступени организованности. В меньшей мере война разрушила сельское хозяйство, по самому своему характеру менее сложное, менее концентрированное и организованное даже в передовых капиталистических странах. Ясно, что экстенсивное на три четверти, если не более (если не считать помещичьих земель, на которых далеко не везде применялись интенсивные формы хозяйства), наше сельское хозяйство при его к тому еще колоссальных размерах, пострадало относительно меньше. Это и помогло ему быстрее стать на ноги, как только кончилась война; во время же войны и революции ему было легче приспособить свое производство к тогдашним условиям (т.-е. сделать его еще более экстенсивным, натурально-потребительским хозяйством, что и наблюдалось повсеместно к началу 1921 года). Промышленность, транспорт, торговля, кредит и т. д., конечно, так быстро и легко не могли восстановить свой разрушенный основной капитал и приспособиться к другим условиям работы. Милитаризация промышленности и транспорта во время империалистической и

гражданской войны еще более содействовала их разрушению.

Это основной факт, лежащий в основе всех почти явлений, наблюдаемых в нашем народном хозяйстве в послевоенный период. И это отнюдь не имеет места только у нас: такая же достаточно резкая диспропорциональность между промышленностью и сельским хозяйством наблюдается в послевоенный период почти во всех без исключения странах, прямо или косвенно задетых мировой войной, во всем, в сущности, мировом хозяйстве. Сельское хозяйство повсюду сохранилось в большей мере и дает больший процент продукции по отношению к довоенному, чем промышленность. Сжигание хлеба на американских паровозах, жалобы в „Таймсе“ южно-африканских фермеров на низкие хлебные и вообще сельскохозяйственные цены при высоких промышленных ценах, жесточайшая конкуренция на мировом хлебном рынке, какую приходится испытывать нашему хлебу, завоевывающему заново эти рынки,—все это лишь внешние отражения послевоенной диспропорции в мировом хозяйстве. Если в различных странах Западной Европы и Нового Света мы не наблюдаем в отчетливом виде явлений, похожих на наши „ножницы“, то это еще не означает, что в скрытом виде эти „ножницы“ там не имеют места. Стоит ухудшиться хозяйственному положению той или иной страны, чтобы это несоответствие дало себя чувствовать (напр., в Германии, где „ножницы“ явственно выразились в соотношениях цен на промышленные и сельскохозяйственные товары; отчасти в Англии и др. странах). Можно высказать априорное положение, что если снять маскировку всевозможных ввозных и вывозных пошлин, сильно отличающихся в ряде стран от довоенных, что если бы к метрополиям (напр., Англии, Франции) присоединить их колонии и соотношение цен рассматривать в отношении метрополии вместе с колониями, то знакомые нам черты „ножниц“ выявились бы более явственно, хотя и далеко не столь резко, как у нас.

Не следует забывать, что диспропорция между нашими промышленностью и сельским хозяйством усугубляется в сильнейшей мере дальнейшим процессом революции, разрушившей почти до основания наиболее интенсивную часть сельского хозяйства и сделавшей его еще более экстен-

сивным, чем оно было; это не могло не сделать его еще более способным к быстрому восстановлению и вызвать диспропорцию именно в процессе восстановления, тогда как в самом революционном вихре эта диспропорция не могла несколько не стушеваться; далее, разрушительный процесс гражданской войны, отрезывавшей неоднократно наши основные промышленные районы от их сырьевых и топливных баз, что, в свою очередь, разгоняло рабочую силу и окончательно разрушало останавливавшиеся надолго предприятия; наконец, непосредственные разрушения от военных действий, происходивших на всей почти территории страны. Издержки революции для нашего крупного хозяйства оказались чрезвычайно тяжелыми.

Если мы учтем все эти обстоятельства, то нам будет ясно, почему с момента восстановления народного хозяйства, с начала „передышки“ в 1921 г. диспропорция не только не уменьшалась, но даже еще усиливалась. Это следует непосредственно из вышеизложенного. Цифры и факты полностью это подтверждают. Начав с наинизшего уровня (ок. 60% от довоенного) сельское хозяйство, несмотря на катастрофу неурожая, удержало посевы в следующем после введения нэп'а 1922 году на уровне предыдущего 1921 г. (примерно 60%), подняв их быстро до 70—75% (местами и до всех 100%) в 1923 году. Промышленность, начав примерно с 15% от довоенного в 1920 г., лишь через три года дотянулась до 30—35%, несмотря на то, что темп ее роста в последнем году оказался выше темпа роста сельского хозяйства. Ясно, что диспропорция в производстве не могла при таких темпах не увеличиваться вплоть до последнего операционного года.

Но мы не можем ограничиваться в поисках основных причин „ножниц“ лишь областью производства. Надо заглянуть и в область обращения. Натуральный характер сельского хозяйства, высокий процент собственного потребления, с одной стороны, могут смягчить диспропорцию на рынке; отсутствие экспорта, а также импорта промышленных изделий может, с другой стороны, усилить диспропорцию. Что же мы видим за это время на рынке? В 1921 г. при относительно высоком урожае предыдущего года рынка почти еще не было; деревня вынуждена была вести натуральное хозяйство и сама потре-

блять излишки от урожая 1920 г. (за вычетом сданного по продоазверстке). Промышленность, хотя и работавшая еще слабо, имела еще кое-какие запасы от прежнего, которые по мере восстановления рыночных связей стали выползать на рынок по не очень высоким эквивалентам, но все же приемлемым для промышленности. Но вот наступает после неурожая 1921 г. невероятно низкая, сдавленная конъюнктура 1922 г. Хлеба на рынке даже вместе со старыми запасами крайне мало; рынок же успел за это время развиться. Продналога поступает крайне мало. Голодающий город вынужден выбрасывать за бесценок последние отстатки старой продукции и текущую промышленную продукцию, чтобы снабдить рабочих, армию и советский аппарат минимальным количеством хлеба, промышленность же сырьем, которого начинает уже недоставать (после истощения старых запасов). Происходит сплошное „разбазаривание" промышленностью своего сырья, остатков продукции, своих оборотных средств.

Ослабев до крайности к осени 1922 года, растратив свои средства (вместо того, чтобы накопить новые), претерпев летнее сжатие производства (особенно острое в тяжелой индустрии), промышленность с крайне ничтожными остатками товаров вступает в новый 1922/3 опер. год. Сельское хозяйство, однако, как уже выше указывалось, претерпев голод весной и летом 1922 г., собирает осенью 1922 г. сравнительно обильный урожай (ок. 3000 мил. пуд.), который, хотя и идет в значительной части на восполнение истощенных за время войны и голодовки запасов, все же в более значительной уже части выходит на сложившийся к тому времени внутренний рынок (не имея в то же время еще выхода на внешний). Масса промышленных товаров, противостоящих теперь сельскохозяйственным, относительно меньше, она им непропорциональна. И вот—естественное последствие этого несоответствия—начинается интенсивный рост цен на промышленные изделия и падение цен на хлеб (но не на сырье,—это надо иметь в виду). Дальнейший процесс в течение истекшего хозяйственного года вплоть до начала нового мы уже рассмотрели.

Что мы видим из этого беглого обзора, не могущего быть, к сожалению, иллюстрированным сколько-нибудь достоверными цифрами, за слабостью нашей торговой статистики? Мы видим

и здесь, в сфере обращения не менее резкую диспропорцию между товарами промышленными и сельскохозяйственными, являющуюся, в сущности, отражением диспропорции в сфере производства. Это общее для всей нашей экономики несоответствие между уровнем и темпом восстановления и роста промышленности и сельского хозяйства и является вместе с рядом привходящих объективных условий (на них мы становимся в дальнейшем изложении) решающей причиной, лежащей в основе наблюдаемого нами явления „ножниц". Она дает известный объективно-неизбежный раствор „ножниц", не поддающийся искусственному сжатию до того, как эти основные причины не изживутся, не устранятся. Мы не станем здесь исчислять пределов этого „объективного" раствора. По некоторым (имеющим, впрочем, чисто-иллюстрационное значение) исчислениям Госплана, этот раствор должен был на 1/X 1923 года равняться примерно 160%. Больше или меньше он на самом деле, но ясно и без того, что, помимо основной, объективно неустранимой причины, на расхождение лезвей влияет еще целый ряд субъективных причин, хотя и незначительных каждая в отдельности, но достаточно влиятельных в общей своей сумме. К их рассмотрению мы и перейдем в следующих главах, отмечая попутно и ряд второстепенных объективных причин, вытекающих из основной и связывающихся, в свою очередь, с причинами субъективного порядка.

Прежде, однако, чем перейти к более частным причинам, отметим одну общую субъективного характера причину, тесно примыкающую к основной объективной. Это отношение многих партийных, государственных и хозяйственных органов к темпу накопления и „перекачивания", благодаря высоким ценам на промышленные изделия, средств из сельского хозяйства в промышленность, ставшему вообще возможным с резкой переменой конъюнктуры осенью 1922 года. Максимальное накопление считалось долгое время чем-то само собою понятным, совершенно необходимым; выставлялся лозунг: „бери, пока можешь",—быть-может, такая конъюнктура продлится недолго. Партия выставила лозунг стремления к прибыльности (см. резолюцию XII съезда). И хотя во всем этом не было никакой нарочитости и сознательного потворства необузданному рваче-

ству и вздуванию цен, какие развились в нашей торговле прошлым летом, но при известном толковании (а толковалось это хозяйственниками до крайности упрощенно) и известной пассивности партийных и советских органов, это не могло не довести до перегиба палки, до явно ненормальных и извращенных соотношений. Тут-то и сказалась сильнее всего слабость наших планово-регулирующих органов, не сумевших во-время предусмотреть последствия подобных увлечений и рядом планомерно проведенных действий привести темп накопления средств промышленностью в соответствие с темпом накопления их в сельском хозяйстве.

Мы этим вовсе не желаем сказать, что промышленность вообще не должна накоплять своих оборотных средств за счет сельского хозяйства. Напротив, в хозяйстве, части которого столь неравномерно пострадали от войны и столь неравномерно восстанавливаются, жизненно необходимо перераспределение средств из одной, более сильной, более полнокровной части в другую, более худосочную, более слабую. И поскольку государство не может это „перекачивание" производить только способом взимания налогов (вообще в бюджетном порядке), постольку промышленность сама через рынок может производить его в известных пределах самостоятельно. Но важно, чтобы тут был зоркий глаз „единого хозяина", который бы следил за ходом этого „перекачивания" и приостанавливал или умерял его, когда оно принимает настолько интенсивный характер, что грозит гибелью, полной остановкой роста и острым малокровием более здоровой части организма. Этого надзора у нас как-раз нехватило летом и в первые осенние месяцы этого года,—вот в чем одна из основных субъективных причин раздвигания „ножниц".

Причины понижения хлебных цен.

(„Ножницы" и сельское хозяйство).

Мы уже видели из предыдущих глав, как влияла общая диспропорция в производстве и обращении на цены сельскохозяйственных продуктов. Остановимся теперь на ряде второстепенных моментов объективного и субъективного порядка, содействовавших этой понижательной тенденции.

Но прежде всего постараемся ответить на один вопрос, естественно сам собою напрашивающийся. Если цены на хлеб столь низки, что за хлеб нельзя получить и пятой части того, что получилось до войны, если действительно за пуд хлеба давали до войны и дают теперь:

	До войны.	В сентябре 1923 г.
Ситца аршин	6,5	1,3
Соли пудов	2,0	0,3
Сапог пар	0,15	0,05
Гвоздей фунт.	5,0	2,5
Сахара „	5,5	1,5

то почему крестьянин не сократит выброску его на рынок, что само уже вызовет некоторое повышение цен, почему он не попробует выгоднее его использовать в своем хозяйстве (откорм скота, выжиг спирта (самогона), увеличение собственного питания), почему, наконец, он не сократит посевов хлеба или не заменит их более выгодными сырьевыми культурами, поскольку цены на последние стоят значительно выше, а по некоторым видам сырья обгоняют даже индексы соответствующих готовых изделий?

Что касается последней возможности, то она отнюдь не исключена. До сих пор крестьянину просто некогда было ее использовать, ибо весной нельзя было еще предвидеть столь невероятного раствора „ножниц“. На размерах осенних посевов, судя по некоторым отзывам (полных итоговых данных мы еще не имеем) уже отразилось некоторое воздержание от хлебных посевов, благодаря крайне низким в это время ценам на хлеб. Что будет весной,—об этом теперь, при начавшемся довольно крутом загибе кончиков „ножниц“, говорить крайне трудно.

Что же касается первых двух выходов, то крестьянин отчасти ими пользовался. Но лишь отчасти, ибо не нужно

забывать, что крестьянин в своей массе—мелкий, распыленный, неорганизованный товаропроизводитель (16 мил. дворов!) и, следовательно, не в силах ни организованно учесть конъюнктуру рынка, ни организованно сбыть свою продукцию. Сельскохозяйственная же кооперация, призванная его организовать и объединить в интересах и целях сбыта его продуктов, пока еще развилась слабо. Крестьянин отчасти от того и страдает, что противостоит организованному монополизованному (вернее, главкизированному) городу в неорганизованной, распыленной массе. Этим только и можно объяснить то, что при значительно меньшей продукции промышленность могла сделаться диктатором на рынке, не являясь таковым в производстве. Диктатура эта, конечно, мнимая, дутая, и злоупотреблять ею крайне опасно для подобного „диктатора". К сожалению, наши промышленники одно время увлекались этой мнимой диктатурой и даже изыскивали для нее свое идеологическое оправдание. Как бы то ни было, с тем, что крестьянин все же выжидает, поскольку ему это возможно, и приберегает свой хлеб, считаться необходимо.

Какие же частные причины усиливали падение хлебных цен?

Во-первых, слабость государственных и кооперативных хлебозаготовителей как-раз на низших ступенях торговой лестницы, где по миллионам „капилляров" происходит обмен товаров. Здесь, как мы уже в соответствующем месте указывали, полностью господствовал частный скупщик, частный торговец, частный капитал. Он тут нагревал себе безбожно руки, всячески используя свое выгодное положение. Пробить эту прослойку этой осенью, несмотря на все меры, к тому принимавшиеся, еще не удалось. Насколько дорого нам и крестьянину обходилась эта прослойка,—видно хотя бы из следующего маленького примера: в августе (не помню точно числа) в Луганске пуд хлеба стоил у частных торговцев около 100 милл. на совзнаки; в то же время за 20—30 верст в уезде его можно было покупать за 20—30 милл. пуд. Если даже учесть нормальный процент комиссионных и стоимость провоза, курсовую разницу и т. п., то и тогда достаточно внушительный куш остается в руках скупщика. Основная причина (в известной мере объективная) нашей слабости лежит тут на стороне кооперации, как потребительской,

так и сельскохозяйственной, слишком еще слабо выполняющей свои прямые функции. Мы к ней еще вернемся; поэтому сейчас останавливаться на ней не будем.

Во-вторых, влияние сдачи единого сельскохозяйственного налога. Сдача налога, как натурой, так и деньгами выбрасывала в краткий срок большие количества хлеба на рынок. В краткий срок потому, что крестьянство, привыкшее к срокам прежних лет, боясь всяких добавочных налогов и пеней, несмотря на льготы в этом отношении по единому сельхозналогу, стремилось в не менее краткий срок, чем год назад, сдать причитающийся с него налог (уже к началу декабря сдано было около половины всего подлежащего сдаче количества ржаных единиц). Количество хлеба, выбрасываемое при этом на рынок, конечно, меньше при сдаче налога натурой, хотя и при этом на соответствующее количество сокращается спрос на хлеб со стороны его потребителей. Поскольку же в силу целого ряда условий, крестьянство главную часть налога предпочитало сдавать деньгами[1]), постольку оно вынуждено было выручать их продажей соответствующих количеств хлеба на малоемком в начало кампании рынке. Какие же соображения и внешние обстоятельства толкали крестьян к сдаче налога деньгами вместо обычной сдачи натурой? Во-первых, удобство сдачи; во-вторых, высокие, преувеличенные против действительных качеств урожая требования кондиций на сдаваемый хлеб; в-третьих,—и это основное—материальная выгода от сдачи денег вместо натуры, поскольку налог исчислялся в хлебных единицах, а эквиваленты перевода хлеба на деньги повсеместно, как общее правило, в первые месяцы, до перевода их исчисления на червонцы, неизменно отставали от рыночных цен, особенно накануне их пересмотра; то же было и с ценами на облигации хлебного займа. Таким образом, прогрессивное само по себе явление—денатурализация крестьянских налогов—в одно время косвенно влияло на хлебный рынок, поскольку крестьянин, в целях этой денатурализации, усиленно выбрасывал привозимый для сдачи налога хлеб на местные же рынки, не считаясь

[1]) Сдано деньгами и облигациями хлебного займа к 1-му декабря прибл. 77%, натурой—23%.

особенно с ценой, ибо выгода, все равно, получалась. Если же ее не было, он сдавал хлеб натурой. Государство же за эту денатурализацию, благодаря объективным и в известной мере субъективным причинам (слабость и негибкость, чрезмерная централизация налогового аппарата, двоеначалие [НКПрод и НКФин]), заплатило известным недобором налога.

В-третьих, слабое и несвоевременное кредитование хлебных заготовок. Тут надо отметить сначала общую объективную причину отсутствия у нас сельскохозяйственного кредита вообще. Если бы он выдался крестьянам еще при посевах, то реализация урожая осенью в значительной мере шла бы в покрытие этого кредита, и на рынке обращались бы соответствующие кредитные деньги, которые легко бы увеличили емкость денежного рынка. Сейчас вся почти операция (кроме незначительного покрытия натуральной семссуды) должна была оплачиваться наличными, что, помимо крайне ненормального распределения денежного потока во времени, вызвало осенью в деревне недостаток в дензнаках, который объективно не мог быть быстро устранен. Если на этом общем фоне нарисовать субъективные слабости нашего кредитного аппарата (главным образом, в данном случае Госбанка), крайне еще централизованного, не имеющего достаточного числа отделений и щупальцев на местах, чрезвычайно еще громоздкого, неподвижного и негибкого (что, впрочем, в сильной мере зависит также от объективных условий его двухлетнего развития), то станет ясным, почему в первые месяцы реализации урожая, когда по указанным выше причинам и просто для удовлетворения самых неотложных своих потребностей крестьянство делало крупные предложения хлеба, платежеспособный спрос на него со стороны внутренних потребителей (многие из них тогда еще полностью рассчитывали на налоговую натуру) и экспортеров был явно недостаточным. Временно это и вызвало сильную заминку на рынке и невероятное, небывалое падение цен на хлеб. Когда же к октябрю были двинуты на места в достаточной мере кредиты, когда благодаря исправленным эквивалентам и пониженным кондициям усилилась сдача по налогу натуры и соответственно сократилась выброска хлеба на рынок, когда ко всему еще прибавилась невозможность его вывоза из деревни, бла-

годаря осенней распутице, цены на хлеб сразу повсеместно сделали довольно резкий поворот к повышению.

В-четвертых, валюта деревни. Этой валютой, на первых порах исключительно, потом в большей мере, чем в городе, являлся стремительно под влиянием червонца падающий совзнак. Крестьянин вынужден был вести в нем все свои расчеты и в него же вкладывать свои сбережения. Это толкало его, естественно, к усиленной сдаче деньгами налога, к покупке по дорогим ценам промизделий и т. д. вместо того, чтобы оставлять эту падающую валюту в кармане. На крестьянина же переносился в первое время весь убыток заготовителей от потерь на курсе совзнака за то время, какое требовалось для его транспортировки от отделения банка до места заготовок (иногда на сотни верст в течение нескольких дней, даже недель). На почве неупорядоченных в центре отношений в денежном обращении между червонцем и совзнаком в сентябре—октябре разразился жестокий разменный кризис, убыток от которого опять-таки приходилось терпеть в большей части крестьянину. Крупные купюры, получавшиеся им за хлеб, при их размене теряли до десятка процентов и больше от своей цены, уходивших в карман валютного спекулянта и того же частного посредника.

В-пятых, наконец, состояние оптового хлеботоргового аппарата и хлебных рынков, а также слабое еще влияние железнодорожных тарифов. Централизованный чрезмерно заготовительный аппарат весьма неэластично реагировал на предложения хлеба в одних районах и на усиленный спрос на него в других (напр., в потребляющих губерниях и столицах, а также в некоторых рабочих районах, где цены на хлеб все время стояли достаточно высоко). Медленно и слабо развивалась на первых порах и экспортная кампания. Связи же между отдельными крупными частями хлебного рынка объективно не успели еще к нынешней кампании достаточно окрепнуть, ибо сама по себе хлебная торговля после революции слишком еще молода. Наконец, направляющая хлебные потоки в желательных направлениях (в районы потребления, в порты и т. п.) роль жел.-дор. тарифов не успела пока выявиться и проведена в первое время была лишь в отношении содействия направлению к Петропорту хлеба из даль-

них районов. Все это, вместе взятое, создавало крайне пеструю картину на хлебном рынке, с величайшими колебаниями цен от района к району и в пределах одного и того же района. Это, в сущности, являлось внешним отражением нашей недоразвитости в отношении хлебной торговли. На практике результатом этого было еще большее снижение цен в отдельных районах и крайняя неравномерность их на рынке, что опять-таки не без выгоды для себя использовал более гибко приспособляющийся к обстановке частный торговец, главным образом, оптовик, перекупщик хлеба. Наживался он, естественно, за счет потребителя и больше всего за счет неорганизованного производителя хлеба—крестьянина.

Влияние всех этих моментов (и еще ряда более мелких причин) на нижнее лезвее „ножниц“ несколько умерялось более устойчивой тенденцией цен на сельскохозяйственное сырье. Острый голод сырья, пережитый некоторыми отраслями промышленности в истекшем операционном году, после истощения старых запасов (напр., текстильной, табачной и др.), заставил их не только пойти на значительное повышение цен на сырье, но и принять ряд мер к восстановлению заглохших сырьевых культур. Кредит под сырье, заказы на него, непосредственная помощь, как финансовая, так и техническая и организационная, содействовали росту сырьевых культур уже в истекшем сельскохозяйственном году (значительное расширение посевов хлопка, развитие и восстановление табачных плантаций, посевов махорки и сахарной свеклы и т. п.). Все это не только содействует интенсификации сельского хозяйства, но и дает крестьянину в соответствующих районах добавочный доход, покрывающий хотя бы отчасти убытки на хлебе. Но не надо при этом забывать, что на восстановление сырьевых культур и промышленного животноводства крестьянин должен делать крупные, капитальные затраты, на что уходит львиная доля прибылей от этих культур или целиком вся прибыль, а также и того, что скупщики и перекупщики сырья—опять-таки в значительной части те же частные торговцы—в отношении культур, распыленных между множеством хозяйств (а таковы большинство наших сырьевых культур), стараются всячески увеличить свой доход, урезывая, насколько возможно, долю, получаемую крестьянином.

Смягчали падение хлебных цен в некоторых районах (главным образом, впрочем, в потребительских и средних черноземных) доходы от отхожих промыслов и всяких подсобных промыслов в крестьянском хозяйстве (кустарные производства, лесные заготовки, отход в города на строительные работы, более или менее развернувшиеся прошлым летом, и т. п.). Это давало в таких районах возможность сдать налог, не продавая для этого хлеба, придерживая его до более высокой конъюнктуры на него. Однако, не следует преувеличивать этих моментов. Кроме того, в чисто-производящих районах их значение, конечно, могло быть минимальным, поскольку промыслы в этих районах крайне слабо развиты.

Необходимо в конце отметить, что за последние месяцы, октябрь—декабрь, положение с хлебом значительно улучшилось, и не только по одним стихийным причинам, но и в значительной мере вследствие сознательно направленных к тому мер со стороны правительства. Так, устранены главные затруднения с доставкой на места кредитов на хлебные заготовки с разменом крупных купюр; внедрен в деревенский оборот в значительной мере червонец, принятый деревней без особых возражений (лучший показатель прочности червонца и выпускающего его правительства); исправлены недочеты с эквивалентами и кондициями; усилено влияние жел.-дор. тарифов на переброски зерна; самое главное, значительно развернуты за последнее время хлебоэкспортные операции. Все это оказало благотворное влияние на хлебные цены и в известной мере укрепило хлебный рынок. Но довольствоваться всеми этими достижениями нельзя, пока не сделано основное,—не поставлен на место частного скупщика и перекупщика в деревне государственно-кооперативный аппарат, пока первый не подчинен экономически второму. Указанные достижения указывают лишь косвенно, насколько крупную роль в осеннем кризисе хлебных цен играли субъективные причины, устранение которых заблаговременно значительно предупредило бы падение цен и облегчило бы самый кризис.

Причины повышения себестоимости промышленных изделий.

(„Ножницы“ и промышленность).

Остановимся теперь подробнее на причинах раствора „ножниц“, лежащих в сфере промышленного производства. Основную причину мы выяснили уже выше, когда говорили о диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Но тут есть ряд специфических причин, более податливых, чем в других областях хозяйства, нашему сознательному воздействию благодаря организованности и концентрированности промышленного производства. То, чего мы не можем достичь непосредственным воздействием на крестьянское производство, и что нам приходится осуществлять здесь в порядке рыночного давления, может быть более легко достигнуто в крупном промышленном производстве.

Обратимся поэтому к производственной себестоимости промышленных изделий, в которой, как в зеркале, отражаются недостатки ее, влияющие на эту себестоимость в сторону ее повышения или удерживания на прежних высоких уровнях. Этому анализу необходимо, однако, предпослать одно методологическое указание. К сожалению, мы до последнего времени вынуждены в этой области оперировать не отчетными, а счетными калькуляциями, что в сильнейшей степени умаляет их объективное значение. Промышленность все еще не поставила настолько своей отчетности, чтобы могла нам давать отчетные калькуляции. Единственный выход для нас поэтому следующий: брать не калькуляции изделий в их абсолютном значении, а сравнительные калькуляции (напр., октябрьские в сравнении с январскими) и улавливать в них общие тенденции. При этом в обоих случаях будет более или менее одинаковая степень ошибки, которая исключается при их сравнении. Материал для подобных сравнений в достаточной мере дан за последнее время ВСНХ [1]).

Мы не будем давать здесь подробного цифрового анализа этих данных,—это отвлекло бы нас слишком в сторону. Ограни-

---

[1]) См. книжку А. Л. Соколовского „Материалы о накладных расходах промышленности“, М. 1923 г., дающую цифры, относящиеся преимущественно к началу 1923 г.; статьи С. А. Молчанова в сентябре 1923 г. в „Эконом. Жизни“, дающие уже данные к средине 1923 г.; наконец, последние материалы

чимся лишь общей характеристикой той эволюции промышленности, какая отразилась на калькуляции ее изделий за время с января по октябрь 1923 г., т.-е. отчасти за период после XII съезда РКП, наметившего для промышленности целую программу мероприятий по сокращению накладных расходов и вообще по сокращению себестоимости и улучшению и упорядочению производства.

Общее впечатление от ознакомления с данными промышленных калькуляций таково, что промышленность при содействии высших государственных, и в частности кредитных, органов, при общем интенсивном росте ее продукции, достигла уже немалого в смысле выполнения заданий XII съезда, хотя и далека от полного их осуществления. Мы указывали частично на эти достижения в первой главе. Охарактеризуем их более подробно.

Общий результат всех калькуляций тот, что себестоимость несколько понизилась в абсолютной своей величине, хотя и не во всех отраслях (в других, наоборот, все еще наблюдается повышение, хотя и не столь интенсивное, как раньше). Главное же достижение состоит в том, что в пределах отдельных калькуляций установилось уже значительно более близкое к нормальному соотношение между основными составными частями себестоимости. Если нам в феврале—марте прошлого года (см. наши статьи об „итогах и перспективах нэп'а" в „Эконом. Жизни") приходилось подчеркивать в себестоимости несоразмерно, местами чудовищно высокий процент накладных расходов, рассматривая его при этом в значительной мере как показатель субъективных недочетов промышленной организации, то теперь мы с удовлетворением можем констатировать, что накладные расходы в процентном отношении заняли почти прежнее свое место, т.-е. в абсолютном своем значении сократились, дав возможность соответственно увеличиться в процентах и абсолютном своем значении расходам на материалы (сырье, топливо, вспомогательные). Расходы же на рабочую

ЦПЭУ ВСНХ, охватывающие последнюю четверть истекшего опер. года (напечатаны частично в номере „Торг.-Пром. Газеты", посвященном „ножницам"). Имеются также обширные материалы в докладе Промышленной секции Госплана.

силу, как правило, остались на прежнем уровне как в процентном отношении, так даже в большинстве отраслей и в абсолютном своем значении (действительно, в среднем по всей промышленности уровень зарплаты за первое полугодие 1923 г. повысился всего на 6%; количество же рабочей силы, потребной на единицу продукта, уменьшилось). Общая картина такова, что в количественном своем выражении целый ряд коэффициентов (угар, брак, количество топлива на единицу продукции, количество рабочих часов на единицу, производительность труда и т. д.) изменился за это время к лучшему. Но в ценностном своем выражении, благодаря росту за это время цен на сырье, повышению зарплаты и т. п., многие составные части себестоимости не только не сокращались (что должно было произойти вследствие улучшения режима производства, большей нагрузки его и т. д.), но даже повышались.

Какие же главные достижения промышленности за это время? Вот главные из них: нормы выхода увеличились почти по всем отраслям; процент брака и отхода сократился; расход топлива на единицу продукции в общем сократился, производительность одного рабочего заметно поднялась не только по сравнению с 1921 г., но и с 1922 г., достигая 60% от 1913 г.; расход рабочей силы на единицу продукции, как общее правило, снизился по всем отраслям; из накладных расходов: снижены нормы расходов по соцстраху, и исключены суммы компенсационного характера; урегулированы расходы на медицинские нужды; отменены отчисления на содержание ВТУЗ'ов; отменены отчисления на культурно-просветительные нужды и спецодежду; понижены ставки уравнительного сбора по некоторым отраслям; исключены из обложения промысловым сбором обороты по уплате акцизов и таможенных пошлин; уменьшены некоторые дополнительные сборы по транспорту; произведена некоторая, хотя еще и слабая, концентрация производства [1]) (по данным ВСНХ, до 70% довоенной нагрузки на действующих предприятиях).

Однако, несмотря на все эти достижения и улучшения

---

[1]) Цитировано отчасти из последних докладов ЦПЭУ ВСНХ по этому вопросу.

(в области накладных расходов во многом сказалась помощь государства, как видно уже из только-что приведенного перечня), не устранены пока основные причины, в значительной мере объективного характера, влияющие на себестоимость промышленных изделий в направлении ее повышения. Из них на первом месте стоит слабая нагрузка действующих предприятий, являющаяся сама следствием недостаточного еще сжатия (концентрации) производства. Как пересмотр трестов, так и система распределения государственных заказов не могут пока противостоять тем глубоким политическим, экономическим и техническим причинам, которые мешают этому сжатию. Эта невозможность подтверждается как соображениями политическими, так и соображениями экономическими, ибо закрытие многих из предприятий равносильно было бы распылению высококвалифицированной и политически крайне важной для Советской власти рабочей массы, выброске ее на улицу, где ее, все равно, приходилось бы кормить, как безработную. Нечего и говорить, что подобные закрытия заводов самым угнетающим образом действуют на настроение рабочих, работающих на соседних предприятиях. На-ряду с этим в ряде случаев такое закрытие невозможно вследствие того, что данный завод технически является своего рода уникумом в стране, и что без него не могут быть выполнены некоторые важные для государства заказы. Концентрация производства в наших условиях на практике оказывается задачей далеко не столь простой, как это выходит на бумаге. Это доказано на ряде примеров за последнее время (напр., попытки закрытия Путиловского завода в сентябре прошлого года). А, между тем, влияние этого обстоятельства на нагрузку предприятий, а через нее на себестоимость крайне существенно: оно является чуть ли не первой по важности и по значению причиной, вызывающей рост себестоимости и отпускных цен.

На втором месте необходимо поставить недостаточную производительность труда. Она низка не вследствие низкой интенсивности труда рабочего, а вследствие плохого использования рабочей силы и рабочего времени. Тогда как производительность труда отдельного рабочего поднялась даже выше уровня зарплаты (60% от довоенного, тогда как

зарплата достигает лишь 55% от довоенной), стоимость рабочей силы на единицу продукции все еще велика. На предприятиях все еще имеются значительные кадры незанятых или малозагруженных рабочих, непропорционально большие кадры вспомогательных рабочих и служащих. Отчасти причина этого кроется в слабой нагрузке предприятий, в стремлении сохранить наиболее квалифицированную рабочую силу, даже ценой известного накладного расхода для предприятия. Но в сильной степени это объясняется чисто-субъективными моментами: неумением организовать производство, неумением правильно поставить отчетность и делопроизводство (они далеки еще от коммерческих образцов и больше напоминают наши главкистские делопроизводства), неумением должным образом использовать труд рабочих.

Далее влияют на удорожание себестоимости, как уже отмечалось, высокие, растущие подчас скорее, чем цены на промышленные изделия, цены на сырье, а также цены на некоторые вспомогательные материалы, на топливо, что с лихвой покрывает экономию их, достигнутую за последнее время.

На следующем месте надо поставить все еще влияние налогов и акцизов. Несмотря на ряд существенных улучшений в технике исчисления и взимания налогов с промышленности, их влияние в отдельных частных случаях крайне значительно (напр., до последнего времени акциз на соль), хотя в общей массе они никакого почти влияния на раздвижение „ножниц" в период наиболее интенсивного их раствора не оказали. Тут привходит еще и техника взимания и исчисления: налоги все еще исчисляются с оборотов, а не с прибыли или с чистого дохода; взимались они по неопределенным индексам (в последнее время в большинстве своем переведены уже на червонцы); многократно облагается один и тот же продукт, и т. п.

Аналогичное место в накладных расходах занимают и транспортные расходы, хотя особого влияния их на раствор „ножниц" констатировать невозможно. Однако, некоторые виды транспортных расходов (станционные, погрузочно-разгрузочные, гербовые, местные поборы и т. п.) и некоторые тарифы оказывают подчас весьма значительное влияние на

удорожание некоторых грузов, так же, как относительно медленный грузооборот. Особенно резко это чувствуется там, где приходится громоздкие грузы перебрасывать на небольшие расстояния (подвоз свеклы к сахзаводам, руды и кокса к домнам, и т. п.).

Из других накладных расходов выпячиваются над остальными излишние расходы на средства передвижения, разъезды, обстановку, излишние удобства, роскошь, чрезмерную рекламу, часто коммерчески не оправдывающуюся, отчисления на шефства и т. д., и т. п. Эти излишества далеко еще не изжиты.

Нельзя пройти мимо также и самой системы управления промышленностью. Она все еще чрезмерно громоздка, централизована, все еще во многом отдает старым главкизмом. Не только синдикаты (о них речь впереди), но и ряд трестов могут быть упразднены и сокращены путем объединения их между собой или же раздробления на более мелкие; другие же упрощены в своих функциях, с большим приближением к синдикатскому типу объединения.

Из более существенных объективных причин, влияющих на удорожание себестоимости, следует отметить еще в заключение несоответствие в ряде трестов и заводов оборотного капитала основному и вообще острый все еще недостаток у многих промышленных предприятий оборотных средств. Это вызывает, с одной стороны, недогруз предприятий; с другой—не дает заготовить во-время и на выгодных условиях сырье, топливо и т. д. и образовать необходимый запас их; это, в свою очередь, влияет на период оборота капитала в сторону его удлинения; с третьей стороны—не дает возможности предоставлять кредит потребителям при сбыте своих изделий, что опять-таки влияет отрицательно на производство (напр., сбыт сел.-хоз. машин) и т. п.

Нельзя, однако, пройти мимо той существенной поддержки, какую оказали весной и летом истекшего года кредитные органы (в особенности Госбанк). Лишь благодаря этому промышленности удалось сравнительно легко перенести период обычного сокращения сбыта, пополнив на это время оборотный капитал за счет банка. Это оказалось возможным благодаря усиленному выпуску червонца, явившегося, как это правильно отмечает проф. Фалькнер и некоторые другие авторы, орудием

перераспределения средств в пользу промышленности, за счет сельского хозяйства, не имевшего до осени устойчивой денежной единицы. Несмотря на слишком редкое сокращение отпуска кредита промышленности осенью, благотворность влияния его на рост промышленности не подлежит сомнению.

Но кредит, хотя и сильно помог промышленности весной и летом истекшего года, все же в общей сложности был недостаточен для покрытия всей потребности в оборотных средствах. Тут же приходится отметить непосильные для некоторых трестов и заводов расходы на консервацию (сохранение) бездействующих соседних заводов и фабрик, так же, как и несоразмерно высокие отчисления на восстановление основного капитала и его текущую амортизацию. Все это отрывает значительную часть средств у предприятия и еще больше усугубляет несоответствие между основным и оборотным капиталами.

Причины вздорожания, лежащие в области сбыта промышленных изделий.

(„Ножницы", промышленность и торговля).

Значительно хуже обстоит дело со сбытом промышленных изделий. Когда мы говорили о причинах разразившегося в осенние месяцы кризиса сбыта, мы уже в основном наметили недостатки в этой области. Они заключаются прежде всего в том, что продукция промышленности, резко не соответствующая по своим размерам продукции сельского хозяйства, оказалась в руках организованного, почти монопольно распоряжавшегося хозяина, тогда как продукция сельского хозяйства распылялась между массой мелких производителей ее. Это и позволило промышленным органам не только отыграться за прежние убытки периода „разбазаривания", но и накопить себе некоторые оборотные средства (по подсчетам В. Г. Громана, за истекший операц. год промышленность от кредитов, дотаций и прибылей накопила себе до 300 мил. руб.,— примерно столько, сколько она перед тем потеряла от низких цен). Взятый партией и советскими органами курс на прибыльность был истолкован, как мы уже выше указывали, том смысле, что можно брать прибыль как-угодно, лишь бы была прибыль. Вместе с чисто-торговыми органами (как госу-

дарственными, так и кооперативными), усвоившими ту же линию на прибыльность во что бы то ни стало (а они также нуждались в накоплении оборотных средств и в собирании своего торгового капитала), промышленные органы пошли в буквальном смысле по линии наименьшего сопротивления. Вместо того, чтобы добиваться широкого и прочного рынка, чтобы привязать к себе потребителя и всячески расширить сферу потребления, как то делает всякий сколько-нибудь дальновидный коммерсант, наши промышленники и коммерсанты пошли по другому пути,—по пути беспредельного вздувания цен на свои изделия как отпускных и оптовых, так и розничных. Вместо того, чтобы добиться хотя и не вдруг, но зато верной прибыли путем увеличения количества продаваемых изделий, наши хозяйственники предпочли получить ее сразу на небольшом количестве изделий, но зато беря невероятную прибыль на каждой штуке товара. Вместо расширения и ускорения оборотов своего недостаточного капитала они предпочли попросту взять втридорога с беззащитного потребителя.

Не следует забывать еще о том, что промышленность, как это правильно отмечают тезисы Госплана, имела одно общее крупное преимущество по сравнению с сельским хозяйством: оно заключается в том, что ее цены в течение всего истекшего операционного года неизменно росли, тогда как цены сельского хозяйства падали. Ясно, что при растущих ценах легче перенести на потребителя все лишние накладные расходы и потери, чем при падающих,—это известно всякому коммерсанту.

Есть одно обстоятельство, которое в слабой степени оправдывает это увлечение легкой прибылью: это—наличность в течение всей прошлой зимы, весны и части лета платежеспособного спроса на наши столь дорогие промышленные изделия. Промышленник не интересовался, чем это объясняется, и откуда берется этот спрос: он понемногу лишь приспосабливал к этому спросу свой ассортимент товаров, забывая почти совершенно о дешевом ассортименте для массового потребителя, в особенности деревенского. Если рассматривать интересы предприятия в масштабе дня, недели, месяца, то это извинительно. Если брать их в более широком масштабе, то подобное безразличие к этому вопросу никак не может быть

оправдано. Получался же этот платежеспособный спрос (конечно, почти целиком только в городе и в значительной мере только в столицах) двояким путем: во-первых, за счет растущей на наших недочетах и ошибках новой „нэповской“ буржуазии, паразитически питающейся соками нашей же промышленности, торговли и кооперации и возвращающей ей частично эти соки обратно в виде баснословно высоких цен на предметы роскоши и всякого рода предметы потребления: в этой части промышленник, грабивший потребителя, был по-своему, быть-может, и прав: он отбирал у него то, что тот перед тем взял таким же путем у него; во-вторых, за счет советских служащих, специалистов и квалифицированных рабочих с довольно высокими ставками и всей прочей массы рабочих (до 5 мил. человек, считая по числу членов профсоюзов), оплата труда которых, хотя и не достигшая в среднем довоенных размеров, шла более или менее в уровень с ростом дороговизны, поскольку она исчислялась и до сих пор в большинстве отраслей (кроме транспортников, горняков и совслужащих) исчисляется по так-называемому „товарному“ рублю, растущему в соответствии с ростом цен на основные предметы массового потребления. Такая зависимость между ростом зарплаты и ростом дороговизны делала всю эту массу потребителей относительно более пассивной к борьбе с дороговизной, чем это было бы, если бы зарплата исчислялась в денежном измерителе (хотя бы в червонце). Другое дело, конечно, в тех отраслях и районах, где благодаря первым затруднениям осенью со сбытом товаров и с получением кредитов или дотаций еще летом этого года производились всякие урезки от зарплаты путем искусственного уменьшения индексов (общипанные „индюки“, по словам рабочих), путем оттягивания выдач зарплаты до последнего дня старого курса товарного рубля (устанавливавшегося сначала раз, потом два раза в месяц), путем выдачи высоких, трудно разменимых купюр, путем сильной замены денег кредитными деньгами (облигациями хлебного и золотого займов, в отдельных случаях до 60% зарплаты). В этих случаях рабочий терял и ту слабую платежеспособность, какую он вообще имел. Но все же она в общем держалась на уровне с ростом дороговизны.

Каковы могли быть последствия такой торговой политики

промышленных органов? Конечно, самые отрицательные. Промышленность, правда, накопила за этот год одну-другую сотню миллионов оборотных средств, в известной, притом немалой, части за счет крестьянина. Но зато она попала в острый кризис сбыта осенью истекшего года,—в кризис, который она в значительной мере сама и создала. Мы уже указывали выше, что это не обычный кризис перепроизводства, что это—кризис относительного перепроизводства товаров в отношении того сжатого спроса со стороны широких потребителей, первым делом со стороны деревни, какой определился в результате чрезмерного роста цен на промышленные изделия и падения цен на продукты сельского хозяйства. Но кто содействовал уменьшению этого спроса, как не сама промышленность своей легкомысленной погоней за прибылями? Пришлось осенью в значительной мере пожать то, что было самими весной и летом посеяно.

Означает ли это сокращение крестьянского спроса (ибо рабочий и „нэпманский" спрос сжимался не столь сильно, так как он менее зависел от роста дороговизны), что крестьяне не нуждаются вообще в изделиях промышленности? Конечно, нет. Напротив, деревня стонет от недостатка соли, плачет по керосину, ситцу, сапогам, гвоздям и всяким прочим изделиям. Но она не в состоянии купить их. Если еще год-полтора назад она не могла этого сделать вследствие почти полного отсутствия торговых связей с городом и розничного аппарата, то за последнее время, когда эти связи и аппарат в известной мере восстановились и сложились, она не может купить городского товара вследствие непосильных для нее соотношений цен на эти товары с ценами на хлеб (мы выше приводили эти соотношения).

Насколько слаб сбыт промышленных изделий в деревню,—видно из следующих общих данных. По подсчетам тов. Ю. Ларина, деревня до войны потребляла 50% всей промышленной продукции; теперь же эта промышленная продукция распределяется, по данным проф. Л. Б. Кафенгауза, следующим образом (в 1922—23 операц. году).

Из 1.500 мил. тов. руб. всей промышленной продукции за год потреблено:

Государством (армией, госаппаратом, транспортом и внутрипромышлен. потребл.) . . . . 500 м. 31%
Городской буржуазией и пролетариатом (рабочими и служащими) . . . . 700 „ 44%
Деревней . . . . 400 „ 25%

Итак, потребление деревни в процентах на 25% ниже довоенного, в абсолютных же цифрах несравненно ниже.

Госплан, в лице того же В. Г. Громана[1]), дает по этому поводу следующую крайне выразительную таблицу, которую мы, в виду ее важности, приводим в полном виде. Из произведенных в 1922–23 операц. году на 1.500 мил. руб. промышленностью (крупной и мелкой) предметов широкого потребления городом и деревней потреблены следующие количества (в милл. товарн. руб.):

Название отраслей.	Производство предметов массов. потребления.	Потребление их.	
		Городское.	Сельское.
Крупная промышленность. . . .	1.000	700	300
Мелкая промышленность	500	100	400
Итого	1.500	800	700

Цифры эти, хотя и округленные, говорят самым ясным образом о том разрыве между городом и деревней, какой наметился еще в течение истекшего операционного года, на протяжении которого „ножницы“ вообще только раздвигались, достигнув, однако, максимального своего раствора в самом конце этого операц. года. Мы видим, во-первых, что деревня на свои 700 мил. (цифра сама по себе крайне незначительная при чистой продукции деревни на сумму в 3.100 мил. руб., но для 1922—23 операц. года это еще допустимо, ибо товарность сельскохозяйственной продукции была еще весьма незначительна) большую половину берет от бо-

[1]) См. „Эокномич. Обозрен.“ № 12. Тезисы Госплана.

лее дешево продающей их мелкой промышленности (преимущественно кустарной и ремесленной, вообще частной); во-вторых, что продукция этой последней на $^4/_5$ уходит в деревню, и мелкая промышленность, таким образом, органически срастается с сельским хозяйством и обслуживающим ее частным торговцем (хотя и вообще кустарная промышленность вырастает из сельского хозяйства и, главным образом, его и обслуживает, но тут не одна кустарная промышленность); в-третьих, что из продукции городской крупной (и средней) промышленности лишь $^3/_{10}$ идут в деревню, тогда как $^7/_{10}$ предметов широкого потребления потребляется самим городом, что сельский житель потребляет в 6 раз меньше продуктов широкого потребления, чем горожанин. Все эти выводы достаточно серьезные, чтобы над ними основательно призадуматься нашим хозяйственникам.

Ясно, что без коренного перелома в политике цен, без усвоения совершенно иного представления о прибыли и прибыльности, без решительного изменения самого подхода к деревенскому потребителю, без установления приемлемого для него ассортимент (набора) товаров задачи изживания кризиса и серьезного длительного сближения лезвий „ножниц“ не разрешить. Эта задача определенно ставится перед нами самой жизнью. Тут мы имеем перед собою одну из основных в значительной мере субъективных, зависящих от нас самих причин раствора „ножниц“ и вызванного этим кризиса сбыта. Без должного уяснения себе этой причины и устранения ее нечего говорить о разрешении проблемы „ножниц“ и „смычки“ в ее целом.

Причины раздвижения „ножниц“, лежащие в области торговли.

(„Ножницы“ и торговля).

Торговля — это та область, где больше всего приходится искать причин, раздвигающих „ножницы“. В самом деле, стоит сопоставить розничную (конечную) цену товара с его отпускной ценой (первоначальной по выходе с завода), чтобы увидеть, насколько сильно влияют торговые факторы на рост промышленных цен. То же получится, если мы сравним „отпускную“ цену, получаемую крестьянином за свой хлеб, с розничной его

ценой на рынке. На рисунке „ножниц“ это превышение розничных цен над оптовыми видно ясно. Отдельные примеры это полностью подтверждают. Возьмем только два из наиболее характерных примеров для предметов массового потребления: ситец по выходе с фабрики стоит в среднем 36 коп., в розничной же продаже—до 72 и больше копеек (накидка около 100%); соль в среднем по выходе с промыслов стоит в оптовой продаже сольтрестов 1 р. 10 к.—1 р. 30 к., в розничной же продаже крестьянам в целом ряде губерний дороже 3 руб., до 3 р. 80 к. пуд (накидка до 200% и выше). Таких примеров можно было бы привести множество. Характерно для современной торговли то, что накидки эти в отличие от довоенного времени выше как-раз на предметы массового потребления, на предметы совершенно необходимые. На предметы же роскоши, на предметы менее необходимые, имеющие меньше ходкости на рынке, ниже и накидки. Извращение полнейшее.

Чрезвычайно показательную таблицу для роста и размеров этих накидок приводит В. А. Базаров[1]). Это подсчет средних накидок по основным группам товаров в различные месяцы, исчисленных в процентах к оптовым ценам, принятым во всех случаях за 100. Приводим эту таблицу (см. таб. на стр. 81):

Таблица показывает, что средняя накидка за год равняется 43,9% по всем товарам, 38,3% по сельскохозяйственным товарам и 51,3% по промышленным. „Ножницы“ и тут явственно выпирают наружу. В этой таблице привлекает внимание еще то обстоятельство, что с начала года к концу средние надбавки по всем трем подразделениям постепенно понижались, с некоторыми незначительными колебаниями в марте и июне и с новым подъемом в течение сентября. В. А. Базаров совершенно правильно видит в этих колебаниях отражение изменений рыночной конъюнктуры, на которую необеспеченный крупными капиталами и кредитом частный розничный торговец (как известно, на розничном рынке он преобладает) реагировал соответствующим понижением накидок и продажных цен в моменты падения конъюнктуры, и наоборот. С этой точки зрения таблица точно совпадает с отмеченными нами

---

[1]) См. его статью „Ножницы“ и плановое хозяйство“ в № 11 „Экономич. Обозрен.“ за 1923 г.

Д А Т Ы.	Розничная цена всех товаров в % к оптов.		Розничная цена с.-х. товаров в % к оптов.		Розничная цена пром. товаров в % к оптов.	
1 октября 1922 г. . . .	144,6		137,2		158,6	
1 ноября 1922 г. . . .	145,5	149,0	138,6	140,2	156,3	164,1
1 декабря 1922 г. . . .	152,3		142,7		169,4	
1 января 1923 г. . . .	154,0		141,2		174,6	
1 февраля 1923 г. . . .	145,0	145,4	136,6	138,9	155,4	154,9
1 марта 1923 г. . . .	141,7		135,8		150,8	
1 апреля 1923 г. . . .	145,1		147,2		142,4	
1 мая 1923 г. . . .	142,1	142,7	136,1	138,7	149,2	144,9
1 июня 1923 г. . . .	140,4		138,1		142,6	
1 июля 1923 г. . . .	140,1		137,2		143,5	
1 августа 1923 г. . . .	141,5	138,7	138,6	135,6	144,7	141,4
1 сентября 1923 г. . . .	135,7		133,3		136,8	
1 октября 1923 г. . . .	137,6		132,4		142,0	
Среднее за год	143,9		138,3		151,3	

выше изменениями и колебаниями розничной конъюнктуры (мартовское и июньское колебания связаны, по всей видимости, с сезонными явлениями: распутицей, с ухудшением видов на урожай и т. п.). Но нам кажется, что, помимо этих изменений в размерах накидок в соответствии с конъюнктурой рынка, таблица показывает на протяжении целого года общее падение накидок от предыдущего года, когда рынок и товарооборот были развиты еще крайне слабо, до текущего года, когда они значительно уже выросли. Это, если мы не ошибаемся, может послужить **косвенным показателем улучшения торгового аппарата и оживления и расширения всего товарооборота.**

Однако, мы несколько отвлеклись в сторону от нашей темы. Таблица все же свидетельствует, в первую голову, о неслыханном грабительском проценте надбавки к оптовым ценам, присваиваемом нашим торговым аппаратом. Цифра эта получит полное освещение, если ее сопоставить с довоенной средней накидкой по 13 товарам по Москве. Этот процент тогда выражался в цифре 21 (по подсчетам Госплана), тогда как сейчас мы имеем в среднем по всем товарам—38,7%, по промышленным—41,4%. Разница весьма существенная.

За чей счет отнести эту разницу? Во-первых, за счет объективных причин в дополнение к той основной причине, которую мы отметили уже выше, в главе об основных причинах кризиса, т.-е. диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью. Во-вторых, за счет целого ряда субъективных причин, часть которых нами уже отмечена была выше.

Какие же объективные причины содействуют подобным извращениям в торговле? Отметим, во-первых, слабое развитие самой торговли и торгового аппарата, разбитого и раздробленного за время гражданской войны. Конечно, восстановление его не могло быть делом месяцев, даже года-двух. Необходимо было проделать колоссальную работу по собиранию разрозненных частей торгового аппарата, по восстановлению и новой организации их, по подбору распыленного торгового персонала; далее, по восстановлению рынка, торговых связей, порванных за тот же период гражданской войны, по налаживанию торгового обмена на самых низах, в деревне, в рабочих районах, в городах и т. д. Неизбежно приходилось при этом, хотя и в ускоренном порядке, пройти все стадии развития торгового капитала, начиная с упрощенного товарообмена еще осенью 1921 года, через базары, ярмарки, вплоть до восстановления Ирбитской ярмарки еще весной 1922 г., Нижегородской—осенью 1922 г., Крещенской и Контрактовой в Харькове и Киеве в начале 1923 г. и др. Торговый капитал только еще складывался. И то рост его оказался чрезвычайно интенсивным, если за два года он смог проделать такую эволюцию. Ясно, что торговля на первых ступенях своего развития производилась наиболее упрощенными и примитивными методами „сколачивания“ своего оборотного капитала, которого государство при создании торго-

вых органов и восстановлении в имущественных правах кооперации предоставило крайне мало. Вот истинные корни нашей „колупаевщины и разуваевщины“, наших грабительских методов торговли, нашей слепой погони за временными прибылями.

К этому надо присовокупить отсутствие у торговли на первых порах ее развития кредита. Кредит, как мы уже указывали выше, складывался сам не менее постепенно и не менее упрощенным образом, „сколачивая“ свой банковский капитал. Негибкость, неразветвленность, краткосрочность и дороговизна—вот отличительные признаки нашего советского кредита на первых ступенях его развития, да еще в период, когда расчет велся исключительно в падающей валюте. Чтобы обеспечить вкладываемые в торговый оборот деньги, банки шли на крайние требования: помимо высоких процентов (до нескольких десятков в год в золотом исчислении) они требовали еще участия в прибылях. Вот откуда, между прочим, стремление торговцев к выколачиванию чрезмерных прибылей. Банки—в значительной мере участники этих „грабежей среди бела дня“.

Далее, к объективным причинам для советского аппарата надо причислить и развитие частного торгового капитала. Как мы уже указывали в первой главе, это было совершенно неизбежно и неустранимо. Подчинить же себе сразу этого частного торговца, не имея развитого оптово-торгового аппарата и кооперации, разветвленного и мощного кредита, было задачей, объективно неосуществимой. С этим нельзя не считаться. Частный капитал первоначально развивался совершенно самостоятельно и независимо и, предоставленный самому себе, не мог не действовать самым хищническим образом, чтобы „сколотить“ свой капитал и удержаться от банкротства.

Не меньшее значение имела неразвитость торговых связей между крупнейшими районами производства и потребления и внутри их, так же как и слабый учет конъюнктуры рынка, слабый учет спроса и предложения. Биржевой аппарат только еще складывался, и требовать от него правильного функционирования в первые же дни было немыслимо.

Наконец,—слабое до последнего развитие в первые годы нэп'а торговых связей с внешним миром. А между тем, развитие внешнеторгового оборота имеет колоссальное значение и для развития внутреннего рынка. Особенно это важно для уси-

ления товарности сельскохозяйственной продукции и увеличения спроса на продукцию промышленности, что влечет за собою постепенное расширение внутреннего рынка и товарооборота. Эти внешнеторговые связи начинают складываться и крепнуть сколько-нибудь заметно лишь в течение последнего хозяйственного года.

Все эти объективные условия надо учесть и взвесить, прежде чем бросать нашей государственной торговле и кооперации тяжелые упреки в субъективных дефектах и ошибках. Конечно, смешно было бы думать, чтобы в такой колоссальной по своим пространствам стране, как СССР, со столь незначительной средней плотностью населения и столь слабо развитой сетью путей сообщения, можно было восстановить в один миг, даже в один год, громадный по своим размерам и до крайности разветвленный торговый аппарат на месте развалин и обломков от довоенного, и то не столь уже сильного торгового аппарата. Невозможно было требовать немедленного развития всех тех многочисленных капиллярных сосудов рынка, которые должны обслужить каждого отдельного потребителя, особенно в деревне с ее 16 миллионами дворов и 100 милл. отдельных потребителей; несерьезно также требовать, чтобы столь сложный и разветвленный аппарат сложился исключительно силами государства и кооперации. Все это, конечно, не создается по приказу, а складывается весьма постепенно и весьма своеобразно.

Но, тем не менее, мы имеем именно в области торговли самые существенные причины раствора „ножниц“ из категории как-раз субъективных причин. На одну из них, слепую погоню за прибылью во что бы то ни стало, мы уже указали в предыдущей главе о сбыте промышленной продукции. Остановимся теперь на других субъективных моментах.

Прибавим тут же к уже сказанному выше, что извращенное представление о прибыльности и платежеспособности потребителя господствовало в торговле не в меньшей мере, чем в промышленности. Злоупотребления своим монопольным положением, легкостью перенесения всех налоговых и прочих тягот на потребителя имели всеобщее распространение и здесь. В то же время не было почти никакого серьезного устремления к

прочному завоеванию рынка, к тому, чтобы расширить самое потребление и круг потребителей и т. д. Каждый стремился побольше сорвать на каждой отдельной сделке, чтобы гарантировать себя на ближайшее время от возможных убытков.

Отсюда и пренебрежительное отношение к орудию конкуренции. В самодовольном увлечении своим положением наши государственные и кооперативные торговцы забывали о той роли, какую начинают играть в области снабжения крестьянства кустарь и связывающийся с ним частноторговый капитал. Упускалось из виду то, что частный торговец, урывая большие прибыли у нас же под носом с предметов промышленного происхождения, с успехом вышибал из деревни дорогой промышленный товар более дешовым кустарным. Увлекались тем парадоксом, какой имел, бесспорно, место на городских и отчасти на сельских рынках,—а по статистическим данным Комвнуторга почти повсюду и на все товары массового потребления: это—то, что вольный рынок котировал товары как в оптовой, так и в розничной торговле значительно дороже, чем государственный и кооперативный. Хотя и надо полагать, что парадокс этот объясняется в значительной мере „статистическими" причинами, в роде того, что в одну графу относятся различные ступени оптовой и розничной торговли, но можно и допустить подобные явления, если учесть, с одной стороны, развращающее действие нашей безумной погони за прибылями на не менее алчного к ним частного торговца и, с другой стороны, отсутствие с нашей стороны конкуренции и вообще серьезного делового подхода к покупателю. Наоборот, частный торговец мог, действительно, тут же у нас под носом продать тот же товар дороже, умея его лучше и обходительнее преподнести покупателю, предоставить ему более подобранный ассортимент, кое-какой кредит и т. д., и т. п. Совершенно почти не приходится говорить о попытках за это время со стороны государственной и кооперативной торговли подчинить себе частного торговца экономически, сделать его своим агентом, комиссионером по сбыту в деревне товаров и т. п. Если такие попытки и делались, то весьма робко и мало успешно.

О слабости и неразвитости государственного и кооперативного торгового аппарата мы говорили уже несколько раз выше.

Остановимся сейчас более подробно на кооперативном аппарате. Он, как уже указывалось, объективно был поставлен в чрезвычайно тяжелые условия для своего восстановления и развития (недостаток оборотных средств, разрушенность старого аппарата и т. д.). Но, помимо этого, в нем было много и субъективных недостатков, в особенности у потребительской кооперации, наиболее важной и развитой формы кооперации. До последнего времени (до 38-го юбилейного собрания уполномоченных в ноябре 1923 г.) в ней господствовали чисто-„главкистские" принципы построения и работы. Наиболее ярко это выражалось в принципе „обязательного" членства, распространявшемся на всех потребителей данного района, фабрики, села и т. п. Естественно, что при этом обязательном членстве у ЕПО не было никакого особого интереса заботиться о своих членах, об удовлетворении их интересов и т. д.; они все равно должны были быть и оставаться его членами и чуть ли не в порядке налога вносить свои членские взносы. Покупать же им приходилось нужные им предметы потребления сплошь и рядом у частного торговца, поскольку у того их можно было достать, хоть и по дорогой цене. Свой же кооператив обычно нужных товаров не имел и об их получении не заботился, занимаясь чем-угодно, но менее всего снабжением своих „обязательных" членов. Если он их чем и снабжал, то случайно, нерешливо, без ассортимента, по вздутой цене, притом одинаковой как для членов, так и не-членов. Конечно, были и исключения особенно в рабочей кооперации, в частности транспортной. Но то были именно лишь исключения, а не правило. В то же время мы нередко узнавали о таких „достижениях" того или иного кооператива, как годовая прибыль на капитал в 84%. Этот главкистский пережиток отменен лишь последним собранием уполномоченных Центросоюза, одновременно наметившим такие элементарные меры, как ограничение круга товаров, которыми торгует кооперация, как децентрализация бюрократизированного аппарата Центросоюза, как сокращение ступеней кооперативно-торгового аппарата и т. д.

Перейдем теперь к структуре нашего государственного и кооперативного торгового аппарата. Мы уже отмечали выше его чрезмерную, чисто-главкистскую централизованность, что

являлось в значительной мере результатом централизации кредита, и что самым неестественным образом сосредоточивало весь почти оборот в крупных центрах, где имелся достаточный кредит (своих капиталов у торговых органов было, конечно, недостаточно), и тем самым сосредоточивало и торговый аппарат в крупных оптово-торговых главках, пытавшихся нередко, чуть ли не через голову своих же местных органов, ставить и собственную розничную торговлю (попытки некоторых синдикатов).

На-ряду с этой искусственной и в сущности излишней и вредной централизацией следует поставить сложность структуры торгового аппарата и, в первую очередь, его многоступенчатость. Прослеживая движение товара (напр., ситца, сел. хоз. машин и т. п.) от заводского склада к потребителю, мы наблюдаем, что он обязан по формуляру, отнюдь не по жизненной необходимости, пройти чуть ли не до десятка ступеней оптовых и розничных торговых органов, проходя в ЕПО обязательно через губсоюз и Центросоюз, в этот последний обязательно через трест и синдикат и т. п. Лишь в последнее время началась борьба с этим извращением принципов здоровой торговли. В значительной мере эта многоступенчатость является следствием указанной выше централизации торговли.

Остановимся еще на роли синдикатов в организации оптовой торговли и оптового рынка. Первоначально, в момент своего полустихийного возникновения в период „разбазаривания“ (в 1922 году) они играли, бесспорно, полезную роль: они объединяли разрозненные промышленные предприятия (тресты и заводы) на рынке, удерживая тем самым их от стихийного разбазаривания своей продукции. Но полоса „разбазаривания“ прошла, синдикаты же остались, мало того, они значительно развили свою деятельность как в области продажи изделий своих трестов, так и в области заготовки промышленного сырья. Некоторые синдикаты (не говоря уже о принудительных нефте- и солесиндикае, доведших сбыт до 100 и 90%%) довели процент сбыта своих трестов до 40—50% от всей продукции, заготовки же сырья в некоторых отраслях—и до высшего процента. Районируя рынки сбыта таким образом, что за трестами оставались только местные рынки, синдикаты чувствовали себя на остальных рынках монополистами.

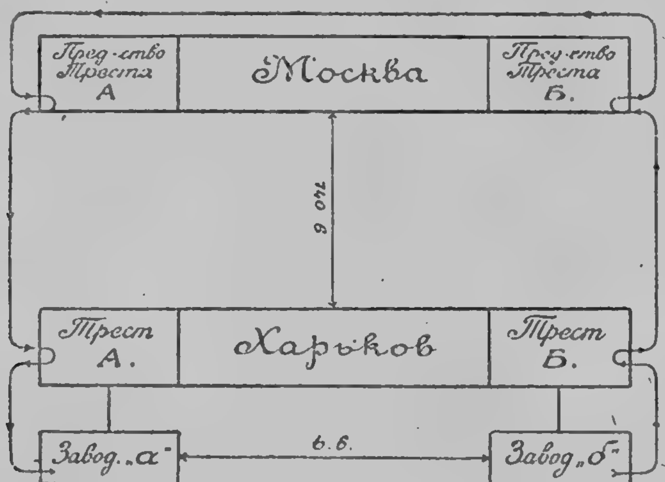
Толкуя принцип вхождения в их состав трестов в сторону той же излюбленной главкистской „принудительности“, они этим нередко подавляли всякую инициативу и всякие попытки конкуренции со стороны наиболее производственно-сильных трестов, ранжируя их по более слабым, навязывая первым высокие отпускные цены этих последних. Убивая всеми мерами конкуренцию как на рынках сбыта, так и на рынках заготовок, синдикаты, используя с выгодой для себя и своих трестов свое монопольное положение, нередко прямо-таки злоупотребляя им, всячески содействовали общему росту цен на рынке. Эта их отрицательная роль особенно ярко сказывалась в последний период раздвигания „ножниц“, достигнув своего кульминационного пункта во время Нижегородской ярмарки 1923 года (многие баснословные сделки которой потом оказались фиктивными вследствие необеспеченности векселей и т. д.). Некоторые синдикаты были в своей деятельности взорваны снизу самими трестами (напр., табачный, отчасти спичечный) и лишены функций по сбыту их товаров. Но большинство из существующих 19 синдикатов продолжает до последнего времени свою деятельность в прежнем виде, несмотря на начавшийся недавно пересмотр их состава и прав под углом зрения сокращения их числа, лишения их ряда „принудительных“ прав в отношении трестов, сокращения вообще их „монополизма“. Не может быть сомнения, что до многих из них наша промышленность так и не доросла еще экономически, и навязывать ей сверху синдикаты — это значит вообще насильственно форсировать развитие соответствующих отраслей. Пытаться же, как это делают некоторые товарищи, превращать синдикаты в субъекты государственного регулирования промышленности и торговли (другое дело—роль аппаратов, инструментов регулирования), сохраняя за ними их торговые функции и „самоокупаемость“,—вообще нереальная затея: нельзя в одном коммерческом органе объединить две столь различных по своей экономической природе функции.

Нечего особенно пояснять и доказывать, что роль подобного же синдиката, только в отношении кооперации, играл до последнего времени Центросоюз. Это следует из вышесказанного о кооперации.

Если нас спросят, какая из ступеней торгового аппарата более всего усиливала рост цен, какая из них забирала львиную долю, то на этот вопрос нам придется ответить весьма приблизительно, на глазомер, за неимением исчерпывающего цифрового материала. По имеющимся данным синдикат брал первоначально до 15, потом до 5—10% сверх трестовской цены (не считая скидки), тогда как в нормальных условиях синдикат, являясь лишь комиссионером треста (а не диктатором над ним, как сейчас), укладывал все свои накладные и организационные расходы в скидку, делавшуюся ему с заводской цены. Таким образом, общий процент на долю синдиката выходит все же близким к 15, даже больше, и никак не меньше 10. Различные госпосредники (Госсельсклад, торги и т. п.) брали, вероятно, также не менее 5—10% за свои „услуги". Центросоюз и кооперативные оптовые органы—примерно то же. Остальные проценты, если не считать искусственных взвинчиваний цен трестами и синдикатами, падали уже на розничников, на частноторговый аппарат, мало стеснявшийся в этом отношении после „примерного" поведения государственного и кооперативного аппаратов.

Из прочих недостатков торгового аппарата необходимо еще отметить стремление его во многих лишних посреднических звеньях, облепленных частными посредниками и спекулянтами, ищущими тут наиболее легкой наживы и находящими ее тут, к так-называемой „торговле ради торговли", нужной не для продвижения вниз товара, не для приближения его к потребителю, а лишь для того, чтобы оправдать свое собственное существование, или чтобы попросту „нагнать себе оборот", по которому делаются процентные отчисления для содержания заведующих, специалистов, комиссионеров и т. д. Этими дутыми, подчас фиктивными оборотами занимались особенно усердно многие из тех наших представительств (которых так много в Москве, отчасти благодаря искусственной централизации здесь всего товарооборота), которые иначе не находили оправдания своему существованию. Для иллюстрации этих своеобразных оборотов приведем один примерчик, не называя из скромности тех „фирм", которые в этом обороте приняли уча-

стие. Для ясности изобразим „схему движения товара“ в виде рисунка:

Без особого труда можно понять всю технику дела. Товар странствует от завода „б“ до завода „а“ через свой трест, его представительство в Москве, оттуда через представительство другого треста А, через трест А и, наконец, попадает на завод „а“, делая дважды путешествие на расстояние 740 верст, вместо того, чтобы непосредственно перейти из завода „б“ на завод „а“ (на расстояние в 6 верст), или уже, в крайнем случае, через соответствующие тресты в Харькове. Иллюстрация еще более выиграет в своей яркости, если мы отметим, что это не какой-нибудь исключительный товар сложной спецификации, а самый что ни на есть обычный вспомогательный материал: трансмиссия, могущая быть всегда полученной на складе завода или треста Б.

Фиктивный оборот, торговля ради торговли, спекуляция товарами, к сожалению,—чрезвычайно распространенные в нашей торговле язвы и недостатки. Мы к ним как-то уж привыкли и потому в недостаточной степени оцениваем их вред для самой торговли.

Остается добавить к перечню субъективных недочетов еще отсутствие **стимула для работы торгового служащего**. Оплата его обычно поденная, твердая, не зависящая от оборота, тогда как оплата труда комиссионера, торгового представителя, заведующего, как мы видели, слишком даже от него зависяща.

В качестве недостатка и вообще вредного оппортунистического уклона следует отметить упорное стремление многих наших государственных торговцев к обходу кооперации и к предпочтению сделок с частными посредниками и оптовиками, а то и попытки построить собственный розничный аппарат. Хотя кооперация своими недостатками сильно содействует подобным уклонам, все же утопичность или зловредность подобных увлечений в большинстве случаев несомненна. Или это попросту увлечение своим „могуществом“, или же потакание естественным устремлениям своих коммерческих агентов (тех же частных торговцев в целом ряде случаев) к сделкам предпочтительно со своими компаньонами, а то и с самими собой (через подставных лиц). В то же время высокомерно подчас игнорируется полезный нам на нынешней ступени развития торгового аппарата частный розничный торговец.

Не считая нужным в анализе причин раствора „ножниц“ подробно останавливаться на транспорте, как факторе удорожания цен, отметим лишь, что сказанное о нем в главе о промышленных накладных расходах, относится в той же мере ко всему грузообороту и, следовательно, всему товарообороту. Однако, роль и значение этих недостатков в значительной мере объективного характера и не столь велика, как может с первого взгляда показаться.

Недочеты из области финансов и кредита, влияние их на раздвижение ножниц.

(„Ножницы“, финансы и кредит).

В самом начале дискуссии о „ножницах“ (еще в сентябре пр. г.), когда она еще имела несколько научно-статистико-экономический характер, спор о причинах роста и падения цен вращался преимущественно вокруг вопроса о преимущественном влиянии денежных или товарных факторов на расхождение цен. Под первыми подразумевались, во-первых, факторы валютного порядка (собственно—соотношение в обращении между товарной и денежной массой), во-вторых, влияние кредита. Под вторыми—моменты товарооборота, себестоимости изделий, вообще моменты из области производства и обращения

товаров, как таковых. Спор шел вокруг того, какие факторы имеют первенствующее значение в смысле влияния на рост цен.

Хотя спор в этой плоскости и не получил своего окончательного разрешения (да и не мог получить, поскольку состояние нашей статистики слишком еще для этого неудовлетворительно), и дискуссия скоро перекинулась на моменты более конкретные, на моменты практического порядка, в какой плоскости дискуссия и получила свое завершение,—спор этот все же принес значительную пользу выяснением некоторых общих положений. В области денежных факторов, влиявших на эволюцию цен, преобладающую роль которых отстаивал тогда проф. С. А. Фалькнер [1]), определенно было признано, хотя и не в таких пределах, как это тогда указывалось, влияние усиленной эмиссии банкноты летом прошлого года. Она, конечно, не оказалась падающей, непрочной валютой, как то пытался доказать рядом выкладок С. А. Фалькнер, она в таковую не превратилась и в дальнейшем, как то предвещал целый ряд авторов (в том числе и т. Преображенский), указывавших, что по вытеснении в ускоренном порядке совзнака из обращения червонец займет его место и, превратившись в средство дохода от эмиссии, разделит судьбу совзнака, как падающей валюты. Авторы ошиблись в недооценке планового подхода к регулированию эмиссии со стороны советского государства, недоучли самой возможности регулирования процесса денежного обращения в советском государстве, имеющем в своих руках основные средства производства и обмена. Конечно, ничего этого не случилось, и соотношения в денежном обращении между червонцем и совзнаком были вскоре урегулированы; система двух валют была приведена в состояние известного внутреннего равновесия и останется в этом состоянии, хотя и мало для нас удобном, до тех пор, пока нам удастся урегулировать настолько государственный бюджет и поступления доходов, чтобы свести к минимуму покрываемый до сих пор эмиссией бюджетный дефицит (15 милл. рубл. в месяц). Это явится тогда условием коренной денежной реформы, при которой мы устраним падающий совзнак, за-

[1]) См. его статьи в сентябрьских номерах „Экономической Жизни“.

менив его твердой казначейской валютой, исчисляемой в долях червонца, т.-е. придем таким образом к одной твердой валюте (твердой настолько, насколько прочным вообще является в нынешнее время золото, обеспечивающее собой банкнотную эмиссию).

Но, тем не менее, критики того времени были правы в том, что в области эмиссии, вследствие отчасти упущений планово-регулирующих органов и вследствие ряда объективных причин, не были достаточно увязаны и согласованы между собой обе валюты, составляющие двухвалютную систему. Этому, между прочим, всячески содействовало как-раз в летние месяцы усиленное кредитование промышленности под ее будущую, имеющую быть реализованной осенью продукцию, притом в значительной мере в порядке целевого кредитования (в большинстве случаев безвозвратного). Получилось, благодаря чрезмерному, превысившему все планы выпуску червонцев, быстрое и резкое изменение состава всей денежной массы, обращавшейся на рынке. Тогда как еще в марте—апреле банкнота составляла до 20—25% от всей ценности обращающейся массы денег (в переводе ее по курсу в червонцы или по индексу—в товарные рубли), к августу—сентябрю отношение изменилось на обратное и стало в известный период совершенно ненормальным, когда совзнаку угрожало вытеснение его, как худшей валюты, совершенно из сферы обращения. Он, во всяком случае, вытеснялся в большей мере, чем то позволяла потребность денежного рынка в разменном знаке, каковым являлся совзнак, при ограниченном низшей купюрой в 10 золотых рублей червонце. Об этом, впрочем, можно и спорить, так как, если и некоторые авторы определяли размер в обращении для купюр ниже 10 рублей (т.-е. в данном случае для совзнака) в 30—40%, исходя из довоенных соотношений в обращении между различными купюрами, то не следует забывать, что при нынешней цене на золото в отношении товаров (ок. 60% довоенной на мировом рынке) и при современных ценах соотношение может быть и иное; оно должно быть, во всяком случае, в процентном отношении для совзнака ниже, чем для соответствующих купюр довоенных. Как бы то ни было, соотношение в большей или меньшей мере было нарушено. Это не могло не повлечь

за собою известного давления твердого червонца на неустойчивый совзнак в сторону еще большего его обесценения. Совзнак, благодаря этому давлению, даже в месяцы расширяющегося денежного обращения, оказался валютой стремительно падающей, чему подтверждением может послужить следующая табличка:

ДАТЫ.	Общая ценность обращ. мас. денег.	Ценность массы червонцев.		Ценность массы совзнаков.	
	В миллионах червонных рублей.				
1 января 1923 г. . .	116,9	2,9	2,5	114,0	97,5
1 февраля 1923 „ . .	133,0	8,9	6,7	124,1	93,3
1 марта 1923 „ . .	153,1	18,2	11,9	134,9	88,1
1 апреля 1923 „ . .	171,6	24,1	14,1	147,5	85,9
1 мая 1923 „ . .	162,0	29,3	18,1	132,7	81,9
1 июня 1923 „ . .	169,1	47,5	28,1	121,6	71,9
1 июля 1923 „ . .	186,6	70,0	37,5	116,6	62,5
1 августа 1923 „ . .	219,5	111,2	50,7	108,3	49,3
1 сентября 1923 „ . .	245,5	164,2	66,9	81,4	33,1
1 октября 1923 „ . .	262,7	207,4	78,9	55,4	21,1
1 ноября 1923 „ . .	300,3	224,8	74,9	75,5	25,1
1 декабря 1923 „ . .	295,6	226,0	76,5	69,6	23,5

Отсюда ясны и практические последствия, особенно чувствительные для крестьянина, исключительно пользовавшегося совзнаком в течение всей осени, вплоть до октября—ноября, когда червонец только еще стал внедряться в деревню. Отсюда и разменный кризис, больно ударивший по тому же крестьянину, произошедший вследствие технического отставания НКФ и экспедиции заготовления госбумаг от стремительного падения курса совзнака в смысле выпуска соответствующих купюр. Об этом мы подробнее говорили в соот-

ветствующих главах, почему не будем сейчас на этом останавливаться. Отсюда же и ряд других, менее крупных и серьезных неудобств, вытекающих из объективной трудности регулирования столь сложной денежной системы, как двухвалютная с одной падающей валютой. Главное, конечно,—самое *размещение валют*: прочной—в городском, преимущественно промышленном и оптово-торговом обороте, непрочной—в сельском и розннчно-торговом обороте. Не следует забывать, что *страховка от падения совзнака* была одной из объективных причин сильного удорожания товаров на низших ступенях торговой лестницы. Не надо также упускать из виду и того, что вынужденная расценка городских товаров в деревенской торговле в совзнаках (так как деревня ни самого червонца, ни его курса до зимы еще совершенно не знала), при покупке и и оплате их по расценке червонной, по курсу дня, была одной из главных причин, *почему деревенская торговля*, как частная, так и кооперативная, *вылетала в трубу*, почему она *неохотно торговала городским товаром и предпочитала кустарный*.

Конечно, все это очень и очень далеко от почти „автоматического" подъема цен на товары вследствие падения ценности червонца, от катастрофического „выпадения" из обращения совзнака и других не менее страшных вещей, до которых договаривались многие из участников первой дискуссии о денежных и товарных факторах в эволюции цен. Дальнейшая практика показала всю их необоснованность и преувеличенность. После того, как была соответственно сжата эмиссия банкноты и расширена эмиссия совзнаков (ошибкой было, на наш взгляд, постановление сессии ВЦИК'а в июле об ограничении ежемесячной эмиссии твердым пределом—в 15 милл. зол. рубл., независимо от того, о каком месяце идет речь, вследствие чего искусственно, насильственно даже, была сокращена эмиссия совзнаков в августе—сентябре, как-раз в те месяцы, когда расширявшийся в связи с поднятием конъюнктуры рынок требовал притока денег; потом в октябре—ноябре пришлось это постановление „срывать" значительным дополнительным выпуском совзнаков, воспринятых без особого труда рынком), *падение совзнака несколько сократило свой темп*, несмотря на расширявшуюся эмиссию его.

Деревня получила и в основном приняла червонец, благодаря чему устранилась значительная часть затруднений, возникавших на почве одностороннего распространения червонца, и т. д. Сложнейшая система поддалась, несмотря на сетования ученых и строгих критиков, нашему воздействию и плановому регулированию (в чем лишний раз сказались особенности и преимущества советской системы организации хозяйства). Тем не менее, было бы неправильным и крайне субъективным подходом — игнорировать совершенно влияние всех этих валютных факторов на рост и падение цен. Ясно и категорически нужно при этом оговорить только то, что это влияние, конечно, не являлось основным и решающим. Оно бесспорно и с лихвой покрывалось тем положительным влиянием, какое оказало на все денежное и товарное обращение создание в начале прошлого года твердой, устойчивой денежной единицы в лице червонца. Это, бесспорно, одно из крупнейших достижений Советской власти, вопреки всем „кляузам" и наветам на червонец и интригам против него со стороны наших врагов. Появление его не только создало впервые возможность более или менее точной калькуляции и отчетности, а следовательно, и более реального планирования, оно явилось основной для дальнейшего укрепления и расширения всего денежного хозяйства и денежного обращения, побудителем к дальнейшей денатурализации хозяйственных процессов; без него немыслимо было бы также широкое кредитование промышленности и, следовательно, все его развитие и восстановление за последний хозяйственный год.

Несколько слов о факторах налогового порядка. Об их влиянии мы уже говорили попутно в соответствующих разделах и главах (о влиянии сельскохозяйственного налога на цены хлеба и о влиянии промыслового обложения и акцизов на цены промышленных товаров), так что здесь можно ограничиться лишь подытоживанием сказанного ранее. Влияние налогов в общем и целом оказалось не столь значительным (хотя они и составляют ныне 12% от чистой продукции промышленности против 3% до войны), как это изображалось в начале дискуссии. Но влияние их на отдельные товары

(сельскохоз. налога—на хлеб, акцизов—на соль, керосин, ситец и др. товары) было все же заметным, и игнорировать его в оценке причин раздвижения „ножниц“ было бы, конечно, неправильным.

Что касается госбюджета, то он прямого влияния на рост цен не оказывал и оказывать не мог. Его влияние тут исключительно косвенного порядка: дефицит его не давал завершить денежную реформу, и благодаря этому приходилось волей-неволей применять в наших условиях сложную систему двух валют со всеми ее последствиями; кроме того, бюджетная помощь со стороны государства некоторым отраслям промышленности могла содействовать задержке товаров на складах и тем самым—тенденциям поднятия цен. Но так как эти дотации давались почти исключительно отраслям тяжелой индустрии (углю, металлу, транспорту), где цены до последнего времени росли не столь интенсивно, то и влияние их в этом смысле могло быть весьма незначительным.

Несравненно бо́льшим оказалось влияние на цены кредита. Это второе „яблоко раздора“ в течение всей дискуссии о роли денежных факторов. Вокруг него немало ломалось копий. На усиленное кредитование промышленности весной и летом прошлого года склонны были некоторые товарищи и граждане свалить чуть ли не всю ответственность за рост цен на промышленные изделия. Эти авторы считали самую эту политику в корне неправильной и не соответствующей интересам всего народного хозяйства; по мнению некоторых, правильнее было бы в большей мере кредитовать сельское-хозяйство, чем промышленность.

Не говоря уже о технической трудности осуществить на втором году существования Госбанка кредитование сельского хозяйства без наличия соответствующей системы и сети кредитных органов (момент, впрочем, чрезвычайно существенный, о котором не следует забывать при разговорах о кредитовании сельского хозяйства, как в прошлом, так и в будущем), надо определенно и категорически признать имевшую место кредитную политику государства единственно правильной, не только с точки зрения классовых интересов пролетариата, но и с точки зрения интересов смычки с крестьянством. В самом деле,

что было бы, если бы мы этой поддержки не оказывали? Было бы то, что промышленность вновь испытала бы, по примеру прежних лет, летнее сжатие производства, нагрузка заводов понизилась бы, и продукция их соответственно бы вздорожала, не говоря уже о том, что увеличились бы кадры безработных, понизился бы общий темп хозяйственного подъема и т. д. Товары раньше времени потекли бы на малоемкий рынок и по убыточным для промышленности ценам пошли бы в руки частных торговцев, которые их осенью продавали бы вряд ли дешевле, чем это делала наша промышленность даже в период максимального увлечения легкими прибылями. Кому от этого была бы польза, кроме новой буржуазии, кроме растущего частного капитала и, может-быть, еще части городских потребителей (хотя безработные рабочие из их числа выпали бы)? Ответ как-будто ясный и бесспорный, и вряд ли эти элементарные истины нужно доказывать.

Другое дело—те дефекты, те ошибки, какие получились при осуществлении этой кредитной политики на практике. Таковые бесспорно имели место, и на них справедливо указывалось в дискуссии. Это, во-первых, указанная нами выше централизация кредита, что, централизуя товарооборот, усиливало тем самым господство синдикатов над своими трестами и вместе с тем усиливало и развивало увлечение синдикатов монопольным своим положением. Но это причина в значительной степени объективного характера. Во-вторых, не соответствующие целям скорейшего продвижения товара вниз по торговой лестнице форма и сроки кредитования: дело в том, что преобладали вначале формы целевого и подтоварного кредита, задерживающих продвижение товара, тогда как слабо развивалась форма вексельного кредита под покупательские векселя торговым органам, содействующая как-раз продвижению товара к потребителю. Но поскольку основной целью в первое время было кредитование производства, а не торговли, постольку это в сущности было правильно. Другое дело—несоблюдение в должной мере сроков для перехода от кредитования производства к кредитованию торговли, как в области сбыта промышленных изделий, так и реализации сельскохозяйственной продукции. Нам сдается, что тут имел место один из главных наших технических дефектов.

Главное тут даже не в соблюдении сроков, а в быстроте перехода от одного объекта кредитования к другому. Инерция чрезвычайно еще сильно централизованного нашего кредитного аппарата оказалась слишком большой для быстрого перехода, для гибкого приспособления к изменяющимся условиям. Кредитование промышленности продолжалось все еще в тех же формах целевых и подтоварных ссуд, когда нужно было всячески усиливать кредитование торговых органов или промышленных под покупательские векселя. Еще на 1-е июля, по данным А. А. Блюма, задолженность по активным операциям Госбанка распределялась следующим образом: кредитов вексельных—9,1% от общей суммы, тогда как кредитов подтоварных—21%, промссуд, целевых кредитов—62,5%[1]. Затем пошло уже чрезмерно резкое перестроение кредитного аппарата на другой лад—на кредитование преимущественно хлебозаготовительных и экспортных операций; кредит же промышленности, не только подтоварный и целевой (что было вполне своевременно и правильно), но и вексельный был приостановлен почти совершенно. Это не только создало величайшие затруднения для всего промышленного и торгового аппарата, но и не соответствовало в последней своей части основной цели—проведению в деревню и вообще на рынки произведенных промышленностью за летнее и весеннее время изделий. Операция, как это часто у нас получается, оказалась недостаточно рассчитанной и продуманной с точки зрения плана и увязки ее с другими хозяйственными операциями. И не только была благодаря этому чрезмерно расширена эмиссия банкнот, но и вся операция не была полностью завершена; она была осуществлена лишь в первой своей части—в содействии производству товаров, но не во второй—в содействии продвижению их к потребителю. Промышленность, получившая до того крупную кредитную помощь, имела еще возможность выдерживать товары на своих складах (до последнего времени, когда за недостатком оборотных средств, при отсутствии кредитования, она пошла на понижение цен: начал это текстильный синдикат, „добровольно“ согласившись на значительную

---

1) См. „Экон. Жизнь“ № 15 тек. оп. года.

урезку своих оптовых цен Комвнуторгом в конце сентября пр. г., тогда как перед тем он решительно сопротивлялся всяким подобным урезкам), тогда как торговый аппарат, не могущий функционировать без кредита, не в состоянии был их довести до потребителя. Это значительно усилило кризис сбыта в осенние месяцы. В-третьих, надо еще подчеркнуть слишком большой процент в работе наших кредитных органов на долю кредитования чисто - „собесного“ характера, оказываемого без достаточного обеспечения, без гарантий возврата, на срок — бессрочный. Это осложняло работу кредитных органов, создавало ложное представление о кредите у хозяйственников, стремление к одностороннему использованию его, без оказания, со своей стороны, кредита своим контрагентам, к увертыванию от возврата займов. Это же и удорожало (на-ряду с накладными расходами и стремлением кредитных органов также к упрощенному „сколачиванию“ прибылей и накоплению банковского капитала) кредит и тем самым затрудняло его развитие и пользование им. Все это— бесспорно отрицательные моменты в работе кредитных органов, хотя в главной своей части определяемые объективными условиями.

Ко всем этим моментам следует добавить еще уклонение кредитных и вообще финансовых органов от плановой увязки своих функций и операций с Госпланом и соответствующими хозяйственными наркоматами. Эта ведомственная автономность являлась отчасти причиной указанных выше дефектов, но все же не следует преувеличивать этого момента, поскольку финансовые (эмиссионные, налоговые) и кредитные планы утверждались высшими правительственными органами (СНК, СТО), а бюджетные, кроме того, согласовывались и с Госпланом. Вообще об этом в следующей главе.

Недостатки в области планового руководства народным хозяйством.

(„Ножницы“ и хозяйственный план).

После сказанного во вступлении и в первом разделе об объективных условиях развития у нас основ государственного капитализма и вместе с тем основ планового хозяйства,—ибо

последнее немыслимо без достижения, по крайней мере, этой ступени развития хозяйства,—нам не так много остается сказать о различных второстепенных моментах и недостатках наших, осложнявших плановую работу. Основное, конечно, в общей отсталости нашего хозяйства, в его разрушенности, распыленности в результате войны и революции. В таком хозяйстве, да еще при неразвитых и невосстановленных основных регуляторах хозяйства и маневровых материальных и денежных фондах плановое хозяйство вообще неосуществимо: его осуществление,—поскольку налицо основная предпосылка—власть и вся крупная собственность в руках пролетарского государства, что обеспечивает единую волю хозяина,—возможно лишь по мере того, как эти основные регуляторы восстанавливаются и начинают вообще функционировать. Этого, нам кажется, доказывать нечего.

Какие же еще причины, помимо этой основной, мешали осуществлению планового начала в хозяйстве? Почему у нас после всеобщего плана при „военном коммунизме" получилось в первые годы нэп'а полное почти „бесплановье", полная „стихия и анархия", если подыскивать сильные выражения? Неужели это органически свойственно самому нэп'у?

Новой экономической политике, как таковой, и осуществляемому через нэп государственному капитализму это, конечно, не свойственно. Получилось же это в значительной мере вследствие трудного и длительного перехода от одной системы к другой; получилось отчасти и чисто-психологически, поскольку при нэп'е, в силу самых условий товарного хозяйства, разлетелись впрах иллюзии предыдущего периода административно-бюрократического управления хозяйством, когда с верхушек главков периферия просто игнорировалась и вместе с тем не замечалась та фактическая стихийность, анархия, которая под прикрытием различных фиктивных планов оставалась в том же девственном виде, в каком была до „военного коммунизма", даже в худшем, поскольку вследствие войны усиливались распыление и натурализация всего народного хозяйства, в первую же голову, сельского хозяйства. Общая децентрализация управления хозяйством при нэп'е приблизила управляющие хозяйством

органы к самому производству и распределению и показала им подлинное состояние их. Это достаточно важный момент.

Но, конечно, нет никаких оснований думать, что мы должны были сидеть, сложа руки, и пассивно ожидать, когда, наконец, восстановятся и сложатся регуляторы планового управления хозяйством, и когда мы, наконец, сумеем построить этот план в совершенстве. В жизни ничто готовым с неба не падает. Ясно, что и единый хозяйственный план, и методы его построения и выполнения должны были складываться столь же постепенно, но в порядке активного, действенного, творческого нажима и опыта, проводимого руководящим всей государственной машиной пролетариатом. Мы в свое время сколотили тяжелым трудом первый в России вообще хозяйственный план в виде плана электрификации страны, рассчитанного на десять лет. VIII съезд его в 1920 г. утвердил. Тов. Ленин тогда, высмеивая кабинетные планы наших главкократов, указывал на него, как на образец реального жизненного планотворчества[1]). Мы плохо усвоили этот урок: нам он показался тогда слишком парадоксальным, слишком полемическим. Мы больше увлекались тогда стройными плановыми построениями тов. Троцкого и его тогдашними славопениями бюрократизму, как системе. Но тов. Ленин, как обычно, оказался тут глубоко правым. Построения эпохи главкизма ушли вместе с их творцами в социалистические академии, институты и университеты, как объект для изучения, как объект истории. Вместо этого в круговороте постоянных кризисов постепенно по частям складывался настоящий, реальный хозяйственный план, вырабатывались методы его построения и осуществления. Первый план электрификации за это время успел устареть (поскольку его не пересматривали, хотя по частям и выполняли). Новые планы оказалось не столь легко согласовать и увязать между собою. Госплан, созданный только в апреле 1921 года из той же госуд. комиссии, которая создала план электрификации, перетерпел за два с лишним года нэп'а немало тяжелых и трудных дней, немало разочарований и прямого отчаяния,

---

[1]) См. его статью „Об едином хоз. плане“ в № 39 „Правды“ за 1921 г.

когда жизнь неумолимо опровергала его построения, когда план в великолепно отделанном, „отштукатуренном“ виде выходил из его мастерской и тут же рушился под ударами стихии, когда многим казалось, что вообще все это ненужные затеи, что все это несерьезно и никчемно, что вообще какой может быть план при нэп'е! Да, ведь, так думают многие еще и теперь, когда у нас имеется столько уже крупных плановых побед (планы топлива, реализованные с точностью до 1%, планы продовольственного снабжения, перевозок, наконец, последний бюджетный план, столь близкий уже к реальности). Нужна была вся дальновидность и настойчивость Ильича, чтобы протащить свое детище—Госплан—через эти трудности, через эту полосу сплошного неверия. Парадоксально на первый взгляд, но диалектически совершенно понятно и неизбежно было то, что Госплан создался как-раз после исторического X съезда РКП, решившего, под живым впечатлением Кронштадта, без особых возражений переход к нэп'у, что Госплан начал свою деятельность одновременно с нэп'ом, в момент, когда была, казалось, дана полная воля стихии, в момент, когда пролетариат добровольно (в интересах смычки и своего же будущего) отказался от административно-бюрократических вожжей, которыми он усмирял эту стихию во время гражданской войны, чтобы приобрести себе потом вожжи покрепче, вожжи экономического воздействия. Что трудно тогда было предвидеть, стало осуществляться на наших глазах через два с небольшим года. Мы еще не имеем единого плана, не имеем возможности регулировать все хозяйство, но мы теперь определенно уже чувствуем, как крепнут новые вожжи в наших руках, как складывается и оформляется у нас под руками этот план.

Опыт, живой опыт со всеми ошибками и недочетами, нужен был, чтобы активным путем добиться своего, чтобы дойти до этого плана. В этом опыте было у нас много недочетов, было много прямых ошибок, упущений, недосмотров, неумения, невнимательности, даже небрежности. Все это сказывалось на конечном результате: каждая наша ошибка влекла за собою те или иные последствия для всего хозяйства. Хотя мы и вернулись при нэп'е к товарному производству и рыночному способу распределения, все же в пределах государственного

хозяйства не восстановилось чисто-автоматическое действие соответствующих рыночных законов, направляющих и регулирующих автоматически, т.-е. слепо, через рынок всю хозяйственную жизнь. Наше отличие от обычного капиталистического товарного хозяйства в том и состоит, что в пределах этой огосударствленной части хозяйства перевес над автоматическими реакциями со стороны рынка берет активная, сознательная воля единого владельца всей этой части хозяйства—пролетариата, в лице его партии, его государства. Ясно поэтому, что в такой же мере отражаются на нем, вопреки действию автоматических регуляторов, наши ошибки, недосмотры, упущения в деле планирования и регулирования. Они, бесспорно, имели место за все последнее время и сыграли свою существенную роль также и в раздвижении „ножниц“. Мы выше неоднократно указывали на недостаточность плановой увязки и согласованности, как причину тех или иных последствий, вредно отразившихся на лезвеях „ножниц“. Для примера напомним хотя бы несогласованность работы НКПрода и НКФина в деле взимания единого сел.-хоз. налога (нормы эквивалентов) или крупнейший отмечаемый всеми недочет—неувязку планов кредитования с планами тех или иных операций кредитуемых органов. Мы не станем приводить всех примеров этого рода; скажем лишь, что нет ни одной отрасли народного хозяйства, где это не имело бы места в большей или меньшей мере. Плановая школа дается нам не даром.

Из более частных моментов укажем на слабость наших плановых органов, в первую очередь, того же Госплана. Он недостаточно связан в своей постоянной работе со СТО, он не связан также с оперативными и регулирующими хозорганами и наркоматами (трестами, синдикатами, акц. обществами), он для многих из них недостаточно авторитетен, он бессилен навязать им свою волю. То же в известной, хотя и меньшей мере касается высшего регулирующего органа—СТО и каждого наркомата в отдельности по отношению к подчиненным им планово-регулирующим органам [1]). Наш центральный хозяй-

---

[1]) Подробнее об этом см. нашу брошюру: „Очерки по организации народного хозяйства“. Изд. „Эконом. Жизнь“. Москва. 1922 г.

ственный штаб не сложился еще в цельную, согласованную во всех деталях, единую систему. Этот процесс также лишь идет, но далеко еще не завершился. Но и нет никаких оснований ожидать, что эта система, так же как и единый хозяйственный план, сложится сразу, по нашему желанию, прежде чем создадутся необходимые для того предпосылки.

В частности, Госплан слабо увязан с органами статистики и их центром—ЦСУ: планы статистических обследований не всегда согласовываются с Госпланом.

Наконец, плановой работе Госплана определенно мешает бесконечное множество мелких согласований, выяснений и справок, вообще всяких вермишельных поручений, которыми его забрасывают высшие законодательные органы. Он все еще тонет в этих поручениях, значительную часть которых мог бы исполнить любой сколько-нибудь слаженный секретариат, и теряет, благодаря этому, темп жизни и общую перспективу.

Наконец, недочет, и очень крупный, заключается в неналаженности до сих пор местных планово-регулирующих органов и в неопределенности их взаимоотношений со своими центрами. Постоянные переорганизации и передвижки в организующемся только еще аппарате местной власти не дают установиться определенной сети регулирующих хозяйство органов. Первоначально намеченная, согласно известного всем наказа ВЦИК'а (так-называемого наказа Ильича), сеть эковомсовещаний оказалась вначале, вследствие не сложившихся и не окрепших еще связей производственных и торговых, приемлемой на низших своих звеньях, в то время как высшие звенья — областные экосо — ставились тогда под сомнение. Теперь же последние укрепились и упрочились вместе с восстановлением всего народно-хозяйственного организма, низшие же звенья оказываются излишними и отмирают. Местные плановые органы стали формироваться всего год-полтора тому назад. Все эти пертурбации не могут не отразиться на функционировании планово регулирующего центра. Без хорошо поставленной и развитой сети периферийных органов центр в такой обширной стране, как наша, нормально функционировать, конечно, не в состоянии. Эта задача стоит еще перед нами во всей своей величине.

Но необходимо тут же отметить, что она теснейшим образом связана с развитием и проведением плана экономического районирования СССР. Приспособить ее к отмирающим, нежизненным, прежним губернским (областным), уездным и волостным делениям вообще невозможно. Районирование же— процесс чрезвычайно сложный и медленный. Пока районирование целиком проведено лишь на Урале, начато на Украине и частично (в хозяйственном отношении) на юго-востоке и северо-западе. С этим необходимо считаться в своих требованиях насчет хорошо налаженного местного планово-регулирующего аппарата.

На этом кончим общий перечень причин, вызвавших раствор „ножниц“ и вытекающий из них кризис сбыта. Выводы из сказанного—в следующем общем разделе.

III. Очередные задачи экономической политики.

Общие выводы из сказанного в предыдущем разделе.

После сделанного в предыдущем разделе общего обзора и разбора причин расхождения цен мы имеем возможность подвести им итоги и тем самым дать ответ на поставленные в конце первой главы вопросы. Отсюда же с логической последовательностью вытекут и формулировки очередных задач хозяйственного строительства: если ясны и известны причины, вызывающие то или иное явление, то должны быть ясны и стоящие перед нами задачи по их устранению, поскольку причины эти вообще устранимы в более или менее краткий срок. Другое дело — методы и способы их устранения; но их намечение не входит сейчас в нашу задачу: мы можем на основании сделанного анализа наметить лишь самые общие линии и методы действия. Намечение более конкретных и специальных планов восстановления хозяйства и методов оживления или, по крайней мере, смягчения происходящих в нем кризисов — задача специальных исследований и работ. Мы имели целью дать на основании работ последнего времени общую оценку положения и, следовательно, наметить лишь основные линии ближайшего хозяйственного строительства.

Какова же эта общая оценка, каково резюме из всего сказанного в предыдущей главе? Попробуем наметить его в основных чертах.

Ясно, первым делом, что мы имеем в „ножницах" дело с чрезвычайно серьезным и глубоким экономическим явлением, просто отмахнуться и отделаться от которого невозможно. Уже те первые результаты, какие получились от расхождения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, достаточно опасны для дальнейшего нормального

хода развития народного хозяйства. Разразившийся на наших глазах с большой силой кризис сбыта ставит под удар, в конечном счете, всю промышленность, не только легкую, непосредственно страдающую от этого, но и тяжелую. У нас до последнего времени нет еще никаких гарантий говорить, что изживающийся сейчас кризис сбыта так и пройдет без особого отражения на сфере производства как промышленности, так и сельского хозяйства. Большее или меньшее влияние его на эту сферу очевидно. И, следовательно, скажутся и последствия этого влияния, отчасти, в слабых формах, они уже сказываются. Оно может известным образом повлиять на рост, на восстановление всего народного хозяйства, может на время приостановить, по крайней мере, замедлить его. Наконец, нельзя ни на минуту забывать о политической стороне данного явления и о возможных политических последствиях его.

Но в то же время следует определенно подчеркнуть, как один из основных выводов, что кризис этот отнюдь не является кризисом обеднения страны, кризисом, происходящим от сужения всего процесса воспроизводства (отрицательного или суженного воспроизводства), от сокращения производственной базы. Такого основания наш кризис, к счастью, не имеет. Он, как и все в целом явление „ножниц“, есть следствие войны, военного разрушения, но в порядке не непосредственной причинной связи, а через ряд звеньев, из которых основное—диспропорция в хозяйстве, вызванная военными разрушениями его. Данный кризис отражает эту диспропорцию в темпе восстановления хозяйства, в темпе его роста и, следовательно, является кризисом роста, подъема, а не сокращения, упадка народного хозяйства. Этим данный кризис существенно отличается от целого ряда продовольственных, топливных, транспортных и т. п. кризисов, имевших место во время гражданской войны или непосредственно после нее, в первые годы нэп'а, когда еще сказывалось непосредственное разрушительное действие ее.

Кризис, наконец, имеет ту особенность, что он, уподобляясь по форме и непосредственным причинам, его вызвавшим, капиталистическим кризисам перепроизводства, в глубоком эко-

номическом смысле таковым не является (по крайней мере, в отношении промышленности). Он отражает в себе лишь данное, сложившееся в конкретных условиях момента, несоответствие (диспропорцию) между предложением дорогих промышленных изделий и спросом деревни, реализующей свой основной продукт—хлеб—по несравненно низким ценам. Но эти моменты относительны: поскольку удастся существенно понизить себестоимость промышленных изделий и цены на них и повысить в то же время цены на хлеб, постольку при колоссальных неудовлетворенных потребностях деревни нормальное соответствие предложения спросу может восстановиться. Важно то, что страна не перенасыщена предметами потребления; наоборот, она жаждет их получить. Она сильно недопотребляет их. Есть, следовательно, свободное место для распространения изделий промышленного производства при условии восстановления должного соответствия между ценами.

Сложнее обстоит дело со сбытом продуктов сельского хозяйства. Здесь, с точки зрения внутреннего рынка и его сократившегося естественно после войны спроса (отход промышленных окраин, сокращение городского населения и т. п.) есть абсолютное, а не только относительное перепроизводство хлеба. Но для сельского хозяйства остается все же два выхода: один—на внешние рынки, весьма, правда, трудный и значительно ограниченный против довоенного сокращением мирового спроса на хлеб (безработица, сокращение производства, интенсификация и расширение во время войны собственного сельского хозяйства), но, как показал первый опыт, не невозможный; другой — усиление интенсивности сельского хозяйства, расширение за счет хлебных культур технических культур, животноводства и т. д. Выходы эти— длительного порядка, требующие времени для своего осуществления, но все же достаточно широкие и реально осуществимые. Сюда же необходимо отнести еще натурализацию сельскохозяйственного производства, уменьшение под влиянием войны его товарности. Это одна из основных причин сокращения деревенского спроса на промышленные изделия. Сюда относится также и широкое развитие за время войны кустарной, ремесленной и домашней промышленности, содействующих сохранению натуральных или полунатуральных форм хозяйства в де-

ревне. Но, как мы видели, процесс денатурализации идет притом небезуспешно, а при определенном направлении в эту сторону усилий государства он может быть еще более ускорен.

Конечно, нельзя ни на минуту забывать, что промышленность наша после военных разрушений и пертурбаций не может быть быстро восстановлена в прежнем своем объеме, с прежней производственной мощностью, без коренного переоборудования ее, без восстановления разрушенного силового хозяйства ее, без серьезнейшей технической и экономической концентрации ее, вообще без восстановления ее основного капитала и значительного расширения ее оборотных средств. Без этого понижение ее себестоимости до довоенного уровня и ниже объективно не осуществимо, как бы мы того ни желали и как бы ни загружали отобранные наиболее производственно мощные и способные заводы и фабрики. В этом, с одной стороны, и в отмеченном выше абсолютном перепроизводстве хлеба—основная причина объективно неизбежного раствора „ножниц", о котором мы в своем месте говорили.

Но, если бы нам удалось быстро дойти до этого „объективного" раствора, устранив все субъективного характера причины, усиливающие этот раствор, то мы не гарантировали бы себя еще от возможности кризисов, подобных последнему. Абсолютно они не исключены и тогда, но они будут тогда мягче и реже и выразятся лишь во временных судорогах, которые при достаточном развитии планово-регулирующего воздействия со стороны государства смогут быть своевременно предупреждены и тем самым еще более смягчены. Надо, однако, тут же оговориться, что пока будет существовать у нас мелкое товарное производство 100-миллионного крестьянства, пока большая часть этих мелких производителей не будет кооперирована, до того кризисы у нас отнюдь не могут быть абсолютно устранены. По мере роста планового воздействия со стороны укрепляющегося и развивающегося государственного капитала на мелкий частный капитал, эти кризисы будут все более и более слабеть, стушевываться, колебания их на хозяйственном уровне будут делаться все мельче и все слабее, но они все же могут и, очевидно, будут иметь место, пока количество тут не перейдет уже в качество.

Дальнейший существенный для нас вывод состоит в том что плановые начала растут и укрепляются в нашем хозяйстве, что вместе с тем растут зачатки социализма. Их влияние становится все значительнее и сильнее по мере роста, организованности всего хозяйства, по мере его восстановления и расширения, по мере восстановления вместе с тем основных экономических регуляторов хозяйства. В этом вернейший залог преодоления в дальнейшем частно-собственнической рыночной стихии, ограничения соответствующими нашим интересам пределами роста частного капитала, в этом залог дальнейшего укрепления Советской власти и советской системы хозяйства, залог роста социализма и перехода в свое время от нынешнего нэп'а к социалистическим формам хозяйствования. В этом росте плановых начал—наша перспектива во времени, в нем наше будущее.

Таковы основные выводы из раствора „ножниц". Они же дают нам возможность ответить на основной вопрос, формулированный нами в конце первого раздела:

Требуется ли существенный пересмотр новой экономической политики?

Мы подошли к этому вопросу под углом зрения „ножниц". Не являются ли последние доказательством неправильности основных линий нэп'а? Не доказывают ли явление „ножниц" и вытекающие из них кризисы, что в самой этой политике кроются причины неуспеха, и что поэтому ее следует пересмотреть в ту или иную сторону? Разбор „ножниц", сделанный нами в предыдущем разделе, дает исчерпывающий, на наш взгляд, ответ и на этот вопрос.

Из анализа „ножниц" вытекает с совершенной ясностью, что основные причины их—объективного порядка, причины на ближайшее время, объективно не устранимые. Это главное доказательство против коренного пересмотра нэп'а. Пересмотр его ни в какой мере этих основных причин устранить не может, ибо это будет изменение лишь наших методов и способов воздействия на нашу экономику, будет, в сущности,

изменением тех субъективных воздействий на раствор „ножниц“, какие мы попутно отмечали, но не изменением объективных условий нашего строительства. Прежде чем требовать пересмотра основ нэп‘а, надо доказать, что пересмотренная измененная система может быстрее, чем нынешняя, устранить эти объективные причины, в первую очередь—диспропорцию в хозяйстве; надо доказать, что от предлагаемых новых методов и системы хозяйствования, как таковых, заметно увеличится основной капитал промышленности, восстановится ее оборудование, сократится себестоимость; увеличится, с другой стороны, намного товарность сельского хозяйства, расширятся для него внешние рынки и т. д. Подобных чудодейственных средств и методов до сих пор ни один из критиков нэп‘а, насколько нам известно, не предлагал.

Но есть и субъективные причины „ножниц“, притом довольно существенные. Главная из них—наше неумение торговать, использовать должным образом частного торговца, слабость нашей кооперации, чрезмерная централизация как торговли и кредита, так и управления промышленностью, упрощенное понимание прибыльности и слишком легкое, нарушающее при этом всякую пропорцию, стремление к накоплению оборотных средств, злоупотребляя при этом своим монопольным положением на рынке, своей организованностью перед распыленным, неорганизованным потребителем; дефекты в области налогов, кредита, эмиссии и т. п., оказывающие довольно существенное влияние не только на городской, но и на крестьянский рынок; неумение с достаточной выгодой для себя использовать преимущества монополии внешней торговли; над всем этим—слабость планово-регулирующего воздействия на рынок (регулирование цен, кредит, интервенция) и на все народное хозяйство в целом. Вот краткая сводка основных из них, хотя не все они чисто-субъективные по своему характеру. Но пусть. Следует ли из всего сказанного выше, что с переменой системы хозяйствования, с пересмотром основ нэп‘а эти субъективные моменты, раздвигающие лезвея „ножниц“ чуть ли не на вторые 160%, устранятся?

Мы утверждаем, что нет. Конечно, одна-другая поправка, и даже существенная поправка необходима в нынешней системе организации и управления хозяйством. Мы попутно это отме-

чали. Все это может дать облегчение остроты кризиса, дать некоторое сжатие „ножниц". Но это отнюдь не означает пересмотра всей новой экономической политики. В самом деле, мыслим двоякого рода пересмотр нэп'а: в сторону усиления элементов административного воздействия и нажима, т.-е. усиления элементов главкизма, с частичным восстановлением системы централизованного снабжения и обмена продуктов (внутри, напр., государственной промышленности и транспорта, как то предлагает тов. Ларин), или же в сторону еще большего ослабления позиций государственного капитализма, еще большего попустительства по отношению к вольному рынку, к частной торговле и промышленности, еще более либерального, „фритредерского" подхода к рынку, к сельскохозяйственному производству и т. д. В печати и дискуссиях за последнее время нашли себе отражение оба эти уклона.

Развернувшаяся за последнее время оживленная дискуссия вокруг принципов партийного строительства и демократизма в известной мере затрогивает и основные хозяйственные проблемы. Мы будем недалеки от истины, если скажем, что некоторые из требований чистой демократии фактически прикрывают собою лишь требования о пересмотре нэп'а в сторону еще большего распускания вожжей, еще большего попустительства либеральным тенденциям в хозяйственном строительстве, прикрывающим, в свою очередь, лишь устремления накопляющегося частного капитала, растущей новой буржуазии. Такова экомическая подкладка идеологии чистого демократизма: наш экономический либерализм может быть на-руку только новой буржуазии, для развития которой он, конечно, органически необходим. Для растущего же государственно-кооперативного капитала, для крепнущей и складывающейся все более и более системы государственного капитализма эти устремления совершенно неприемлемы. Если нам приходится терпеть рост частного капитала и усиление его роли в народном хозяйстве страны, то лишь постольку, поскольку не сложился и не восстановился государственный и

кооперативный капитал, лишь до тех пор, пока он не окрепнет и не возьмет на себя руководства теми хозяйственными функциями, которые временно осуществляются частным капиталом, но лишь в тех пределах, в каких это не нарушет самого процесса роста и укрепления государственно-кооперативного капитала. Есть ли в кризисе последнего времени и в явлении „ножниц“ моменты, вызывающие необходимость такого пересмотра нэп'а? Нет, их нет! Напротив, подобный пересмотр был бы шагом назад, был бы окончательным разрушением сохранившихся остатков крупной промышленности и транспорта, которые приходится пока искусственнно поддерживать впредь до их укреплевия и восстановления, это было бы переходом через длительную хозяйственную разруху и распад связей к новому восстановлению и накоплению крупного частного капитала, но лишь в случае сохранения независимости государства, как такового; в противном же случае,—а для этого шансов гораздо больше,—это сведется к передаче организующей роли крупному иностранному капиталу, который после срыва главной нашей внешней экономической защиты—монополии внешней торговли и реституции имущественных своих прав в России, быстро подчинит себе экономически всю страну. Кризис „ножниц“, как мы выше отмечали,—это не кризис разрушения, распада, а кризис роста, восстановления. Поскольку же это так, поскольку мы в восстановлении всего хозяйства достигли за первые годы нэп'а уже значительных успехов, постольку нет никакого основания, никакой внутренней, кроющейся в самом явлении „ножниц“ причины для капитуляции перед иностранным или внутренним частным капиталом. Напротив, итоги первых трех лет нэп'а показали, что мы, хотя и с величайшим трудом, все же справляемся сами с задачей экономического восстановления разрушенного войной хозяйства.

Но нет ли нужды в пересмотре нэп'а в другую сторону, в сторону главкизма? Тоже нет. Это могло бы иметь место лишь при том условии, если бы наш государственно-кооперативный капитал чрезмерно отставал в темпе своего роста от частного, наша крупная промышленность от сельского хозяйства

и т. д. или в случае каких-либо новых катастрофических потрясений всего хозяйственного организма страны (длительной разрушительной войны, стихийных бедствий и т. п.), которые бы разрушили вновь все то, что за годы передышки восстановлено, и вновь резко изменили бы соотношение между промышленностью и сельским хозяйством в сторону углубления диспропорции между ними. Последнего нет и, будем надеяться, не будет (одно только начало войны, в случае если бы нам неизбежно пришлось бы втянуться в новую европейскую войну, еще не означает отказа от нэп'а). Что же касается первого, то, наоборот, за последнее время всеми экономистами констатируется не отставание государственно-кооперативного капитала в своем росте от частного, а напротив, опережение в темпе роста первым второго и в частности крупной промышленностью—сельского хозяйства. В этом усиленном „перекачивании" средств одна из причин самих „ножниц", как мы выше указывали. Следовательно, нет никаких серьезных, деловых соображений для восстановления главкизма, для усиления искусственного протекционизма и административного тепличного ухода за промышленностью и транспортом. Они в уходе и поддержке, конечно, еще нуждаются, но этот уход и поддержку можно осуществлять в порядке преимущественно экономических мер, путем кредитования, налоговых льгот, субсидий и т. п.

Не следует, наконец, в корне пересматривать и нашей плановой системы. На доказательствах этого мы можем здесь не задерживаться, поскольку вопрос этот в достаточной мере разобран нами выше. Необходимо усилить плановый подход, усилить нашу планово-регулирующую активность, но это ни в какой мере не означает коренного изменения всей плановой системы и политики. Они остаются в том же виде, поскольку в деле создания единого хозяйственного плана мы стоим на безусловно правильном пути. Тут необходимы лишь труд и терпение, не меньшие, а еще большие, чем до сих пор. Если мы хоз. плана не можем осуществить в полном виде уже теперь, то в этом виноваты отнюдь не „ножницы" и не нэп, а те основные объективные причины, которые определяют нашу хозяйственную деятельность и нашу хозяйственную политику.

Из мероприятий последнего времени, вызванных „ножница-ми“, сколько-нибудь походить на восстановление главкистских методов регулирования хозяйства может только намеченное комиссией Политбюро нормирование розничных цен на соль, керосин, сахар. Но тут все же нет никакого повода для выводов о возвращении к методам административным. Между подобными экономически целесообразными и соответствующими общему хозяйственному прогрессу мерами административного воздействия и общей системой нэп'а нет никакого противоречия. Нэп не только в своей переходной стадии, но и в развернутом виде, отнюдь не означает системы исключительно экономического воздействия; напротив, в ней укладываются в известном отношении и то, и другое. Данная мера, хотя, в сущности, и административная, хотя и воздействующая сильнейшим образом на рынок, вполне возможна в сочетании с рядом организационных мероприятий по укреплению кооперации, удешевлению промышленной продукции и т. д. Другое дело, если никаких других мер не принимается, если административным нормированием прикрывается полная беспомощность в воздействии на рынок. Этого, конечно, у нас нет.

Надо определенно подчеркнуть, что Советское государство отнюдь не должно и не может отказываться принципиально от мер государственного принуждения в отношении частно-собственнической стихии. Нужно целесообразное сочетание тех и других мер без всякого излишнего предпочтения административных мер, но и без их игнорирования, со стремлением к все большему и большему перевесу в хозяйственном регулировании и управлении мер экономических, как наиболее свойственных развитому государственному капиталу при товарном производстве в стране с численным преобладанием мелких товаропроизводителей. Стремление же в противоположную старону, если бы оно и было неизбежным, может обозначать только уменьшение мощи крупного государственного капитала и само по себе может быть квалифицировано, как устремление не прогрессивного, а регрессивного характера, в тех условиях, в каких мы осуществляем нашу новую экономическую политику.

Окончательный вывод: нэп не нуждается в коренном пересмотре ни в ту, ни в другую сторону. Ни „ножницы“, ни последний кризис от нас этого не требуют.

Очередные задачи экономической политики.

После этих вступительных разделов о нэп'е мы можем подойти к заключительной части нашего наброска и попытаться наметить на основании произведенного анализа „ножниц“ очередные задачи экономической политики. Подчеркнем тут же для ясности, что речь идет не о какой-нибудь „новейшей“ или вообще неопределенной экономической политике, в понятие которой каждый может вкладывать любое содержание, а о той же новой экономической политике, которую партия наша наметила вчерне еще на X своем съезде и определила точнее на последующих съездах. Поскольку это так, постольку ее основные цели и задачи остаются в полной силе, согласно решениям наших съездов. Здесь нашей задачей является поэтому не их обычное простое перечисление (это сделано гораздо лучше в резолюциях съездов), но, под углом зрения проблемы „ножниц“ и исходя из возможностей их сжимания, намечение тех из них, какие в данный момент стали очередными, т.-е. выпятились на передний план, а также вытекающих отсюда конкретных практических мероприятий. Поскольку этот отбор задач и наметка практических мероприятий непосредственно вытекают из сделанного выше анализа „ножниц“, постольку мы можем ограничиться здесь лишь их перечислением, ограничиваясь краткими пояснениями и дополнениями, но не занимаясь доказательствами их нужности и полезности. Мы здесь не будем перечислять всех конкретных практических мер, намечаемых в порядке выводов из анализа „ножниц“, а наметим лишь основные.

Основной вывод—держать попрежнему твердый курс на смычку рабочего с крестьянином, города с деревней, промышленности с сельским хозяйством. Это—основная задача ближайшего периода нэп'а, определяющая целый ряд второстепенных и первостепенных задач, из нее вытекающих. Мы к ней шли все время, самую нэп мы ввели, исходя

из необходимости достижения смычки, как основной предпосылки дальнейшего существования и развития Советской власти, а с ней рабочей диктатуры и социализма. Если на практике получились в этом значительные затруднения и перебои, особенно ярко сказавшиеся на „ножницах", то ближайшей очередной задачей, отсюда вытекающей, является всяческое их устранение и смягчение, что в результате должно сводиться к известному, хотя и неполному сжатию, и смягчению „ножниц". Успешность соответствующих мероприятий по налаживанию смычки будет проверяться раствором „ножниц", как критерием для оценки наших достижений и успехов по разрешению этой задачи по достижению основной цели—смычки. „Ножницы", как мы уже отмечали во вступлении, тем и ценны для нас, тем и привлекают наше внимание, что они являются как бы наглядным барометром состояния „смычки", показывающим все перемены в этой области.

Смычка должна, однако, получить конкретное выражение в смысле реальной непосредственной помощи со стороны более организованного пролетариата менее организованному, менее сознательному крестьянству, в первую голову, в области его хозяйства. Кооперируя крестьянина, коллективизируя его хозяйство и тем самым расширяя и укрепляя его, Советская власть должна помочь ему, на первых порах, преодолеть и сбросить с себя тяжелое наследие своего незавидного прошлого. Сбросив иго помещика, крестьянин должен сбросить и иго нищеты, некультурности, несознательности. В этой области начавшаяся стихийно техническая революция в сельском хозяйстве открывает перед нами колоссальный простор для действия. Покончить с остатками старой общины (пересмотр форм землепользования)—раз, покончить с трехпольем и связанными с ним примитивными, азиатскими приемами обработки земли—два. На этой почве развить и пропаганду, и реальное содействие по машинизации и механизации сельскохозяйственного производства, имея в виду в отдаленной перспективе его электрификацию. Далее, сейчас же принять все меры к интенсификации сельского хозяйства путем введения и укоренения экспортно-хлебных и сырьевых культур, пропашных культур и травосеяния, развития животноводства, птицеводства и др.

отраслей сельского хозяйства. Это—основная очередная задача в сельском хозяйстве, без разрешения которой не изжить кризиса сбыта его продукции, главным образом, сбыта хлеба. Наши мероприятия тут встретят живой отклик со стороны крестьянина, расположенного под давлением низких хлебных цен к скорейшему переходу к более интенсивным формам землепользования. Но его потуги и начинания наталкиваются на острый недостаток оборотных средств, на отсутствие инвентаря, живого и мертвого, на полное почти отсутствие в деревне кредита (кроме самого ростовщического со стороны деревенских кулаков и торговцев, вызывающего лишь волнения среди крестьян). А между тем, интенсификация хозяйства без финансовой и материальной поддержки, без кредита, без соответствующего выгодного сбыта произведенного сырья и т. д. при всем желании крестьян неосуществима. В этой области многое могут, с одной стороны, сделать хлебоэкспортные и заготовительные организации, если они, сократив до минимума свои накладные расходы и добившись прямой (или через кооперацию) торговой связи с крестьянином, сумеют передать ему в виде премии за кондиционность, высокосортность и т. п. часть своей экспортной прибыли и тем заинтересовать крестьянина в расширении соответствующих культур; если они из своих оборотных средств выделят ему еще весной и зимой задатки под соответствующие культуры, если снабдят его на приемлемых условиях соответствующими машинами, орудиями, семенами, удобрением и т. д. То же самое должны сделать, с другой стороны, тресты и синдикаты и соответствующие заготовительные органы по части развития нужных им культур сырья. (Чего можно в этом отношении добиться,—показывает опыт махорочного и табачного трестов и синдикатов, доведших свои культуры в краткий срок чуть ли не до довоенных размеров. Широко развернулась у нас также культура подсолнуха. В хлопковых посевах в последнем году также наблюдается явный перелом к лучшему). Однако, все эти начинания только тогда дадут действительный эффект, если они будут прикрыты и объединены мощной организацией сельскохозяйственного кредита; создание центрального сельскохозяйствен-

ного банка и банков в отдельных крупных республиках, главное же, широкой сети низовых кредитных органов, долженствующих максимально развить подлинно крестьянский кредит, как в активных, так и пассивных формах, стоит непосредственно на очереди. Это—ближайшая, важнейшая задача по действительной, реальной помощи крестьянству, по налаживанию подлинной с ним смычки. Государство должно выделить на это максимум сил и средств. С другой стороны, стоит задача кооперирования крестьянства: без этого не интенсифицировать в широких размерах сельского хозяйства, без этого не создать достаточных размеров земельных площадей для выгодного применения к ним трактора, машины вообще, мелиорации и т. д., и т. п. Чрезвычайно ответственная задача выпадает также на долю совхозов, которые должны стать подлинными образцами интенсивного сельского хозяйства, рассадниками агрокультуры и т. д. Этого до сих пор, к сожалению, не было. При всем этом важно учитывать группировки внутри деревни и, в первую очередь, оказывать помощь беднейшему крестьянству (вчерашнему рабочему, осевшему в деревне). Это на ближайшее время имеет еще и то значение, что воспрепятствует чрезмерно усиленному притоку бедноты в города на работу. Приток этот превышает увеличивающийся с каждым днем спрос на рабочую силу и увеличивает, таким образом, кадры безработных. Хотя нам и крайне важно расширение пролетарской базы (так, Петроград за год приобрел около 30 тыс. своих прежних рабочих), но это должно соразмеряться с общим ростом хозяйства.

Но задача смычки осталась бы простой формой без содержания, если бы она стала только самоцелью. Ясно, что смычка важна и существенна для нас постольку, поскольку она, обеспечивая власть за рабочими, дает им возможность использовать самую эту власть и смычку для осуществления основной задачи рабочего класса—строительства социализма. Это—основная, коренная задача пролетариата, завоевавшего и удержавшего власть не только на ближайший период, но уже на целую переходную к социализму эпоху. Ближайшая задача—достижение смычки—становится

в ней уже вспомогательной, подчиненной задачей, не теряя от этого, однако, ничуть в своем значении для настоящего момента.

Из каких же частных задач складывается эта основная задача рабочего класса, задача задач, основа всей его политики? Она состоит в напряженном созидательном труде по строительству основ социализма, по расчистке места и сооружению лесов для него, по подготовке соответствующего материала для этого. В отставшей крестьянской стране на пути к социализму лежат невероятные трудности и препятствия. Наш пролетариат вынужден преодолевать их пока один, без помощи со стороны более мощного и организованного пролетариата крупных индустриальных стран, без тех технических и организационных средств, которые в этих странах созданы развитым капиталом. Но, тем не менее, пути к социализму, хотя и трудные, имеются и у нас; надо их только прочистить; у пролетариата советских республик есть не одна экономическая и техническая зацепка, ступенька, созданная в прежней царской России капиталом, как внутренним, так и внешним. Твердо став на них, уцепившись за них, он может развивать дальше дело социалистического строительства. Прямая задача в данный момент для этого — создать и укрепить систему государственного капитализма в нашей стране, связать с ней и подчинить ей многомиллионных частных торговцев и производителей, крестьян, кустарей, ремесленников и др., сплотить их цементом кооперации в одно неразрывное целое, управляемое через посредство экономического регулирования рынка и через него производственных отношений между основными группами населения страны. Смычка тут нужна более всего и не только для политической поддержки Советской власти, но и для экномического обоснования ее базы — государственного капитализма.

Эта задача, в свою очередь, разбивается на основную и ряд вспомогательных или второстепенных задач, хотя и самостоятельных. Основная задача — это всяческое укрепление и развитие крупной государственной промышленности, как основной производственной базы для системы государственного капита-

лизма, как основной предпосылки для создания социализма. Отсюда и практический подход к ней, в связи с „ножницами“ и вытекающим из них кризисом сбыта — уберечь всеми мерами государственную промышленность от сокращения размеров ее производства, жертвуя всем для понижения ее себестоимости и усиления тем самым сбыта ее изделий: итти на максимально возможную концентрацию производства на возможно меньшем количестве предприятий и усиление таким образом нагрузки их; итти на всяческое ограничение в своих удобствах, чтобы сберечь „советскую копейку“ на всем, на чем возможно; итти на все меры, позволяющие извернуться с тем ограниченным количеством оборотных средств, какие имеет наша промышленность; итти на все, кроме только сокращения зарплаты и повышения цен при сбыте изделий массовому потребителю. Но важно тут главное — чтобы масштаб производства не сократился, чтобы он, наоборот, расширился и тем самым дал бы большую нагрузку отдельных предприятий и более низкую себестоимость их продукции, чтобы его сжатие не погубило бы промышленности, и так с трудом отстаивающей свои позиции под напором частно-собственнической стихии изнутри и империализма извне, чтобы не распылилось вновь восстанавливающееся, крепнущее ядро основного индустриального пролетариата, политической основы рабочей диктатуры, ее субъекта.

Крайне важной задачей, содействовавшей подвятию и восстановлению промышленности, является поднятие производительности труда рабочего (при общем курсе на повышение зарплаты по мере улучшения хозяйства), притом не столько нажимом на его низкую интенсивность труда, сколько нажимом в сторону лучшей организации самого процесса производства, лучшего подбора руководителей и исполнителей этого процесса, лучшего использования рабочего времени и труда, со стремлением к максимальной эффективности его. Тут к задачам восстановления промышленности вплотную примыкает задача ее внешней и внутренней организации в соответствии с принципами научной организации труда (нот) и производства, но не в смысле простого подражания кабинетным

схемам и теориям, вырабатываемым или применяемым за границей, но в смысле практического приспособления этих схем и теорий к **реальным** условиям хозяйственного строительства у нас. Нот должна получить у нас более жизненное, более **прикладное** применение, чем имеет она до сих пор.

С задачей восстановления и укрепления государственной промышленности теснейшим образом связана задача **укрепления государственного оптово-торгового аппарата как в области внутренней, так и внешней торговли**. Важнейшими задачами в области **внутренней торговли** являются—упрощение торгового аппарата, сокращение числа ступеней его, **устранение фиктивных, искусственных монополий** там, где они мешают нормальному развитию торговли и служат лишь интересам местного капитала, затрудняя сбыт изделий соответствующей отрасли промышленности (**пересмотр** под определенным углом зрения **синдикатов**, отбор наиболее жизнеспособных и экономически обоснованных из них), допущение в известных пределах полезной и оздоравливающей государственную промышленность и торговлю **конкуренции** и т. д. Однако, ошибкой было бы пытаться сразу создать во внутренней торговле такого же типа организации торговли, как это имеет место во внешней. Тут неизбежно преобладание на первых порах и надолго еще преимущественно **экономических** способов регулирования и подчинения себе частного торгового аппарата. Никакой главкизм, никакая голая схематика тут не должны иметь места. Возврат к главкистским методам давления на рынок в полном объеме был бы гибельным для нашей торговли, для поддерживаемой ею смычки, для самого существования Советской власти. Это надо иметь все время в виду.

Что касается **внешней торговли**, то тут основная очередная задача—**максимальное развитие торговых связей** с заграницей, с внешними рынками, в первую очередь, в области **хлебного экспорта**, а также по части экспорта излишнего сырья и изделий (готовых и полуфабрикатов) некоторых отраслей нашей промышленности, не находящих достаточного сбыта внутри в силу не только высоких

цен, но недостаточной емкости соответствующего внутреннего рынка (напр., производство соды, отчасти посуды и мануфактуры, в последнее время добыча нефти (керосина) и угля, паровозостроение и др.). В отношении импорта—стремление к ввозу не столько готовых изделий, сколько необходимых для переоборудования и восстановления наших фабрик и заводов и для электрификации страны орудий производства, машин, установок и т. д., затем сырья и полупродуктов, не могущих быть в достаточной мере заготовленными на внутреннем рынке (хлопок, тонкая шерсть, тяжелые кожи, резина и т. п.). Нам в нашей внешней торговле не следует добиваться обязательно активного баланса с крупным остатком в валюте от внешне-торговых операций: подобный баланс может оказаться для слишком бедной нашей страны излишней роскошью. В регулировании внешней торговли незыблемым остается и впредь принцип ее монополии в руках государства. Необходимо, однако, более гибкое и организованное применение этого принципа на практике.

На-ряду с этой основной задачей восстановления и развития государственной промышленности и торговли стоит вторая, не менее трудная, обширная и сложная задача. Это—строительство и укрепление всеми мерами кооперации, как связи между государственным капиталом и частным мелким производителем—крестьянином, как формы организации и коллективизации этого последнего и его распыленного мелкого хозяйства, как переходной стадии от мелкого, частного товарного производства к социализму [1]). Эта задача в нашей стране приобретает на ближайший период сугубое значение и становится одной из первых в ряду очередных задач экономической политики. Она объединяет, связывает между собою задачу налаживания смычки и задачу восстановления и развития государственной промышленности тем, что может создать и широко развернуть сбыт промышленных изделий в деревню, так же как и реализацию продуктов сельского хозяйства:

---

[1]) См. известные всем последние статьи т. Ленина о кооперации.

кооперация, тесно связанная в одно целое с государственным капиталом, является единственным мостом от города к деревне, единственной связью между городом и деревней, которая бескорыстно будет служить этой цели, не создавая из себя, как это делает частный торговый капитал, противовеса и конкурента государственному капиталу и государственной промышленности. При той слабости и неорганизованности кооперативного аппарата, какие выявились в процессе раздвигания „ножниц“ и последнего кризиса сбыта (ударившего, между прочим, больше всего именно по кооперации, как того и следовало ожидать, но тем самым отрезвившего ее от тех главкистских схем и утопий, какими она заразилась в период „военного коммунизма“ и поставившего ее на путь нормального постепенного роста и развития, исходя из наличных реальных сил и возможностей), задача налаживания и укрепления кооперативного аппарата, как потребительской, так и сельскохозяйственной, кредитной и промысловой кооперации, становится задачей исключительно важной, задачей первостепенной и в высшей степени очередной.

С восстановлением и укреплением государственно-кооперативного капитала (промышленного и торгового) связана задача постепенного, гибкого, планомерного подчинения ему сначала частного торгового капитала, а потом и частного производителя, сначала промышленного и городского (кустаря, ремесленника, арендатора), потом и деревенского сельского хозяина. Задача эта, чрезвычайно важная сама по себе для развития и концентрации капитала, приобретает исключительный характер опять-таки в наших условиях, где государственно-кооперативному капиталу противостоит на рынке частный торговый капитал. Она делается одной из предпосылок самой возможности создания и развития системы государственного капитализма, она становится в данный момент уже непременным условием его дальнейшего развития. Поскольку частно-торговый капитал, как мы видели выше, развился уже в значительной степени и проявляет тенденции к срастанию с мелкой промышленностью, постольку эта задача становится на-ряду с остальными очередной для ближайшего периода нэп'а.

В частности необходимо тут подчеркнуть задачу обслу-

живания и организации кустаря через промысловую кооперацию, чтобы парализовать организующее воздействие на него со стороны частного капитала. Кустарная промышленность, обслуживающая на $^4/_7$ нужды деревни, составляющая $^1/_8$ всей промышленности по количеству продукции, даваемому ею вместе с прочей мелкой промышленностью, является достаточно важным объектом для нашего внимания. Тут нужно также постепенное втягивание ее в сферу влияния государственно-кооперативного капитала, постепенное и осторожное подчинение ее интересам этого последнего. Средства для этого, в первую очередь, организация выгодного для кустаря сбыта его изделий, во вторую очередь, снабжение его необходимыми материалами и орудиями производства.

Вообще средства подчинения частного производителя и торговца государственному торговому капиталу должны быть преимущественно средствами экономического воздействия и влияния на частный капитал, как это мы указывали уже выше. Пользоваться тут без нужды или идя по упрощенному пути, по линии „наименьшего сопротивления", способами преимущественно административного воздействия, подходить к этой задаче вообще грубо или легко, необдуманно, без плана, пытаться ее искусственно форсировать,—это значит только осложнить ее разрешение. Осторожность, постепенность, вдумчивость и планомерность, гибкость нужны тут больше, чем где бы то ни было. Не запрещать частную торговлю, не увлекаться нормированием цен для нее, не полагаться на свои политические и юридические преимущества перед нею, на свою монополию и т. п., а стараться сначала ее втянуть в сферу своего влияния, целесообразно использовать ее в своих целях, сделать ее своим комиссионером, агентом и т. д., лишив в то же время частный капитал источников для питания и разбухания за счет государственно-кооперативного капитала.

Успешными все эти меры окажутся лишь постольку, поскольку будет расти и крепнуть государственно-кооперативный капитал, поскольку будут в его руках складываться и оформляться, приобретая действенность и регулирующую способность, основные регуляторы, рычаги экономического воздействия на рынок и через него на частного производителя. Мы

эти рычаги перечисляли уже выше: это—кредит, маневрирование денежными и материальными (товарными) фондами, грузовые тарифы по перевозкам, налоги и таможенные тарифы, денежная эмиссия и т. д. Их и надо всячески развивать и укреплять, исходя из имеющихся достижений по этой части, закрепляя сделанные завоевания (как, напр., установление твердой денежной единицы—червонца).

В области финансовой наиболее крупной задачей ближайшего времени является денежная реформа, долженствующая привести нас к твердой денежной единице. Но она реально возможна лишь при условии достижения бездефицитного бюджета. Следовательно, необходимо в соответствующей мере сократить расходную часть и усилить доходные поступления от государственных имуществ (лесов, городских земель, недр и т. п.), от государственных предприятий (транспорта, промышленности, концессий и т. п.), от государственных кредитных операций и т. д., но не от эмиссии. Однако, не следует особенно рассчитывать на значительное увеличение налоговых поступлений, особенно от сельского населения, предел платежеспособности которого в основном исчерпан. Другое дело—налоги с новой буржуазии, с нарождающегося частного торгового капитала. Тут, напротив, необходимо усилить классовый характер подхода и не только в отношении налогов, но и многого другого (в отношении аренды помещений и земель, тарифов, условий кредита и т. п.). Главное, конечно, это—повышение прибыльности государственного хозяйства, но прибыльности не фиктивной, не легкой, однодневной, а прочной, солидной, надолго. Это зависит от подхода государственных и кооперативных органов к потребителю, от умения завоевать его и прикрепить к себе, развернув тем самым сбыт и расширив свою продукцию. В отношении страхового дела необходимо отказаться от той же внешней монопольности и принудительности в отношении таких видов страхования, как от градобития, падежа скота и т. п. При таком подходе получается лишь новый налог на крестьянство, и так уже отягощенное поборами. Крупнейшее значение имеет выделение из общегосударственного бюджета бюджета местного, вплоть до волостного. Но надо обеспечить места настолько реальными доходами или настолько сократить их расходы, чтобы в погоне за доходами ими не облагалось

Дополнительно сверх уже имеющегося единого сельскохозяйственного налога крестьянское хозяйство, чтобы не было злоупотреблений так-называемыми „добровольными“ сборами с крестьян; чтобы не облагался чрезмерно местными поборами грузооборот по железным дорогам и водным путям, и т. д. Тут необходим целый ряд продуманных мероприятий.

В отношении кредита основная задача—сделать его регулятором хозяйства (при одновременном удешевлении, расширении, увязке с общим планом). Пройдя свою стадию первоначального накопления, банковский капитал настолько в основном уже сложился и окреп, что может теперь от чисто-коммерческих приемов своей работы постепенно перейти к планомерному государственному регулированию всего народного хозяйства. Конечно, этого не сделать сразу. Для этого требуется еще углубление кредита в деревню, чтобы иметь влияние и на сельское хозяйство. Задача эта чрезвычайно трудная. Далее необходимо более широко и гибко охватить торговлю (в том числе и внешнюю) и транспорт. Но уже в отношении промышленности такое регулирование, на наш взгляд, возможно и должно быть осуществлено. Для этого требуется еще и организационная перестройка всей кредитной системы. Кроме Промбанка и Всекобанка, необходимо выделить теперь Сельскохозяйственный и Экспортный банки. После их выделения и укрепления Госбанк должен стать центральным эмиссионным банком, держащим в подчинении себе остальные банки, являющиеся, в сущности, его филиалами. При подчинении тогда Госбанка непосредственно СТО мы получим законченную систему управления и регулирования всего народного хозяйства, складывающуюся в две линии органов: ведомств и оперативных центров, могущую быть изображенной приблизительно в таком виде:

СТО

Госплан,	Госбанк,
ВСНХ,	Промбанк,
НКТорг (Центросоюз),	Всекобанк,
НКВнешторг,	Экспортбанк,
НКЗем (Сов. НКЗемов СССР),	Селхоз. банк.
НКПС,	
НКФин,	

Мы не будем подробнее останавливаться на будущей схеме организации народного хозяйства. Тут предвидятся значительные изменения, в роде реорганизации Комвнуторга в самостоятельный наркомат с действительными правами и возможностями по регулированию торговли, с подчинением ему в отношении регулирования оптовых и отчасти розничных цен, а также в отношении маневрирования товарными массами всех торговых органов, выступающих на внутреннем рынке, в том числе и синдикатов; в роде расщепления Наркомпрода между НКФином (налоговая часть) и НКТоргом (операт. часть); слияния потом НКТорга с НКВнешторгом и т. п.

Теснейшим образом с этим связана задача укрепления планового начала в управлении государственным хозяйством и регулировании всего народного хозяйства. На этой задаче нам не придется останавливаться здесь подробнее, поскольку она в своих основных чертах намечена была выше. Подчеркнем, однако, и здесь постепенность в достижении планового начала и необходимость реального критерия для оценки этих достижений. Не гоняться за фиктивными, нереальными планами, а добиваться плана, хотя и не всеобъемлющего и не во всем увязанного, но зато реального.

Для партии и всего аппарата Советской власти, профсоюзов и партии ближайшими задачами, связанными с „ножницами", являются: всяческая моральная и идейная поддержка органов, руководящих промышленностью и кооперацией, при одновременной дружеской товарищеской критике их недостатков и недочетов (но не преследовании их руководителей, как это было в последнее время с хозяйственниками, сделавшимися мишенью всяческих ударов, не только заслуженных, но и незаслуженных, всяческой демагогии и даже прямой травли), учитывая те объективные причины, которые мешают достижению ими быстрых успехов, не забывая о той тяжелой и чрезвычайно ответственной роли и задачах, которые выпадают на их долю; помощь не только словами, но и делом, в первую очередь путем притягивания профсоюзов и их низовых ячеек, а также партячеек ближе к производству, путем участия их членов и представителей в ячейках РКИ, в кружках по нот'у, в ячейках Лиги Времени и т. д.; помощь путем объективного обще-

ственного контроля за каждым участником процесса производства и обращения как со стороны низовых профорганов и парт'ячеек, так и печати, и чисто-общественных организаций (устройство, между прочим, конкурсов и соревнований на максимальную хозяйственность, на лучшего администратора и т. п.). Партия и профсоюзы вместе с печатью должны *жить одной жизнью* с восстанавливающимся, крепнущим нашим государственным хозяйством, болеть его болезнями, чувствовать и оценивать его достижения и победы. До сих пор не было еще достаточного участия *всей* партии, *всего* рабочего класса в хозяйственном строительстве. А между тем, в нем главный залог нашего будущего, в нем предпосылка социализма и окончательного торжества рабочего дела. Ближе поэтому к хозяйству!

В заключение скажем лишь одно: если *ведущим* к кризису началом было понижение хлебных цен, вообще причины *стихийно-рыночного* характера, то *выводящим* из него должно быть более энергичное и активное понижение цен на промышленные изделия, вообще же начало *государственно-плановое*, начало *активно-организующее* творящее *новые* формы хозяйства. В этом основное преимущество, по сравнению с буржуазией, рабочей диктатуры при преодолении и полном, в конце-концов, устранении всяких и всяческих кризисов. *Это преимущество нового класса должно быть использовано в полной мере в мировой борьбе за конечную победу над классом отмирающим*, в той грандиозной борьбе, в которой наш кризис сбыта и наши „ножницы" являются лишь *эпизодом*, хотя и весьма серьезным и важным по своему значению и своим последствиям для развития мировой революции.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ИЗД—ВО
КРАСНАЯ
НОВЬ

